

ПУБЛИКАЦИИ

Иеромонах Маркиан (Попов)

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАЛЕСТИНУ, НА АФОН И ПО РОССИИ (дорожные заметки)

Впервые публикуется полностью Дневник путешествия, предпринятого валаамским иеромонахом Маркианом (Поповым) с 3 января по 5 июля 1911 г. по маршруту Одесса — Варна — Бургас — Константинополь — Солунь — Смирна — Хиос — Мерсина — Яффа — Иерусалим — Хайфа — Бейрут — Триполи — Александретта — Мерсина — Родос — Смирна — Афон — Херсон — Одесса — Тирасполь — Почаев — Киев — Чернигов — Белгород — Козельск — Москва — Сергиев Посад — Москва. Отправившись пароходом из Одессы, о. Маркиан длительное время осматривал Иерусалим и Палестину (22 января — 16 апреля), русские и греческие монастыри, скиты и келии Святой Горы Афон (25 апреля — 2 июня), посетил Ново-Нямецкий монастырь (6–8 июня), Успенскую Почаевскую лавру (9–12 июня), монастыри Киева (13–17 июня), Чернигов (18 июня), Рыхлов (19–20 июня), Глинскую пустынь (21–23 июня), Софрониевскую пустынь (23–26 июня), Курск и Белгород (26 июня), Оптину пустынь (28 июня — 1 июля), Зосимову пустынь (2–3 июля), Троице-Сергиеву лавру (3 июля), Черниговский скит (4–5 июля), завершив странствие на Валаамском подворье в Москве (5 июля 1911 г.). Дневник был просмотрен автором, и 6 апреля 1912 г. внесена последняя запись.

В Дневнике подробно описываются бытовая сторона длительного странствия, многие храмы, обители и люди, с которыми приходилось

встречаться автору Дневника. Особенности совершения богослужений и быта монашествующих автор уделяет особенное внимание, тщательно сопоставляя увиденное с привычными ему валаамскими обычаями и традициями.

Ключевые слова: *паломничества, святыни Иерусалима и Палестины, обители Святой Горы Афон, Ново-Нямецкий монастырь, святыне места Киева, Почаевская лавра, Глинская пустынь, Софрониевская пустынь, Оптиная пустынь, Черниговский скит, Валаамский монастырь.*

Об авторе публикуемого дневника иеросхимонахе Михаиле известно немного. В появившихся в последние годы работах о Валаамском монастыре его упоминают почти всегда, ссылаясь на два источника — воспоминания о нем архимандрита Афанасия (Нечаева), выбравшегося в Финляндию из советской России в начале антирелигиозной эпохи, и дневник валаамского иеромонаха Памвы, оставленный автором в монастыре при срочной и немислимо успешной эвакуации острова под самым носом у наступающих большевиков в зимнюю ночь 1940 года¹.

Архимандрит Афанасий писал свои воспоминания уже во Франции, он уже окончил Свято-Сергиевский Богословский институт, несколько лет провел в обществе самых ярких представителей зарубежного православного русского студенчества — его соученики стали виднейшими церковно-общественными тружениками эмиграции. Именно о. Афанасий поддерживал регулярную письменную связь Сергиева Подворья с Валаамом, интересовался всеми обстоятельствами монастырской жизни, а его письма валаамцам являлись подробными отчетами о церковной ситуации в Париже и на Балканах. Он вспоминал об о. Михаиле: «К нему меня направили для духовного окормления. Келья его состояла из трех отделений: приемная, молельня и спальня. Из нее дверь вела прямо в храм над святыми вратами в честь св. апостолов Петра и Павла. С трепетом вошел я в первый раз в эти покои духа, ощущая особую келейную атмосферу тепла и уюта и какого-то духовного благо-

¹ Последнее по времени такое сочинение: *Третьяков С. В.* Валаамские светильники духа. XX век. М., 2016. Ранее, то же см.: *Он же.* Подвижник Валаамского монастыря иеросхимонах Михаил (Попов) и его старческое служение // Православный христианин. Калуга, 2010. № 5. С. 24–29. Лучшая публикация об о. Михаиле появилась в том же «Русском паломнике». См.: *Полный Валаамский патерик: старец Михаил старший: исповедник страждущего православия // Русский паломник.* 1998. № 17. С. 56–69.

ухания. Приемная увешана образами, обставлена портретами старцев. Первая встреча с о. Михаилом произвела на меня неизгладимое впечатление. С тех пор навсегда врезался в мою душу его образ. Это был совсем обыкновенный человек, но именно потому-то, очевидно, это был действительно настоящий человек. Мы говорим: “Людей много, а человека нет”. И вот я увидел пред собою настоящего человека. Словами этого не выразишь. Но всякий это и без того понимает, потому что образ настоящего человека живет в каждом из нас. И когда встретишь такого человека, то почувствуешь, что ты как бы сливаешься с ним в одно, как будто твои искаженные черты накладываются на его нормальные, и исправляются, а ты сам становишься нормальным человеком. [...]

У каждого настоящего человека своя индивидуальность. И у этого старца очень оригинальная индивидуальность. Это — вполне русский мужичок, с простою образною речью, полный, с небольшой бородкой, простым русским лицом. Но вот одяние схимы, четки и особенно манера держаться с вами обличает в нем врача духовного. Как врач, он подвигается к тебе, всматривается внимательно, ласково и бережно; да, особенно бережно обращается с тобой. Он не предписывает духовных лекарств, не повелевает, а только как бы намеками побуждает вас делать то именно заключение или решение, которое ему кажется для вас правильным. И вы покидаете его с таким чувством, как будто вам вправили вывихнутую руку, такое чувство облегчения, мира душевного находит на вас. К нему я ходил часто, в начале каждый день, и все докучал ему своей нетерпеливостью. Он не хотел чтобы я разговаривал с игуменом о планах своей дальнейшей жизни в монастыре, прежде чем получу рекомендацию от Финляндского архиерея Германа, который близко к сердцу принял меня, как миссионера, желающего работать под руководством Церкви. Духовник о. Михаил и о. эконом Харитон, тоже сразу принявшие во мне участие, хотели создать мне особое положение в монастыре, чтобы я мог лучше духовно окормляться².

Из нескольких послужных списков 1919–1939 годов явствует, что «иеросхимонах Михаил Ф[инляндский] г.[ражданин] [...] Род.[ился] 8/X-1871. Женат не был [...] В учебных заведениях не учился. Знает: чтение, пение, Св.[ященную] историю, катихизис»³.

² *Афанасий (Нечаев)*. Старый Валаам // Русский паломник. Chico, Калифорния. 1990. № 1. С. 45.

³ Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1932–

Происходил о. Михаил «из мещан г. Кронштадта, в мире назывался Михаил Попов, в монашество пострижен 6 марта 1899 года в Вл. м-ре и наречен Маркиан, облечен в схиму здесь же 15 марта 1924 года. [...]

Поступил в Вл. мн-рь 1889 сент.[ября] 15. Зачислен в послушники 1894 дек.[абря] 28. Рукоположен во иеродиакона 1901 янв.[аря] 16. Посвящен во иеромонаха 1903 июня 28. Награжден набедренником 1907 дек.[абря] 8. Награжден золотым наперсным крестом от Св.[ятейшего] Синода, выдаваемым 1914 мая 6.

По представлению настоятеля м[о]н[асты]ря за усердные труды и полезную службу Церкви преподано архипастырское Его Высокопреосвященства благословение с грамотою 1921 мая 1.

Проходил клиросное послушание при Финляндском архиерейском доме; находился в командировке во флоте для священнослужения, правил должность уставщика в монастыре, находился в скитах: Всех святых и Коневском для священнослужения. С 1921 года находился в м[о]н[асты]ре и состоял помощником духовника.

Монашествующей братией обители, как получивший большинство избирательных голосов 138 из 226, избран кандидатом на должность духовника 1921 июля 3. Резолюцией Его Высокопреосвященства утвержден исполняющим должность монастырского духовника 1921 июля 12.

Исполнял должность духовника и правил чреду священнослужения. Находился в скитах: Германском и Тихвинском, ныне проживает в скиту И.[оанна] Предтечи»⁴.

В графе «Не был ли судим и штрафован, когда именно и за что?» указано: «Был. 10.III. 1926 Низший Церковный Суд присудил и 15. IX. 1926 Высший Церк.[овный] Суд утвердил приговор за самовольное толкование канонов с целью внести разлад между монастырской братией за демонстративное выступление против начальства и духовной власти, за нарушение порядка и монастырского устава, — к лишению права исполнять обязанности присвоенные званию священнослужителя впредь до исправления и до публичного раскаяния в присутствии Архипастыря и настоятеля монастыря, а так же к отстранению от должности монастырского духовника и разрешается по указанию

1939 гг. (Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1932–1939/ Ва: 82. P. 23–24).

⁴ Там же.

игумена заниматься в монастыре как простому члену монастырского братства»⁵. Из последней по времени записи следует, что о. Михаил «скончался 21 мая 1934 г.»⁶

Согласно воспоминаниям о. Афанасия (Нечаева), на острове подвизались и братья о. Михаила: «Были на Валааме трое выдающихся родных братьев. Один из них был главный духовник о. Михаил, другой — главный регент о. Арсений и третий — главный певчий, первый тенор и поэт о. Викентий. Про о. Михаила была уже речь. О. Арсений был талантлив не только в пении, но и на всякое «рукоделие». Работал все, что придется. Когда митру сделает, а когда и скрипку смастерит. А регент он был знающий и оставил памятник по себе: записал все валаамские напевы на один голос. Большой сборник получился, ценнейший вклад в нашу духовную музыку. В этом помогал ему и брат его, о. Михаил, тоже бывший певчий. Третий брат, о. Викентий, поражал своей огромной нотной эрудицией: знал наизусть все партии всех церковных нотных песнопений всего года. Под конец он ослеп, и тогда пел все наизусть, да еще и нас поправлял. А голос у него был — беспредельный тенор. Владел он им великолепно. И поэтом был он изрядным. Описал весь монастырь в стихах. В 1938 году о. игумен Харитон издал альбом с видами Валаама и с текстом к ним в стихах, произведение о. Викентия. Царство ему небесное»⁷.

Права Финляндского гражданства были предоставлены о. Михаилу указом президента Финляндской Республики от 8 апреля 1922 г. (л. 22)⁸.

Исправленная запись в раннем послужном списке о. Михаила⁹, за период 1919–1926 гг. «[...] находился в скиту Всех Святых; *ныне и на-*

⁵ Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1932–1939 гг. Р. 23–24.

⁶ Там же.

⁷ *Афанасий (Нечаев)*. Старый Валаам // Русский Паломник. Chico, Калифорния. 1990. № 2. С. 111.

⁸ *Henkilötiedot Valamon liostarin veljestöstä v.v. 1929–1937*. ([Формулярная ведомость о братстве Валаамского монастыря за 1929–1937 гг.]. Valamon Luostarin Arkisto. Без шифра. Р. 22–23).

⁹ Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1919–1926 гг. (Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1919–1926. Ва: 79. Р. 60^v–61). Запись: «21. Иеромонах Маркиан» исправлена на: «Духовник Иеросхимонах Михаил» (Там же. Л. 60 об.)

ходится¹⁰ в Коневском скиту и занимается священнослужением; с 1921 г. находится в монастыре»¹¹ позволяет говорить о том, что к моменту оставления списка (1919 г.) он проживал в Коневском скиту, а с 1921 по 1926 гг. пребывал в монастыре. Активное неприятие нового календарного стиля, приведшее к перемене почти всего руководства монастыря на о. Валаам, коснулось и о. Михаила.

Вследствие проведенного разбирательства 45 человек оставили монастырь, а некоторые и Финляндию, несмотря на наличие финляндского гражданства: «Означенные сорок два (42) монашествующих высланы из сего монастыря в течение 1925 и 1926 годов. “Иеромонахи: Поликарп, Евстафий, Киприан, Исидор, Мелетий, Патапий, Марин, Арефа, Хрисанф, Иоанникий, Феодосий, Иракий, Александр Тюменев; Иеродиаконы: Савватий, Тимолай, Иувеналий, Мардарий, Нил, Герман Кашманов, Филимон, Аггей, Павел, Уриил, Осия; Монахи: Феофил, Никандр, Орест, Аристоклий, Панкратий, Полихроний, Геласий, Феодорит, Максимиан, Таврион, Равула, Герман Федоров, Илиан, Малх, Феодор, Феоктист, Иларион Галанов и Иона Захаров. Архидиакон Палладий, Монах Варсава и Монах Мокий”. Выехали из монастыря по собственному желанию в 1926 году»¹².

«Я только один раз видел за это время своего духовника о. Михаила, — свидетельствует о. Афанасий (Нечаев), — не хотел докучать ему собою, зная какую ответственную роль играет он в этом вопросе. И он сказал мне лишь одну фразу, но твердо и решительно: «Нам святые каноны не позволяют быть с нарушителями их». И почувствовал я, что это у него непреложное. И хоть смутно, но сознал я тогда, что все же в чем-то неправ он. И жаль его стало бесконечно. Неужели этот крепкий русским ум не найдет Христова царского пути?»¹³ — писал архимандрит Афанасий.

Выбор о. Михаила остался неизменным, как не изменились и порожденные этим выбором меры административного воздействия. Менялись лишь скиты, по которым ему пришлось странствовать... 15 декабря 1926 г. иеромонах Памва отметил: «9 часов утра. На пароходе “Со-

¹⁰ Слова, выделенные курсивом здесь и далее, в рукописи зачеркнуты.

¹¹ Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1919–1926 гг. Л. 24–25.

¹² Там же Л. 315–316.

¹³ *Афанасий (Нечаев)*. Старый Валаам // Русский Паломник. Chico, Калифорния. № 1, 1990. С. 48.

фия” увезли духовника иеросхимонаха Михаила в скит на Германовский остров. Из скита прп. Германа старец был переведен в Тихвинский скит, который сам о. Михаил называл “наш валаамский Сахалин”»¹⁴.

Исправленная запись в раннем послужном списке о. Михаила¹⁵, за период 1927–1931 гг.: «Исполнял должность Духовника, правил чреду священнослужения, *ныне находится* в Германском скиту, *ныне находится* в Тихвинском скиту» (л. 24) позволяет говорить о том, что к моменту составления списка (1927 г.) он проживал в Германском скиту, а ко времени переноса сведений в следующую регистрационную книгу (1931 г.) уже находился в Тихвинском.

Затем о. Михаила перевели в скит св. Иоанна Предтечи, где он пребывал около восьми лет. Сюда был на некоторое время сослан и вскоре уехавший в Сербию иеродиакон Никандр (Беляков, † в 1979 г. в Леснинском Свято-Богородицком женском монастыре во Франции), проживший дольше всех высланных валаамских старостильников и первым публично высказавший монастырской администрации недовольство календарными нововведениями. Именно ему писал о. Михаил незадолго до своей кончины: «Мне всегда была особенно дорога в церкви та свобода, которую лично я получаю только в православии, где нет никакого обязательного авторитета, а только свои совесть и ум, берегущие друг друга в твердом уповании на милость Творца»¹⁶.

Обстоятельства кончины о. Михаила 21 мая 1934 г. сохранились в записях о. Памвы: «В 3-м часу дня поехал один в лодке, чтобы перевезти к себе в гости отца Иувиана-канцелярщика, и на середине залива скончался в лодке от разрыва сердца, и лодку погнало в озеро с ним, а он лежал на боку, и в лодку уже набралось много воды. В скиту услышали крик и сильный звон в било. Один рясофорный послушник, певчий Валентин, тоже был в скиту в гостях. Он поехал на лодке и увидел отца Михаила упавшего, и лодку его на буксире привезли к берегу, а затем в монастырь. Ему было 65 лет»¹⁷. Иеросхимонах Михаил (Попов) был по-

¹⁴ Дневник иеромонаха Памвы (Фонд Валаамского монастыря. Национальный архив Республики Карелия. Петрозаводск).

¹⁵ Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1927–1931 гг. (Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1927–1931. Va: 80. P. 25–26).

¹⁶ Письмо иеросхимонаха Михаила (Попова) иеродиакону Никандру (Белякову). Март 1933 г. (Частное собрание. Париж).

¹⁷ Дневник иеромонаха Памвы (Фонд Валаамского монастыря. Национальный архив

гребен на старом братском кладбище. Надгробие его, как и большинство братских захоронений, было разрушено в период первого пребывания острова под советским управлением 1940–41 гг.

Дневник странствия иеромонаха Маркиана по Святым местам Палестины, Греции и России с 3 января по 5 июля 1911 года погружает читателя в жизнь описываемой эпохи и наиболее интересен в той части, которая посвящена знакомству с обителями и обитателями Афонской Горы — наименее доступного для взгляда извне оазиса православия. Дневник о. Михаила свидетельствует о весьма высоком уровне письменной речи его автора, нехарактерном в среде валаамских насельников. Достаточно сравнить текст его записей с повседневными записями валаамского игумена Харитона (записями оригинальными, а не отредактированными публикаторами). Интересно, что необычное для валаамского инока длительное странствие о. Маркиана не нашло отражения в его послужном списке, то есть едва ли причиной его была официальная командировка.

Значительные фрагменты иерусалимских записей иеромонаха Маркиана были опубликованы ранее под заголовком «Святая Земля и Русская духовная миссия в «дорожных записках» иеромонаха Маркиана (Попова)»¹⁸, напечатаны были и краткие заметки о пребывании в Киеве. Публикации других фрагментов этого дневника встречать не приходилось.

Полный текст публикуется впервые (согласно правил современной орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей в написании отдельных слов, имен собственных и географических названий) по сделанной в начале 80-х гг. машинописной копии, сверенной с автографом Дневника и хранящейся в Архиве Валаамского монастыря в Финляндии (л. 1–180 об.). Публикуемый машинописный текст сохраняется в отдельном конверте, не имеющем архивного шифра.

*Вступительная статья, публикация и примечания
А. К. Клементьева, О. В. Скворцовой*

Республики Карелия. Петрозаводск).

¹⁸ См.: Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. 2012. № 1. Ч. I. [М.], 2012. С. 215–233.

Список литературы

1. Henkilötiedot Valamon liostarin veljestöstä v.v. 1929–1937. ([Формулярная ведомость о братстве Валаамского монастыря за 1929–1937 гг.]. Valamon Luostarin Arkisto. Без шифра. P. 22–23).
2. *Афанасий (Нечаев)*. Старый Валаам // Русский паломник. Chico, Калифорния. 1990. № 1–2.
3. Дневник иеромонаха Памвы (Фонд Валаамского монастыря. Национальный архив Республики Карелия. Петрозаводск).
4. Письмо иеросхимонаха Михаила (Попова) иеродиакону Никандру (Белякову). Март 1933 г. (Частное собрание. Париж).
5. Полный Валаамский патерик: старец Михаил старший: исповедник страждущего православия // Русский паломник. 1998. № 17. С. 56–69.
6. Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. 2012. № 1. Ч. I. [М.], 2012. С. 215–233.
7. *Третьяков С. В.* Валаамские светильники духа. XX век. М., 2016.
8. *Третьяков С. В.* Подвижник Валаамского монастыря иеросхимонах Михаил (Попов) и его старческое служение // Православный христианин. Калуга, 2010. № 5. С. 24–29.
9. Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1919–1926 гг. (Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1919–1926. Ва: 79. P. 60^v–61).
10. Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1927–1931 гг. (Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1927–1931. Ва: 80. P. 25–26).
11. Формулярная ведомость о настоятеле и братиях Валаамского монастыря за 1932–1939 гг. (Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1932–1939. Ва: 82. P. 23–24).

Hieromonk Markian (Popov)

“JOURNEY TO PALESTINE, APHOS AND ALONG RUSSIA (TRAVELER’S NOTES)”

The introductory article, publication and comments

by Alexander K. Klementyev and Olga V. Skvortsova

Abstract

The Diary published in full version for the first was written by Markian (Popov), hieromonk of Valaam, travelling in 1911 from January 3 to July 5 along the route: Odessa — Varna — Burgas — Constantinople — Thessaloniki — Smyrna — Chios — Mersina — Jaffa — Jerusalem — Haifa — Beirut — Tripoli — Alexandretta — Mersina — Rhodes — Smyrna — Athos — Khereson — Odessa — Tiraspol — Pochajev — Kiev — Chernigov — Belgorod — Kozelsk — Moscow — Sergiev Posad — Moscow. Sailing from Odessa, hieromonk Markian spent much time in Jerusalem and Palestine (January, 22 — April, 16), visited Russian and Greek monasteries, hermitages and cells on the Athos Mountain (April, 25 — June, 2); he also went to Novo-Niamets monastery (June, 6–8) and to the Pochayev Dormition Laura (June, 9–12), then Markian travelled to monasteries of Kiev (June, 13–17), Chernigov (June, 18), Rykhlov (June, 19–20), visited Glinskaya hermitage (June, 21–23), then Sofronievskaya (Sofroniy) hermitage (June, 23–26), Kursk and Belgorod (June, 26), the Optina hermitage (June, 28 — July, 1), the Zosimova pustyn’ (July, 2–3), The Trinity Lavra of St. Sergius (July, 3) Chernigovsky skit (July, 4–5) and returned to the Valaam metochion in Moscow (July, 5 1911). Later the diary was checked by its’ author, last note written is dated by April 6, 1912.

The diary provides detailed information on everyday aspects of long-term journey, including descriptions of churches, cloisters and people met by the hieromonk. Much attention is given to the specifics of Divine Services and daily routine of monks’ life which the author compared to the usual Valaam traditions and customs.

Keywords: *pilgrimage, relics of Jerusalem and Palestine, cloisters of Athos, the Novo-Niamets monastery, sacred places of Kiev, the Pochaev Dormition Lavra, the Glinskaya hermitage, the Sofroniy hermitage, the Optina hermitage, Chernigovsky skit, the Valaam monastery.*

References

1. Afanasij (Nechaev). Staryj Valaam [The Old Valaam]. *Russkij palomnik — Russian pilgrim*. Chico, Kaliforniya, 1990, no. 1–2.
2. Chastnoe sobranie. Parizh [Private collection. Paris]. Pis'mo ieroskhimonaha Mihaila (Popova) ierodiakonu Nikandru (Belyakovu, mart 1933) [A Letter of schemamonk Mikhail (Popov) to hierodeacon Nikandr (Belyakov). March, 1933].
3. Natsional'nyj arhiv Respubliki Kareliya, Petrozavodsk. Fond Valaamskogo monastyrya. [Fund of Valaam monastery. The National Archive of Karelia Republic. Petrozavodsk]. Dnevnik ieromonaha Pamvy [Diary of hieromonk Pamva].
4. Polnyj Valaamskij paterik: starets Mihail starshij: ispovednik strazhdushchego pravoslaviya [Complete Valaam Paterikon: Elder Mikhail Senior: confessor of groaning orthodox]. *Russkij palomnik — Russian pilgrim*. 1998, no. 17, pp. 56–69.

5. *Svyataya Zemlya. Istoriko-kul'turnyj illyustrirovannyj al'manah* [Holy Land. Historical-cultural illustrated anthology]. [Moscow], 2012, no. 1, part I, pp. 215–233.
6. Treťjakov S. V. Podvizhnik Valaamskogo monastyrja ieroskhimonah Mihail (Popov) i ego starcheskoe sluzhenije [Ascetic of Vallam monastery schema-monk Mikhail (Popov) and his serving as an elder]. *Pravoslavnyj hristianin — Orthodox Christian*. Kaluga, 2010, no. 5, pp. 24–29.
7. Treťjakov S. V. *Valaamskie svetil'niki duha. XX vek* [Valaam spiritual torches. 20th century]. Moscow, 2016.
8. Valamon Luostarin Arkisto. Henkilötiedot Valamon liostarin veljestöstä v.v. 1929–1937, pp. 22–23.
9. Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1919–1926. Ba: 79.
10. Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1927–1931. Ba: 80.
11. Valamon Luostarin Arkisto. Pappien ja munkkien ansioluettelo 1932–1939. Ba: 82.

Иеромонах Маркиан (Попов)

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПАЛЕСТИНУ, НА АФОН И ПО РОССИИ (дорожные заметки)

Призывая Бога в помощь, 3-го января 1911 года отбыл я из С.[анкт-]Петербурга по Варшавской железной дороге прямым, беспересадочным сообщением на Одессу.

Быстро промелькнули перед нами Псков, Вильна, и через 44 часа к вечеру мы уже подъезжали к Одессе.

Был Крещенский сочельник, и звонили в церквах ко всенощной. Мы вышли из вокзала и с помощью носильщика пошли на Афонское Андреевское подворье. Подворья Афонские: Пантелеймоновское, Андреевское и Ильинское — находятся почти рядом с вокзалом, только перейти площадь. Пришедши на Андреевское подворье и положив свои вещи в отведенное мне помещение, я кряду же пошел в церковь. Служба только что началась, и читали великое повечерие.

Церковь довольно просторная и украшена многими иконами, молящихся было много, и я прошел в Алтарь, поздоровался с настоятелем о. Меркурием и с прочими отцами подворскими.

Мне предложили завтра служить литургию в соборе, на что я охотно согласился.

На литию, по Афонскому обычаю, выходил один только очередной иеромонах, а на величание — вышли собором. Предложили мне каноны прочитывать и я, хотя с дороги порядочно устал, но взялся, и так как на Крещение два канона положено, то я читал на правом клиросе первый, а другой иеромонах, на левом клиросе — второй, что выходило очень хорошо и приятно. После всенощной, придя в номер, я благодарил Бога, что так скоро и благополучно доехал до Черного моря.

Утром служили во главе с настоятелем позднюю литургию. Пели очень хорошо, в особенности дивны дисканты; я подумал: «У нас на севере, видно, климат не позволяет певчим быть с такими прекрасными серебристыми голосами».

Управлял один из монашествующих, а певчие — нанятые, в светских костюмах. За службой я обратил внимание на некоторые особенности в служении, так, например: 1) на малом выходе иеромонахи правой стороны, идя из алтаря, прямо становятся на свои места, не заходя за первенствующего, 2) диакона на херувимской песне «Яко да Царя», а также «Госп.[оди], Иже Прес.[вятаго] Тв.[оего]» говорят по очереди, также при пресуществлении Св. Даров, первый говорит: «благослови, Владыко, святой хлеб», второй диакон говорит: «благослови, Владыко, святую чашу», третий: «благослови, Владыко, обоя», 3) возглас: «Щедротами Единороднаго» и другой: «Благодатию и щедротами», говорят сослужащие, а не первенствующий, как у нас, 4) заметил на жертвеннике серебряную коробочку для вынудия частиц из просфор, в случае опоздания, на следующую литургию, 5) теплоту не в ковшечке, а в серебряном кувшинчике подносят, 6) перед обедней, по-афонски, читают после часов изобразительные и бывает при открытых царских дверях отпуст, а после уже в алтаре молятся: «Царю небесный»,

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

с воздеянием рук по обычаю, т.[ак] ч.[то] народ в открытые царские двери видит это моление, что мне понравилось, 7) после службы «благочестивейшаго» не поют, а по-афонски поют приблизительно следующее: «Братию святых обители сия и вся православныя христианы, Господи, помилуй (3-жды), Господи, сохрани их на многая лета».

После обедни с крестным ходом пошли к колодцу, находящемуся внутри подворья, на дворе. Погода была довольно холодная, и на воздухе люди ежились от холода.

После пригласили в братскую трапезу; пища довольно хорошая с красным виноградным вином. После обеда ездили осматривать город, который произвел на меня хорошее впечатление.

Узнал у афонских отцов относительно отъезда. Оказывается, пароходы ходят по субботам, попеременно, в одну субботу прямого сообщения идет пароход, а в следующую — круговой. Теперь через два дня должен идти круговой, но меня уговаривают дожждаться парохода прямого сообщения.

(7-го января). Решили ехать с первым пароходом круговым и не сидеть бездельно еще неделю. Едут с подворья братья на Афон в числе человек восьми, мне с ними ехать будет приятнее, веселее. Каково-то будет наше плавание? Господи! управи путь наш во благополучии и в тишине.

(8 января). Утром после утрени был молебен для отъезжающих в путь, а потом, напившись чаю и поблагодарив гостинника о. Каллистрата за прием, я на извозчике с вещами отправился на карантинную пристань. Приехал я еще рано, и громадный пароход, под названием «Принцесса Евгения Ольденбургская», стоял у самой набережной, и шла горячая работа: нагружали разную кладь.

Взяв билет 2-го класса, я поместился в каюте вместе с афонскими отцами. Около 4-х часов пополудни наш могучий пароход отчалил от набережной и, полегоньку выбравшись с помощью маленьких буксирных пароходиков из гавани, помчался быстро в открытое, безбрежное море. Прощай, дорогая родина! прощай, благословенная Россия! Судит ли Бог вернуться обратно?

Погода стояла хмурая, и мы предполагали, что нас покачает изрядно, но, оказалось, качки почти не было и пароход долго шел в виду берега с правой стороны. Скоро из трюма послышалось пение. Оказалось, начал афонский батюшка келиот служить всенощную и богомольцы, составив хор, пели святые песнопения.

(9-го [января], воскресенье). Приехали в болгарский порт Варну. Погода теплая, снегу нет; напоминает наш апрель месяц. Ездили по городу. Город чистенький и народ — болгары — добрый и приветливый. Послал открытку брату в СПб. Поехали дальше и 10-го, в понедельник, приехали в другой город, Бургас; на берег с парохода не съезжали, так как далеко от берега. Вечером отправились дальше; началась довольно сильная качка. Паломники в трюме служат вечерню с афонским иеромонахом. Качка все усиливалась, и ночью поднялась метель и вьюга, ветер свистал, и волны бросали пароход, как щепку. Пароход шел наугад и поминутно давал свистки, которые неприятно действовали на нервы. Когда рассвело, то оказалось, что мы сбились с своего курса и пароход не сразу мог направиться по своему фарватеру. Часов в 10 утра въехали, наконец, в Босфор. Холодно, берега в снегу; неприветливо встретила нас древняя Византия. По приезде в Константинополь налетели лодочники, и каждый зазывал к себе,

но мы, будучи предупреждены, выждав несколько, сели с Андреевскими монахами в их лодку и, высадившись на берег, пошли все вместе на подворье.

Как приятно было очутиться на земле и среди монашествующей братии! Дали хороший номер и, напившись чаю, мы пошли с проводником, греком Герасимом по городу. Были в бывшем Софийском соборе; громаднейший и прекрасный храм. Жаль, что проводник плохо говорит по-русски и ничего не мог нам объяснить. В храме, или в теперешней мечети, шла мусульманская служба, и какой-то человек, вроде муллы, певуче что-то читал в минорной гамме очень оригинально и красиво, а турки сидели, поджав ноги калачиком. Время не позволяло нам долго осматривать город, так как пароход сегодня же пойдет дальше. Пообедав на подворье, пошли опять на пароход.

По пути я купил кое-что из провизии на дороге. На обратном пути, при переезде с берега на пароход, маленький мальчик, турчонок, собирал с пассажиров по 20 копеек за переезд с парохода на берег и обратно и, выкрикивая, требовал и всячески по-своему показывал, пока все не заплатили ему положенной суммы. Ночью снялись с якоря и отправились дальше.

Утром ехали Мраморным морем; погода стояла холодная, по берегам, по обеим сторонам лежал снег; паломники жмутся от холода, а наипаче турки, которые, очевидно, не привыкли к холоду и прячутся кто под одеяло, кто под бурку. Днем солнышко все же много греет, и совершенно забываешь, что январь месяц.

После города Дарданелл, или по-турецки Чинаклис, помощник капитана попросил меня наверху отслужить молебен с водосвятием и пригласить богомольцев к оказанию помощи престарелым черноморским морякам, которые помещаются в Одессе, в особенно устроенном для них доме. Я согласился и, достав из чемодана необходимые для священнодействия вещи и облачения, пригласил богомольцев принять участие в молитве, и, когда поехали по Архипелагу, я служил молебен и обошел весь корабль, окропляя его святою водою. Пели любители — паломники, довольно хорошо; в конце молебна я сказал несколько слов, предлагая по своему усердию помочь поильной лептой старым морякам, и многие клали в кружку кто сколько мог, по своему усердию. Капитан благодарил меня и в благодарность за труд попросил меня перейти из 2-го класса в первый. Спаси его Господи! Теперь мне хорошо: занимаю одну каюту, а раньше я бедствовал: каютка маленькая, а шесть кроватей, и вот нас поместили шесть человек: пять афонских отцов, а шестой — аз; не повернуться; кроме того, один из них больной — чахоточный, кашляет, а другие двое какие-то угрюмые и недоверчивые. Составляли исключение только Анфим Ильинский да Потатий Андреевский.

Слава Богу за все! Вижу над собой великие милости Божии. Вечером показался издали Афон. Богомольцы умиленно глядели на приближающуюся Святую Гору. Вот уже стали видны кое-где огоньки в пустынных кельях, и часов в 11 вечера подъехали к Святой Афонской Горе. Я решился следовать прямо в Палестину, а уже на обратном пути, если Господь благословит, побывать на Афоне. Наехало множество афонских монахов: кто для плаванья, а кто для сбора пожертвований; приехали больше келлиоты, а также греки с картиночками и камешками, которые продавали богомольцам. Многие богомольцы съехали на берег для поклонения святыням до другого парохода, приходящего на Афон через две недели.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

Поехали далее; многие монахи афонские поехали с нами до Солуня к консулу, который разбирает все их дела. Познакомился с настоятелем Крестовоздвиженской келлии иеромонахом Пантелеимоном¹; маститый, седой старец; он тоже намеревается ехать скоро в Иерусалим, так как купил он там место около Иерусалима, где раньше была знаменитая Фаранская лавра, основанная преподобным Харитоном Исповедником, и хотел там построить церковь, но ему ходу не дают: во-первых, греки, не терпящие усиливающегося влияния русских в Палестине, а, во-вторых, и наш архимандрит миссийский Леонид², боясь как бы конкуренции. Жаловался мне старец и скорбел на архимандрита: «сколько денег-то потратил я, и вот, ничего не выходит». Разговорился еще со старичком иеромонахом Пантелеимонова монастыря о. Анастасием; он ехал в Солунь полечиться. Спросил я его: «Много ли всей братии в Руссике?» «1800 человек, — отвечал он, — из них в монастыре только 800, а остальные по подворьям и метохам проживают». «Есть ли у вас собор, или отец архимандрит один управляет братиею?» — снова спросил я. «Раньше, при игумене Герасиме³, — отвечал он, — было, так сказать, монархическое правление; этого же держался и покойный архимандрит Макарий⁴, советуясь только с Иеронимом духовником.

Далее, игумен Андрей⁵, хотя и собирал собор, но не для решения, а для совещания, и предупреждал их в этом; даже игумен покойный Макарий Новоафонскому архимандриту Иерону⁶ не благословил устроить у себя собор, и тот в настоящее время советуется только с наместником и казначеем. Нынешний же игумен Руссика архимандрит Мисаил⁷ ввиду громадной тяжести правления и ответственности, лежащей на нем, собирает соборы из 12 заслуженных старцев: иеромонахов и монахов, и собор решает дела после подробного обсуждения их, такое же правление устроено и в Андреевском, и в Ильинском скитах». «Исповедует ли игумен кого-либо из братии?» — спросил я. «Прежний игумен, — отвечал он, — в особенности, Макарий, исповедывал почти всех сам; после же смерти духовника Иеронима игумен потребовал от духовников, чтобы все ему говорили. Игумен должен знать все, и если не исповедует сам, то потому, что ему, вследствие множества дел, некогда, и духовник является как бы заменяющим его, и после должен все рассказать настоятелю».

¹ Иеросхимонах Пантелеимон (в миру Петр Иванович Важенко, 1849–1914) в Крестовоздвиженской келии жил с 1894 г. Открыл подворья в Иерусалиме и в Константинополе, в 8 км от Иерусалима выкупил Фаранскую обитель прп. Харитона и способствовал возрождению обители св. пророка Илии. Был соучредителем «Братства русских келий Афона».

² Архимандрит Леонид (в миру Михаил Иванович Сенцов, 1868–1918) состоял начальником Русской духовной миссии в 1903–1918 г. См.: *Богданова Т. А.* «...Представители одного русского дела в Палестине...» // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Иерусалим, 2012. № 1. Ч. I. С. 266–271.

³ Игумен Герасим управлял Пантелеимоновским монастырем до 1875 года.

⁴ Архимандрит Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин, 1820–1889) управлял Пантелеимоновским монастырем в 1875–1889 гг.

⁵ Схиархимандрит Андрей (Веревкин) управлял Пантелеимоновским монастырем в 1889–1903 г.

⁶ Архимандрит Иерон (Носов-Васильев) состоял настоятелем Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря в 1880–1912 гг.

⁷ Архимандрит Мисаил (в миру Михаил Григорьевич Сопегин, ок. 1852–1940) состоял игуменом Пантелеимоновского монастыря в 1905–1939 гг.

В 3 часа дня приехали в Солунь. Взяв лодку с монахом Толгского монастыря о. Игнатием, поехали в город, взяли проводника, еврея Исаака, и пошли сначала в мечеть, где находятся мощи св. великомученика Димитрия Солунского. Храм древнейший, чудный, обращенный турками в мечеть; всюду мозаика и проглядывающие изображения святых христианских; мощи святого великомученика Димитрия находятся под спудом. Высокий мулла повел нас в храм и, заставив нас подождать, взошел и зажег сначала лампадку, висящую над мощами. Взошедши и преклонивши колена пред камнем, мы стали молиться св. великомученику, турок же в это время приготовил нам земли из-под могильной плиты и ниточку, которой он смерил место, наперед обмакнув ее в лампаду с маслом; завернув все это в бумажку и вручив нам, заставил заплатить по череку, то есть по 40 копеек. Как жаль, что святыня находится не в христианских руках! Были еще где-то в греческом монастыре, где хранится глава святой Феоодоры и другие частицы св. мощей. Были на подворье Пантелеймоновского монастыря — всюду чистота и изящество. Церковь — игрушечка; фондарики, или, по-нашему, гостиная — не стыдно царя принять: по стенам картины, прекрасная мебель, из окон открывается дивный вид на море и Олимпийские горы; и для братии тоже прекрасные кельи; братии всего живет здесь 5 человек. Купили рыбы, булок, лимонов и апельсинов, последние по 2 коп. штука. Проводник, еврей Исаак, когда приехали на пароход, запросил с нас 3 рубля за два часа хождения по городу и едва согласился за 2 рубля. Здесь все надо дорого оплачивать, и за все дерут немилосердно. В городе Бургасе мы с ильинскими отцами захотели чего-нибудь горяченького поесть, а то все всухомятку надоело. Спросили у пароходного ресторатора: «сколько будет стоить селянка на троих?» Так он с нас заломил 3 рубля и мы, конечно, отказались от его угощения.

14 [января], пятница. Всю ночь гремела лебедка и происходила выгрузка и нагрузка разных товаров: муки, масла, досок и прочего. Сломался рашпиль у якоря, и поэтому пароход должен стоять, пока не исправят починку. Как-то нас Господь донесет до Смирны? Переход большой — 260 миль. Приехали на пароход торговцы с разными товарами: рубашками, бельем, сладостями и т. д. Интересно запрашивают: спросили с матроса за рубашку 4 руб. 50 коп., а после отдали за 1 руб. 80 коп., вот как ловят простаков. Едем в Смирну. 8 часов вечера, качает; ветер попутный.

15 [января], суббота. Перед приездом в Смирну служил всенощную, помогал афонский иеромонах Павел, келлиот; пели богомольцы. В Смирну приехали уже вечером, и поэтому на берег нас не пустили, так как капитан думал стоять всего один час, но после, благодаря нагрузке товара, пришлось стоять всю ночь. Навезли смирнского росного ладану, а также и разных товаров: ткани, сладостей и съедобных продуктов; многие покупали. Капитан заявил, чтобы запасались хлебом, так как стоянки долго не будет.

16 [января]. Сверх ожидания пришлось пробыть почти сутки в карантине, недалеко от Смирны. Богомольцев 3 класса всех водили на берег для осмотра и дезинфекции, а нас, пассажиров 2 и 1 классов, не беспокоили, но приезжал чиновник с доктором и на пароходе нам выдали по пропускному свидетельству. Вечером на палубе по желанию богомольцев служили всенощную св. Николаю, покровителю плавающим по водам.

17-го [января]. Пришли в Хиос, но не стояли, а только сдали почту и поехали дальше. Погода холодная, на горах везде лежит снег; идем в Мерсину. Проехали мимо

высокой горы на острове Самос. Этот остров, говорят, родина нынешнего патриарха Иерусалимского Дамиана⁸. Вышли в открытое Средиземное море; расстилается безбрежная даль.

18 [января], среда. Вечером и всю ночь была ужасная качка; пароход бросало во все стороны, как щепку; многие богомольцы страдали морскою болезнью, но я, слава Богу, не подвергся мучению этой лютой болезни, но все же принужден был лечь в постель, так как очень бросало из стороны в сторону и ходить по пароходу было рискованно. Пароход наш сильно опоздал и в Яффу придет уже не в четверг, а в воскресенье, или в понедельник, или как Господь благословит. Около 4-х часов вечера приехали в Мерсину; издали виден был маленький городишка; встали довольно далеко от берега. Приехали продавцы с апельсинами; я купил 4 штуки за две парички, то есть за 5 коп., и еще хлеб за 15 коп. Сначала я не думал съезжать на берег, но, видя, что подается своя пароходная шлюпка и садятся богомольцы, старший помощник капитана и ресторатор, я решил ехать, но как же я после горько раскаявался [sic!], что поехал. Во-первых, приехали на берег уже поздно, стало смеркаться; во-вторых, лодка пароходная уехала обратно. Город дрянной и, главное, никто не понимает по-русски, а народ, как выразился помощник капитана, жулики. Побегали по лавкам, которые уже почти все ради позднего времени и холода позакрылись. Купил я еще белый хлеб и еще кое-что; стало уже темно. Ветер, по-видимому, стал усиливаться, а место, где наш пароход стоит, совершенно открытое Средиземное море, и если чуть разволнуется, то и на пароход не попадешь.

Пришли мы на пристань; темно, ветер свежее, шлюпки нет. Стали кричать, чтобы подали шлюпку, никто нас не понимает; вот тут-то я и поскорбел на себя: «зачем это я поехал», и стал Бога просить о помощи. Долго мы ждали, но, наконец, пришла какая-то лодка; но народ, видно, бедовый и долго не соглашались нас везти, но все же кое-как сговорились по 1 франку с человека за доставку нас на пароход. Уж галдели, галдели они, но наконец повезли. Лодку сильно загрузили, а на море большие волны, но все же, слава Богу, благополучно доехали до своего корабля и мы все, обрадовавшись, благодарили Бога.

19 [января], четверг. Стоим все еще в Мерсине для нагрузки угля. Днем солнышко сильно грело, а вечером холодно. Афонский иеромонах Игнатий служил молебен с акафистом, а я помогал ему. Другой Игнатий, монах с Толги, заболел жибой [sic!] и хотел перейти из 3 класса во второй. Я спросил помощника капитана: «Сколько надо приплатить?» Рассчитали, что от Мерсины до Яффы следует еще приплатить 22 рубля 90 коп. Игнатий отказался.

20 [января], пятница. Ночью пароход снялся с якоря, но по причине тумана и мглы долго давал тревожные свистки, и под утро даже среди моря стал на якорь; погода холодная, берега в снегу; южане жмутся от холода, говорят, такой холодной зимы и не запомнят. Говорил мне старший помощник капитана: «Вот я уже 18 лет плаваю по этому месту и никогда такой суровой зимы здесь не было, это что-то особенное». Завтра уже две недели, как мы выехали из Одессы. Видел вчера, как турок ел сахарный тростник, который будет в дюйм толщины; очистив кору, резал маленькие кусочки и жевал их во

⁸ Патриарх Иерусалимский Дамиан (Касатос, 1848–1931), по свидетельству архим. Киприана (Керна), весьма покровительствовал русским учреждениям в Святой Земле.

рту. Видя, что я с интересом смотрел на него, отрезал и мне кусочек палки. Я попробовал, очень сладко, только во рту остается какая-то масса, которую нужно выплевывать.

21 [января], суббота. Приехали в Триполь; погода холодная и ветреная. Привезли торговцы свежую редиску; идет разгрузка товаров, скрипит лебедка. Сейчас узнал очень грустную новость: наш пароход ввиду сильного опоздания, весьма возможно, что не зайдет в Яффу, а пройдет прямо в Порт-Саид и уже на обратном пути доставит нас в Яффу. Вот так круговой рейс! Видно, я сделал большую ошибку, что не послушал о. Меркурия и не выждал в Одессе парохода прямого сообщения. Господи! пошли крепость и силу добраться до Святого Града во благополучии!

Говорил сейчас с иеромонахом о. Игнатием, живущим на Афоне кавиотом на земле Ставро-Никитского монастыря; начало он полагал в Андреевском скиту, а теперь вот уже 20 лет живет самостоятельно. Калива стоила ему со всем ремонтом около 500 руб. Есть вода для орошения огорода, лодочка для ловли рыбы, получает с Руссика каждый месяц меджид (1 р. 80 к.), служит по кельям, помогают ему родные из России. Его родной брат, бывший наш валаамский иеродиакон о. Виссарион, находящийся в настоящее время в Нижнем Новгороде. Доволен своей жизнью и едет теперь в Иерусалим для поклонения святыням и для сбора пожертвований.

Пришли в Бейрут. Я на берег не выезжал, была всенощная.

22 [января], воскресенье. Показалась Яффа. Погода была довольно тихая, и пароход остановился в виду города. Отслужив молебен и поблагодарив доброго капитана, сели, или, вернее, прыгнули в большие лодки и отплыли навсегда от своего парохода. Лодку на волнах сильно бросало, паломники пугались и с боязнью смотрели на громадные волны. Чтобы не поддаваться страху, я запел молитву: «Достойно есть». Меня подхватили, и мы, забыв как бы весь страх, стали петь разные молитвы, пока не пристали к берегу. Когда вышли на берег, много было забот и трудов найти свои вещи и доставить их на вокзал. Но вот, слава Богу, мы и на вокзале.

Пришел старик, ковас Марк и посоветовал отправить вещи в Иерусалим, а самим ехать в миссийский дом, находящийся недалеко от Яффы, и там переночевать. Мы так и сделали. Сели на извозчика и поехали за город; мы сердечно радовались, что кончилось наше морское плавание и, наконец, мы очутились на Святой Земле. Погода стояла ясная, теплая; всюду зелень, тянулись беспрерывно апельсиновые сады и целые миллионы апельсинов созревали на деревьях; ласточки летали в воздухе, и это в январе-то месяце; невольно припоминались наши январские морозы... Меня все кругом интересовало: и люди, и постройки, и природа — все не наше, а заморское, арабское, или восточное. Наконец прибыли в дом, принадлежащий Русской духовной миссии; тут же и довольно большая, при доме каменная церковь. Эконом, монах Павел, встретил нас радушно, а также старичок иеромонах о. Аристарх. Дали номер, напоили, накормили нас, и вообще отнеслись к нам по-русски: радушно и любовно. Пошли гулять по саду; тысячи апельсинов висят и созревают; замечательно вкусные и почти без зернышек — такие уж они здесь есть, недаром яффские апельсины славятся. Спросил я: «Куда их больше отсюда отправляют?» «Да больше в Англию отсылаем, так как в Россию невыгодно отправлять, слишком уж большая пошлина». Пошли в пещеру праведной Тавифы, которую апостол Петр из мертвых воскресил, она находится тут

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

же, в саду. Ею очень интересуются ученые путешественники и туристы. Были в церкви, поднимались на колокольню; чудесный открывается вид: вдалеке море. Вечером были у всенощной, служил старец Аристарх. Он уже 17 лет здесь, в Палестине живет, сам нижегородский, хорошо знает нашего Владыку, преосвященнейшего Сергия⁹, и его родных. Когда наступила ночь, то я поражен был неслыханным мною никогда концертом — тысячи лягушек заквакали и завывали шакалы, так что всю ночь стоял этот несмолкаемый ни на минуту вопль; к тому же и в келье было очень холодно, так что мы спали в одежде и под одеялами, но не могли согреться и так всю ночь промучались. Утром служили обедницу, после которой о. Аристарх прочитал по листочку приветственное слово паломникам, вступившим на Св. Землю, и, напившись чаю, отправились на вокзал. Разместившись в вагоне, поехали в Иерусалим по живописной местности; все время мы любовались на дивные картины, прекрасные сады и зеленые поля, на которых уже пахут. С приближением к Иерусалиму пошли все большие горы, и местность приняла другой характер. Поезд извивался между гор, поднимаясь все выше и выше; наконец показался и Священный Град — цель нашего многотрудного путешествия. Слава Богу, доехали благополучно! Когда сошли с поезда, то отправились на русские постройки; поместился я в здании Русской духовной миссии, и гостинник, монах Никита, отвел номер. Сейчас же, по принятому здесь обычаю, пошли на благодарственный молебен в церковь Царицы Александры, что при миссии. После, отдохнувши, пошел к своим Валаамским друзьям: иеромонаху о. Мелетию и иеродиакону о. Сергию, и был весьма радушно, по-братски ими принят и утешен. На другой день, после обедни, сходили, по здешнему обычаю, в баню. Баня интересная: поддают не на каменку, как у нас, а льют воду на большой котел с крышкой, и от него поднимается пар, и так парятся. После пошли с гостинником о. Никитою ко Гробу Господню. Не стану описывать того, что всеми уже описано, как то: внешнюю обстановку храма и Гроба Господня и св. Голгофы, но внутреннее состояние души нельзя передать словами — это можно только чувствовать.

26 [января]. Утром ходили с паломниками на умовение ног. Сначала посадили нас греческие монахи в какой-то длинной комнате. Кто из паломников сел на лавке, кто на полу на коврах; дали нам по горсточке изюму и по маленькой чашечке кофе, потом по крошечной рюмочке крепкой ракички; после повели всех паломников в другое помещение и начали умывать у мужчин ноги и руки, а у женщин только руки, Происходило это так: паломники, разувшись и сидя на скамейках, протягивали ноги, и монах поливал их прямо из кувшина водою, а после утирали полотенцем, причем что-то по-гречески пели; после повели нас в какое-то помещение вроде церкви и здесь стали записывать имена сродников о здравии и о упокоении и давали разрешительные грамоты. Паломников повели дальше, а я, отделившись, был с о. Никитой у патриарха.

Патриарх, видный и красивый старец, спросил меня кое-что о нашем Валааме, много ли братии, велик ли остров, одна трапеза в день или две; после угощали кофе, и я просил разрешение служить Божественную литургию во Святых местах. Патриарх благословил и дал разрешение (грамоту) на греческом языке.

⁹ Архиепископ Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944) занимал Финляндскую и Выборгскую кафедры в 1905–1917 гг.

Ходили после в Гефсиманию ко Гробу Божией Матери. По дороге сидят много прокаженных, кричат, просят милостыню; видны их ужасные гниющие лица и члены и производят своим видом тяжелое впечатление.

27-го [января]. После обеда ходили с иеромонахом Тихоном в Крестный монастырь к игумену Макарию. Монастырь древнейший; по преданию, на этом месте росло Крестное древо. Раньше здесь была греческая семинария, а теперь она переведена в другое место; видны древние мозаичные работы. На обратном пути были в новом домике, купленном келейником архимандрита миссии, который охраняет послушник Герасим.

28-го [января]. Днем тепло, а ночью ужасный холод, печей вовсе нет, выпал снег, и я принужден был ради тепла уйти снизу со своего номера в верхний общий номер, где живут тоже приезжие монахи и иеромонахи — там теплее, т. к. под ними находится братская кухня.

29-го [января]. Зима — метель, страшный ветер. Вот так юг! Куда мы ни придем, всюду зима. Всенощная в миссийском храме начинается в 3 часа и продолжается часа 3. Особенности богослужения таковы: начальное каждение за всенощной и на литии такое: иеромонах в мантии, епитрахили и поручах, без ризы, а у иеродиаконов поверх стихарей орари архидиаконовые.

30 [января]. Воскресенье. Ночью в 12 часов ходили с о. Тихоном к Живоносному Гробу, слушали утреню и литургию. Служил архиерей Софроний Газский. Служба была для меня весьма интересна, хотя пение неважное. Евангелие и Апостол читали по-гречески и по-русски. Обедню пели поклонницы, читали разрешительную молитву во время великого входа; сначала взял Владыка потир — поминал о здравии и говорились в молитве, между прочим, такие слова: «Да будут прощены в сей жизни и будущей»; потом над дискосом поминал о упокоении и читал тоже особую молитву. Богомольцам это поминование нравится, и они стараются записать себя и своих родных. Одна обедня разрешительная стоит 25 руб. если 1 человек заказывает; в общей же литургии за каждое имя берут 10 коп. Мы с иеромонахом Тихоном стояли впереди у самой кувуклии и, вынув свои поминания, стали поминать своих родных и знакомых. Это грекам не понравилось, и они, пошептавшись между собою, сделали нам замечание, что здесь читать нельзя, и мы перестали, хотя отчасти неприятно было это запрещение.

Просфоры не из белой муки, как у нас в России, а из пшеничной, так что просфоры не белые, а темноватые; проскомидия совершалась на Гробе Господнем, а литургия в Кувуклии на камне, отваленном ангелом от Гроба, причем накладываются приспособленные тяжелые доски, покрываются облачением и образуется вроде престола. Ставятся дикирий и трикирий с лентами и цветами. На великом выходе диакон нес воздух на спине, который лентами завязывал у себя наперед; покрой риз у иеромонахов иной. Во время литургии архиерей митру клал на напестольное Евангелие, также и книга лежала на престоле. Архиерей поминал у Гроба на коленях во время сугубой ектении; во время осенения дикирием и трикирием Владыка тихо говорил: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое», а когда говорил: «Призри с небеси, Боже», то прибавлял вначале: «Господи, Господи, призри с небеси» и т. д. Кончилась служба около 4-х часов утра; пошли домой; темно, много снега, дорога очень тяжелая,

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

и по камням идти очень трудно, так как ноги скользят. Был у поздней обедни. Служил о. Мелетий¹⁰ соборне и говорил проповедь на тему: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». Получили вчера известие, что приехал в Яффу архиерей Владимир Донской и Новочеркасский¹¹ и архимандрит миссии Леонид¹², Первый возвращается из Египта, где он лечился от ревматизма в ногах, а второй — из Кайфы, где на горе Кармил устраивается церковь и дом для братии. Погода не позволяет никуда выйти, и поневоле приходится сидеть дома в келье.

Февраль 1. Справляли полиелей мученику Трифону и выносили ковчежец с частицею мощей Святого мученика.

2-го [февраля.] Сретение Господне. Служил в миссийском соборе. Служба была торжественная, и после приглашен был в братскую трапезу. Были в Симеоновском монастыре и служили всенощную. Интересно было слышать пение греческое: громогласное, торжественное. Пели мальчики-альты и все больше в унисон, хотя выходило и диковато, но есть в этом пении что-то хорошее и трогающее душу. Много есть различия в богослужении греческом и нашем. Так, например: благословение хлебов было без пшеницы, вина и елєя.

3-го [февраля]. Были за обедней в Никольском монастыре. За регента и за управителя состояла женщина, вроде монастырской, в черной одежде. Служил иеромонах-грек. Всюду запущенность и убожество. Меня попросили прочесть Евангелие на обедне, я согласился и испросил облачение, хотел одеть фелонь и поручи, но мне велели надеть только один епитрахиль и читал я в царских вратах лицом к народу. Мальчик прислуживал в алтаре, подавая кадило, растворяя и затворяя царские двери. Оглашенных ектений вовсе нет. С великим входом ходят по всей церкви; воздухом колеблют во время «Верую» иначе, чем у нас; во время произношения слов «Твоя от Твоих» иеромонах не поднимал Св. Даров; причащался тоже не по-нашему; сначала все прочитал, а потом подошел и сразу причастился — сначала Тела Христова, а потом Святой Крови; когда причастился, то постучал звездицею о дискос, этим дал знак певчим, чтобы кончали пение запричастного. В заключение, рассердившись за какое-то замешательство на мальчика-грека, порядочный дал ему подзатыльник. После чаю ходили на Елеон с миссийским иеромонахом о. Тихоном¹³. Довольно высокая гора Елеонская, и мы с трудом на нее вззошли. Пришлось идти мимо грязной арабской деревушки; страшная грязь и тяжелый запах. Пришедши в монастырь, побывали у иеромонаха Илариона¹⁴, который напоил нас чаем; были также у настоятельницы, матушки Евпраксии¹⁵; зашли

¹⁰ Архимандрит Мелетий (в миру Михаил Николаевич Розов, 1872–1952), в 1896–1904 гг. жил на Валааме, с 1907 г. в составе Русской духовной миссии.

¹¹ Архиепископ Владимир (в миру Филарет Алексеевич Сеньковский, 1845–1917), архиепископ Донской и Новочеркасский в 1908–1914 гг.

¹² Архимандрит Леонид (в миру Михаил Иванович Сенцов, 1868–1918), начальник Русской духовной миссии в 1903–1918 гг.

¹³ Иеромонах Тихон (Гончаренко, 1868–?), в Русской духовной миссии с 1910 до конца 1930-х гг. Корреспондент архим. Киприана (Керна).

¹⁴ Иеромонах Иларион (Игнатий Шемутилов, 1865–?), в Русской духовной миссии в 1903–1914 гг.

¹⁵ Монахиня Евпраксия (в миру Мария Миловидова) прибыла в Иерусалим около 1880 г., после утвержде-

потом в храм; чудная церковь, — устроена покойным архимандритом Антонином¹⁶. За алтарем еще свежая могила, украшенная цветами, мученически скончавшегося иеромонаха Парфения¹⁷, много потрудившегося для сей святой обители, и убиенного, как говорят, зависти ради врагами всего русского. Были в мечети, где Господь вознесся. На камне отпечаталась стопа Спасителя. Бесстыдства сторожей — маленьких арабов, вывели нас из терпения; их обман и вымогательство нарушили наше доброе настроение. Были в церкви Марии Магдалины, находящейся на склоне горы Елеонской. Прекрасный храм и чудесная живопись. К вечеру пошли домой и узнали, что приехал начальник миссии — архимандрит Леонид.

4 [февраля], пятница. Утром ходили в Гефсиманию, слушали утреню и обедню, пели по-гречески и по-русски. Запевала какая-то русская женщина, вроде монахини, очевидно, хорошо знающая свое дело; пели двое греков. На обратном пути были на Овчей купели. Место принадлежит католикам; чтобы видеть купель, надо спускаться довольно низко, и там вода стоит. Были также, где раньше была тюрьма, под Преторией, где Господь наш Иисус Христос, по преданию, был заключен. Видно, что седая древность, и видна азиатская жестокость, которая заключала людей в такие мрачные подземелья. Управляет архимандрит Серафим, очень ловкий и обходительный грек. Были и у католиков, где, по преданию, Св. Вероника утерла полотенцем многострадальный лик нашего Спасителя. Купил лампу-спиртовку для чаю и бутылку спирту за 30 коп., а четверть стоит 1 р. 10 коп. — виноградный спирт — замечательная дешевизна. Снег, бывший на этих днях, все еще не везде стаял; много он наделал убытку: поезд из Яффы долго не мог идти по случаю заноса, у многих арабов козы от голода подошли, так как корму они не имеют обыкновения запасать, а круглый год довольствуются подножным, и вот, выпавший снег оставил без корму их скот; жилища у некоторых арабов обвалились; к одному ночью пришла голодная гиена и чуть его не съела, едва спасся. Зима небывалая в этом крае уже много лет.

5 [февраля], суббота. Опять снег, метель и вьюга, как будто на севере. В келье верхней живут братья, в числе которых нахожусь и я, в количестве 9 человек. Вот имена их: первый, скажем, Валаамской обители, аз, второй из Глинской пустыни монах Лев, 3-й из Толгского монастыря монах Игнатий, четвертый из Киевского монастыря монах Геронтий, пятый из Иркутска схимонах Феодор, шестой его келейник, монах Павел, седьмой с Афона из Фиваиды, монах Наум, восьмой с Афона, с Андреевского скита монах Николай и девятый старичок из Саратовской губернии диакон о. Матвей, и вот, интересные по вечерам бывают разговоры, сообщаются разные замечательные события из монашеской жизни, быт и уставность разных монастырей; из других келий приходят тоже приезжие иноки из других обителей, со всех концов нашей необъятной России, приехавшие поклониться Гробу Господню.

ния Елеонской женской общины Св. Синодом в 1906 г. была назначена настоятельницей Елеонской общины и оставалась ею до своей кончины в 1914 г.

¹⁶ Архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин, 1817–1894) начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг.

¹⁷ Иеромонах Парфений (в миру Пармен Тимофеевич Нарциссов, 1830–1909), в 1879–1881 гг. состоял иеромонахом в Русской духовной миссии, убит в своей келии.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

7 [февраля]. Ходили с о. Тихоном вокруг Сиона, были в монастыре Св. Онуфрия. Эта местность под названием Село Крови, или по-еврейски Акелдама; видели гробницу с черепами, смотрели столп Авессалома, сына Давидова; зашли к о. Пантелеимону, академику, живущему при церкви Св. Марии Магдалины. Холодно, бедно, сыро; там же жил и наш архимандрит Антоний.

8 [февраля]. Ночь провел у Гроба Господня; прочитали пять акафистов на Голгофе и всю ночь пели русские богомольцы. Приехала новая партия поклонников в числе 400 человек. Уехал управляющий Палестинским обществом Михайлов¹⁸. Архимандрит Леонид на прощание сказал ему речь и поднес Икону Святыя Троицы на Мамврийском дубе¹⁹.

9 [февраля]. Были за вечерней на храмовом празднике в Харалампиевском монастыре. Служил Владыка Мелетий; стоял в алтаре. Евангелие на престоле лежало не по-нашему, а передней стороной вниз. Мальчик своими руками положил книжку на престол, и много есть особенностей в сравнении с нашим уставом. Приехал архимандрит Антонин. 4 месяца прожил он в Фиваиде, на Афоне, не понравилось ему там, хотя не прочь еще попытать счастья там пожить.

11 [февраля], пятница. Ночевал у Гроба Господня и служил Божественную литургию. Как обособляется греческая служба от русской до неузнаваемости. Служил архиерей Софроний. С вечера я читая акафист Страстям Христовым на Голгофе, много было молящихся. Как приятно было бы одному послужить у Гроба Господня и на Голгофе, но, к великому сожалению, русским никому не позволяют служить одному, а служи в соборе с греками, и они за старших; служба же их во многом отличается от нашей, к тому же больше служат все по-гречески, так что мало утешения в этом служении, только воодушевляешься сознанием, где я нахожусь, и чувствуешь святость места. Патриарх венчал консула в церкви Марии Магдалины; была вся местная иерусалимская знать; вообще русский консул имеет большое значение в Иерусалиме.

12 [февраля], родительская суббота. Много было поминовения в русском Троицком соборе, хотел идти в Горнее с иорданским пустынником Иустином, но отец Мелетий уговорил отслужить в соборе.

13 [февраля], воскресенье. Служил раннюю в церкви Царицы Александры. После обеда были с паломниками в Омаровой мечети и видели много интересного; на обратном пути заходили к католикам в Преторию, где, по преданию, был Лифостротон.

14 [февраля]. Пошел караван на Иордан, но я надумал ехать в обитель к Савве Освященному, а на Иордан попозже поеду. После обеда на семи осликах выехали из Иерусалима к обители Св. Саввы; ехали четыре часа. По непривычке езда на осликах была очень затруднительная, но потом, приспособившись, поехали пободрей. Дикая, но величественная местность: горы и долины; приходилось спускаться с крутых мест, переезжать вброд ручейки; старушки-монахини, ехавшие с нами, очень боялись. Приехали уже под вечер; отвели нам келью в обители, а женщин в монастырь никогда не пускают, для них есть странноприимница за монастырем. Осматривали монастырь,

¹⁸ Николай Григорьевич Михайлов управлял Императорским православным палестинским обществом в 1893–1910 гг.

¹⁹ То есть на доске из спила ветви Мамврийского дуба.

были в пещере, где спасался преподобный Савва, любовались на прекрасный и громаднейший финик, посаженный прп. Саввою, были в пещере Иоанна Дамаскина, где он написал свои чудные церковные песнопения; после накормили нас ужином: рис с луком, сыр козлий [sic!], маленький хлебец да чаша легкого виноградного вина. Заявили желание с диаконом о. Матвеем отслужить завтра Божественную литургию, охотно разрешили; читали правило над гробницей святого Саввы; ночью было очень тепло.

15 [февраля]. Рано утром нас разбудили, стояли утреню, а потом нас позвали в алтарь; входные молитвы читали все вместе и после прикладывались ко многим образам. Облачения скромные; замечателен пояс с перламутровыми пряжками, которые застегивались спереди. На проскомидии интересно вынимание частиц из просфор: не вынимают частички; как у нас, а кончиком копия царапают на просфоре, и вот, сыпятся крошечки, так и поминают. Обедню служили на двух языках и было немало недоразумений и сбивок. Игумен Анфим, столетний, почтенный, седой старец, из болгар, в монастыре живет уже 55 лет. За литургией он тут же в алтаре поминал своих благодетелей; после обедни пили кофе с хлебом; ходили на источник прп. Саввы, записали своих родных, дали монахи нам фиников и по образку, и мы распростились с добрыми иноками. Обитель Св. Саввы славится в Палестине доброю и аскетическою жизнью ее насельников. Поехали дальше в бывшую лавру прп. Феодосия Великого. Опять страшные горы и ужасы, так что опасно и рискованно было ехать на осликах, и мы у некоторых крутых спусков сходили с осликов. Наконец приехали на место, где раньше была знаменитая лавра Феодосия Великого, основателя общежитий; место более ровное и только что хотят восстановить древнюю лавру: устраивают церковь, некоторые помещения для братии; сохраняется и пещера, где спасался и был похоронен Св. Феодосий, а также и другие св. отцы: прп. Коприй, Софоний и еще некоторые. Здесь особенно интересного ничего нет и, подкрепившись пищей на дорогу и собрав на память мозаичник камешков, свидетельствующих о роскоши и богатстве прежней лавры, мы поехали обратно к Иерусалиму, куда и прибыли около 4-х часов вечера.

16 [февраля]. После обеда в экипажах ездили в Вифлеем; заплатили 1 р. 60 коп. за 4 человека. В храме Вифлеемском сначала поклонились и облобызали место, где Господь наш родился и где стояли ясли, находящиеся ныне в Риме; потом были у католиков в пещере, где погребен блаженный Иероним и его ученики, Св. Павлина и другие. Ходили за город к пастушкам, т. е. к месту, где пастухи видели ангелов, воспевших: «Слава в вышних Богу». В пещере устроена церковь; владеют ею арабы. Ужасная бедность и убожество; пещера будет от Вифлеема версты 3. На обратном пути произошел неприятный инцидент в Ильинском монастыре — и вымогательство, и дерзость грека нас смутили.

17 [февраля], четверг. Погода ненастная, дождь, выйти никуда нельзя. Вечером были на беседе, устраиваемой для паломников; читал о. Мелетий о Палестине. Иеродиакон о. Сергей купил за 1 руб. 25 коп. голову рыбы, называемой по-местному синнагрида, или руфо; очень жирная, вышло из головы 15 тарелок вкусного заливного, и угостили братию; рыба морская, привезенная из Яффы.

20 [февраля], воскресенье. Служил раннюю обедню в церкви Царицы Александры; вечерню слушал в патриаршей великой церкви. Сегодня прощенное воскресенье.

Жарко, суетно, в келье многолюдно, для монашества невыносимо. Торжественная была вечерня в миссийском соборе: служил о. Архимандрит с большим собором священнослужителей, говорил проповедь и просил у всех прощения; вечером были в трапезе, а после пили чай у о. Архимандрита.

Великий пост. Первая неделя прошла однообразно в молитве и служении. Служил в воскресенье с патриархом в великой церкви; служба торжественная и приятная; облачения подавали патриарху иеромонахи, вынося из алтаря по одной вещи: один нес саккос, другой омофор, третий митру и т. д. Апостол и Евангелие читали на трех языках: на греческом, русском и арабском, хорошо и интересно чтение по-арабски: масса переливов и разнообразия в интонациях голоса и окончания в высочайшем тоне. Оригинально пели многолетие патриарху: на клиросах и в алтаре, нараспев, полный его титул. После обедни патриарх с крестным ходом трижды прошел вокруг кувуклии и раз вокруг всей церкви; священнослужителей было очень много и все в одинаковых облачениях и шли со свечами и с образами; пели что-то очень приятное по напеву, но жаль, что по-гречески, поэтому не для нас; после, когда разоблачились, со славою пошли к патриарху на угощение; впереди шли в золотых костюмах шесть кавасов с толстыми палками, которыми они с силою ударяли все время о мостовую; за ними попарно шли монахи, иеромонахи, игумены, архимандриты, архиереи, а позади, весь украшенный орденами и звездами, блаженнейший патриарх Дамиан, весьма представительной наружности и выше всех ростом; по дороге весьма мило всех благословлял и улыбался доброю улыбкою. Пришли в патриархию, сели в роскошной гостиной; кроме духовенства были консулы: русский, французский и др. со своими супругами. Сейчас же на громаднейшем подносе стали разносить по маленькой чашечке кофе, потом по крошечной рюмочке сладкого ликеру и по штучке рахат-лукума, вроде пастилки; затем каждому на руки попрыскали розовой, благоухающей водой и все встав, поблагодарили патриарха, взяв у него благословение, и разошлись восвояси. Афонский иеромонах о. Лаврентий, управляющий подворьем бывшей Фаранской лавры прп. Харитона, пригласил меня на обед и очень радушно и любезно беседовал, приглашая побывать на Фаре.

21 [февраля], понедельник. Утром собрались на путешествие на Иордан и, наняв осликов, вчетвером: о. Матвей диакон, Игнатий, Лев и я, тронулись в путь к Иордану. Ехали благополучно, дорога отличная и мы засветло приехали в Иерихон²⁰, где остановились в миссийском доме. Управляет домом знакомый мне послушник Алексей²¹. Переночевав, утром поехали к Иордану, отстоящему в 12 верстах от Иерихона. Не успели отъехать от Иерихона, как пошел сильный дождик. Почва глинистая, размякла; ноги у наших осликов скользили и увязали в глине, и они все чаще и чаще стали падать, так что мы принуждены были слезть с них и идти пешком; сильно перемочились, загрязнились и страшно устали и с большим трудом наконец дошли до монастыря Иоанна Предтечи, стоящего почти около самого Иордана. Придя в монастырь, поспешили вымыться, переодеться, вообще привести себя в порядок; потом, попивши чаю, пошли на Иордан. Любовались на священные воды Иорданские, молились, пили воду; вода от быстрого течения довольно мутная; придя снова в монастырь и пообедав

²⁰ В ркп. здесь и далее Иерехона.

²¹ Алексей Юдин, в монашестве (с 1913 г.) Антоний (1856–?), в Русской духовной миссии в 1893–1914 гг.

и поблагодарив доброго игумена Севастиана, пошли к пустынноикам Иустину и Никифору, живущим на Иордане. Шли пешком верст 5, то поднимаясь на горы, то спускаясь, и, наконец, пришли к пещере пустынноика Иустина. Пещера выкопана на самом берегу Иордана, на высоте нескольких сажень от воды, на крутом берегу, т. к. один берег гористый в этой местности, а другой низменный. В длинной и темной пещере нищета и грязь. Сам о. Иустин очень доволен своею жизнью и живет здесь уже несколько лет; зимой живет здесь, в этой пещере, т. к. здесь потеплее, а летом уходит в другое место — в густой лес, там попрохладнее и там есть у него маленькая келья, огород, на котором растет кое-что из овощей. «Ловят они с о. Никифором рыбу сетями, так называемыми здесь вентеля, и рыбу продают евреям в Иерихон, а то везут ее на продажу в Иерусалим. Жизнь у них трудовая и на монашескую мало походит: живут, кормятся, трудятся, вот и все. Но есть здесь другие пустынноики, всех их спасается здесь человек десять; те живут только молитвою и не занимаются никаким промыслом или суетной работой, а ходят кое-когда в Иерусалим и кто что им даст, кто сухарей, так как наши русские поклонники привозят их из России пудами и мешками, то они от их и пользуются; а кто и деньгами помогает, вот этим и живут. Хвалят здесь пустынноика о. Максима, истинный, говорят, раб Божий: молитвенник, нестяжательный; к сожалению, я его не видал. Ночевали мы в пещере; спать было хотя и не холодно, но пыльно и неудобно, и я рад был, когда прошла ночь и настал день Божий; запели птички, кругом зелень, Иордан быстро несет свои струи и от быстроты течения всюду круги на воде; слышны кое-где всплескивания на воде; по берегам густая зелень, а вддали, за Иорданом видны кочующие бедуины, слышно мычание коров, видны палатки, за ними вддали величественно синеют Моавитские горы, с которых Моисей увидел обетованную землю — картина дивная и единственная в своем роде. Помолитесь Богу, прочитали утренние молитвы, о. Иустин согрел чайник и заварил чаю, пригласил нас на скромное пустынноическое угощение, и мы, сидя на возвышении, вели мирную беседу, любовались чудными видами и восходящим солнцем; потом пошли к другим пустынноикам: Петру (еще он совсем молодой) и Антонию; последний жил у нас на Валааме и с любовью вспоминал о суровом и пустынном Валааме; здесь живет уже несколько лет. Потом поехали вверх на лодке к пустынноику монаху Никифору; ехать пришлось против сильнейшего течения и, несмотря на многую силу гребца, лодка чуть-чуть подвигалась вперед, так что едва-едва доехали до жилья о. Никифора. Живет он на ровном месте и как бы в лесу; несколько шалашей, незатейливая обстановка, все худенькое, простое — вот и все его хозяйство: «а что получше, — говорит он, — когда ухажу, то прячу куда-нибудь в кусты, а то бедуины придут и все утащат». Живет он здесь около десяти лет и любит свою жизнь, которая хотя и суровая, но свободная и независимая. Собрались мы все к воде, я облачился в священные одежды — берега хотя и вязкие, но мы кое-как приспособились — и начал совершать великое водоосвящение. Как приятно было петь «во Иордане крещающуся Тебе, Господи». После молебствия, одевши белые длинные рубахи, нарочно для этого приготовляемые, погрузились в священные струи Иорданские. Вода, несмотря на февраль месяц, была не очень холодна; потом, напившись чаю и подкрепившись пищей, погуляли по берегу Иордана, срезали себе по палочке, нарвали веток на память. Наступившая ночь прошла спокойно: во-

первых, холодновато, во-вторых, спать жестко и неудобно, а в-третьих, боязно бедуинов. Утром по течению быстро приехали опять к о. Иустину; ходили по горам, видели дикого черного кабана, который, не замечая нас, бежал прямо на нас, но, услышав наши голоса, быстро повернулся и скрылся за горами; собирали по горам содомскую серу, еще до сего времени кое-где лежащую на поверхности гор. Отсюда Мертвое море будет верст пять, не больше; потом, поблагодарив пустынников, пошли к обители Св. Герасима, на праздник. Завтра ведь 4 марта и память преп. Герасима, иже на Иордане. Часа через три пришли в монастырь, там был уже наш спутник — старичок о. Лев; он от нас по слабости уклонился и к пустынникам не ходил, но прямо из Предтеченского монастыря пошел к обители Преп. Герасима. Приняли нас отцы греки хорошо, дали помещение и напоили нас чаем; после этого, маленько отдохнувши, мы решились идти к Мертвому морю и, быстро собравшись и оставив вещи в монастыре, пошли в намеренный путь. Расстояние около пяти верст, местность ровная, растительности почти нет; пришли наконец к Мертвому морю. Все кругом мертво: ни травки, ни птички, ни малейшей жизни ни в чем не видно; вода на вид прекрасная, прозрачная, голубая, но какая-то густая и на вкус преотвратительная. Тут же на берегу стоял сарай и была устроена в нем продажа кое-чего. Турок, зазывая, предлагал нам кофе или вина; оказывается, множество туристов ездят сюда купаться, в особенности ездит много англичан. И вот туристы целыми часами сидят в воде, держа над головою зонтик для предохранения от солнечного удара, т. к. жара здесь невыносимая. Купание это считается полезным и помогает в некоторых болезнях. Мы тоже решились выкупаться и, раздевшись, я, перекрестясь, взошел в воду, но когда погрузился с головою в голубую воду, то у меня страшно защипало глаза и я, кое-как зажмуря их, вышел из воды, а диакон о. Матвей, тот долго купался и плавал и очень удивлялся, как это его вода держит, и никак он не мог, чтобы всему погрузиться, в воду: его как пробку все выбрасывало наверх. После купания, выпив по чашечке кофе и набрав красивых камешков на память, налив по бутылке воды, мы отправились в обратный путь. Придя в монастырь, поспешили в церковь к началу всенощного бдения, которое было буквально всенощное, так что мы ради усталости выходили несколько раз для краткого отдыха; стоять было тем более трудно и томительно, что служба шла по-гречески, только некоторые ектении пели по-русски. После утрени кряду великопостные часы и преждеосвященная литургия, были и причастники, раздавали антидор, пили святую воду; когда кончилась вся служба, то было уже часов семь утра, так что вся служба продолжалась более 12 часов. Пошли с братиею в трапезу на чай. Трапезная очень скромная и тесная; сели за стол и мне показалось, что у каждого лежит на тарелке что-то вроде печеной картошки, но когда попробовал, то это оказались олады, по-гречески называемые лукмады, очень вкусные. Отцы сидели усталые, закопченные от свечного нагара, ведь всю ночь пробыли в церкви при зажженных светильниках. Выпили, кто чашку, а нам, как русским, налили по 2 чашки чаю, и пропев молитву, разошлись. Монахи легли до обеда отдохнуть, а мы, записав своих сродников и благодетелей за здоровье и за упокой, поблагодарив доброго игумена, пошли к Иерихону, куда и пришли, порядочно усталые, часа через три, так как шли с кладью. Придя в миссийский дом, мы отдохнули; жара стояла ужасная, я посмотрел на градусник — показывал 40° по Реомюру, и это

4 марта. «Что же у вас летом бывает?» — спросил я отца Алексея, здешнего заведывающего. «Да доходит до 60 градусов», — отвечал он. «Как же вы тогда живете-то на такой жаре?» — снова спросил я. «Да уж, конечно, тяжело, стараемся не выходить днем на солнце, а сидеть в помещении; попривыкли маленько, пообтерпелись; только вот из приезжающих мало кто может здесь ужиться, сейчас захворает и получит местную болезнь — иерихонку, которая всего переберет; от жары у нас даже асфальтовая панель делается совершенно мягкой». Отдохнувши и взяв на память по финиковой палке и поблагодарив хозяина, поехали на осликах в обратный путь. По дороге сначала заехали на Сороковую гору, где Господь 40 дней постился. Стали подниматься на гору; на полгоре стоит монастырь; я на самую вершину не взбирался, так как очень уж высоко, а походил по монастырю, любовался с балконов монастырских на чудный вид окрестностей; виден Иерихон и окружающие его местности. Долго гостить не позволяло нам время, т. к. мы торопились на ночлег в монастырь прп. Георгия Хозевита; спустившись с горы, сели на поджидавших нас под горою осликов и поехали уже при заходящем солнце к Хозевиту. Дорогою встречались с нами возвращающиеся на ночлег стада овец и коз, масса ребятшек бежали и просили у нас бакшиш, или паричку; наконец, стало совсем темно, дорога пошла между горами; я еще сидел на осле, а спутники мои давно уже сошли с них, боясь, оступившись, полететь в пропасть, и шли пешие. На меня дивился в особенности о. диакон, но я чувствовал, что ослик отлично знает дорогу и идет уверенно; наконец пошли крутые спуски и подъемы и я в одном месте чуть не упал и поспешил слезть и пошел пешком. Вскоре мы увидели огоньки — это шли нам навстречу монахи-проводники и мы, при освещении их фонарей, благополучно добрались до обители, где отдохнули, подкрепились, кое-что осмотрели в обители и, ради позднего времени, отправились на покой. Утром, отстояв обедню, пошли осматривать монастырь. Местность предивная — стоит монастырь на обрыве, внизу глубокая пропасть и на дне страшно шумит и ревет быстрый поток; над монастырем еще гора; заходили в пещеру, где, по преданию, молился в скорби праведный Иоаким, когда его дары не приняли в храме, и он, удалившись сюда, сетовал о своем безчадии, и вот, явившийся Ангел утешил его радостною вестью и послал его в Иерусалим. В пещере поставлены иконы, и она имеет вид как бы часовни; подкрепившись маслинами, поехали к Иерусалиму. По дороге заезжали в гостиницу милосердного самарянина и Вифанию и к вечеру усталые, но довольные виденным, вернулись в Иерусалим.

6 [марта], воскресенье. Служил архиерей Преосвященный Владимир Донской и Новочеркасский, и мне Господь благословил с ним послужить; служащих было 16 человек. Владыка больной, едва ходит, — ревматизм в ногах, лечился в Египте и теперь возвращается в Россию.

7 [марта]. Ходили с диаконом Матвеем и о. Игнатием на Сион; за порядочный бакшиш турки-сторожа едва пропустили нас осмотреть Сионскую Горницу и Дом царя Давида, а также и Иоанна Богослова, потом пошли вокруг Сиона.

8 [марта], вторник. Караван все еще не может уйти в Назарет, благодаря ненастной погоде.

9 [марта], среда. Ходили в бывшую Фаранскую лавру с управляющим ею иеромонахом Лаврентием. Спасибо ему за прием и угощение! Вид Фаранской лавры уди-

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

вительный. Лавра находится между двумя горами, как бы в какой расщелине, или в ущелье; афонские иноки соорудили несколько домиков, а в пещере, где начало полагал пр. Харитон, устроено вроде церкви. Грекам ужасно не нравится, что русские приобрели это место, благодаря содействию и влиянию покойного консула Яковлева²². Между прочим, это место было в запустении несколько сот лет; они, т. е. греки, за это и на патриарха Дамиана гневались, зачем он, не спрося их, разрешил афонским монахам поселиться на Фаре, и теперь ни под каким видом не разрешают построить церковь. Для наблюдения за русскими монахами даже поселили недалеко одного монаха-грека, чтобы он доносил им, что тут делается. Удивительная боязнь и неприязнь к русским! На дне ущелья течет ручеек прекрасной, чистой воды, и многие приписывают ему чудесную силу и по вере получают исцеление.

10 марта. Вчера ушел первый караван в Назарет. Собрались в Вифлеем и к дубу Мамврийскому. Священник из города Керчи, две монахини из города Коломны, родные сестры иеромонаха Акакия²³, и диакон о. Матвей, и, наняв экипаж, поехали. Побывав наскоро в Вифлееме, т. к. мы раньше уже там были, отправились дальше, и к вечеру, когда стало уже темно, кучер-араб, остановившись посреди дороги, попросил нас выйти из экипажа; когда же мы его спросили: «а где же дом русский и дуб Мамврийский?», то оказалось, что надо идти пешком версты две, так как дальше ехать нельзя. «Но ведь мы дороги не знаем, не знаем, куда и идти», — заволновались мы; по счастью, прохожие, поняв наше грустное положение, уговорили турецкого мальчика провести нас до русского дома, и мальчуган за бакшиш согласился нас доставить. Пошли потихоньку, но вот, старец священник заявляет, что он дальше идти не может, т. к. у него страшное сердцебиение. Что делать? Ночь, незнакомая местность, кругом фанатики-турки; эта местность, населенная около Хеврона мусульманами, самая фанатичная и не терпящая христиан. Подумав, мы решились с проводником и с монахинями поспешно идти вперед и выслать священнику и о. диакону осликов, а они пусть подождут; вот мы быстро с проводником-мальчиком пошли вперед, дорога плохая, камни и канавы, в темноте едва различаешь дорогу; наконец, дошли и, вшедши в дом, упросили хозяйку, арабку Марию, немедленно послать ослика, что она и сделала, но когда мы поехали, то в воротах дома повстречались со старичками — оказалось, они сами потихоньку прибрели, и мы обрадовались, что все обошлось у нас благополучно. Напившись чаю с маслинами, отправились на ночлег; утром встали и пошли к дубу, где отслужили молебен с акафистом Святой Троице. Чудное зрелище и дивное воспоминание! Что-то особенно приятное нисходит на душу. После молитвы, взяв на память несколько желудей и листочков с дуба и осмотрев вновь строящийся²⁴ храм, который, к сожалению, слишком далеко воздвигается от дуба, и поблагодарив хозяйку, отправились в обратный путь. На пути до экипажа масса детей и даже взрослых девиц просили бакшиш — это у них не считается предосудительным, даже невестам

²² Александр Гаврилович Яковлев (1854–1909) состоял в должности российского генерального консула в Иерусалиме в 1897–1907 гг.

²³ Иеромонах Акакий (1859–?), в Русской духовной миссии в 1909–1912 гг.

²⁴ В ркп. строящийся.

просить паричку²⁵, чему мы много дивились. Приехали в местность, купленную нашим Валаамским иеромонахом Владимиром²⁶, когда он жил в Иерусалимской миссии, под названием Бэт-Захария или по-русски, дом Захарии. Старший здесь монах миссийский Лаврентий²⁷ принял нас и повел показывать свою работу и выкопанные в камне им пещеры и устроенную там как бы церковь и сказал нам проповедь, предлагая ему пожертвовать на это святое, по его словам, дело, на вечную природную церковь, и мы по силе положили свои лепты; показал нам мозаику, где написано: «Захария» и еще что-то не разобрать, так как камешки пообсыпались; очевидно, здесь был дом у праведного Захарии, отца Иоанна Крестителя. О. Лаврентий насадил здесь много масличных и виноградных деревьев, и местность эта оживает, так что теперь и караваны богомольцев в несколько сот человек, идя к дубу, ночуют иной раз не в Вифлееме²⁸, как раньше постоянно было, но в Бэт-Захарии, т. е. русские останавливаются у своих, русских, что грекам весьма не нравится, так как умаляются их доходы; но архимандрит миссийский поступает так не без рассуждения, а чтобы они ценили русских поклонников и не оскорбляли их своим небрежным отношением и грубостью. Угостил он нас чем Бог послал и, нарвав у него на память травы иссопу, мы к вечеру вернулись в Иерусалим.

11-го [марта]. Ходили пешком в Горнее; были в гостях у старичка диакона Тимофея Петровича Тимофеевского, 60 лет уже носящего сан диакона²⁹; в Горнем живет тоже уже давненько; любезный радушный старец; выстроил себе домик и живет в мире и тишине. Заходили к иеромонахам отцам Паисию и Тихону и посмотрели их кельи; после обедни ходили на источник Св. Иоанна Предтечи; версты четыре будет, дорога утомительная, все по горам. Видели там могилу Св. праведной Елизаветы; вода в источнике прекрасная, чистая, и устроено вроде купальни; некоторые купаются, а другие только моют лицо; охраняет источник турок и пускает за маленький бакшиш; место это принадлежит католикам. Вернувшись обратно в Горнее, получили неожиданное известие: завтра приедет архимандрит Леонид, будет служить литургию и постригать в мантию двух насельниц Горней обители. Приехали для завтрашнего служения с архимандритом два приезжие иеромонаха: о. Николай из Задонского монастыря и о. Дамиан из Свирского, также протоиерей о. Авксентий³⁰, он же и регент и учитель хора монахинь.

12 [марта], суббота. Утром ходили в католическую церковь, где, по преданию, католиков произошла встреча Богоматери с праведною Елизаветою; еще были в другом костеле, где, по преданию, родился Св. Иоанн Предтеча и было разрешение немоты Св. Захарии. Долго звонили на монастырской колокольне, наконец при-

²⁵ Т. е. копеечку, мелкую монету.

²⁶ Иеромонах Владимир (в миру Василий Гиганов, 1854–?), в Русской духовной миссии в 1901–1905 гг.

²⁷ Монах Лаврентий (в миру Леонтий Федорович Судомойкин, 1852–1932), в Русской духовной миссии в 1902–1914, ? –1932 гг.

²⁸ В ркп. Вифлиеме.

²⁹ Тимофей Петрович Тимофеевский († 1917) жил при Русской духовной миссии как паломник.

³⁰ Иеродиакон Авксентий (1868–?), в Русской духовной миссии в 1908–1916 гг.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

ехал о. Архимандрит и началась торжественная литургия, в служении которой и мы принимали участие. По малом входе пострижены были две монахини: одну назвали Агния, а другую Людмила, после обедни происходил интересный чин вручения их от Евангелия старице настоятельнице³¹. Пообедав с о. Архимандритом, вернулись на мулах в Иерусалим.

13 марта. Ночью пошли ко Гробу Господню; т. к. неделя была крестопоклонная, то в конце службы прикладывались ко Кресту с большой частью Животворящего древа, вделанного в него; обедню слушал на Голгофе. Потом, к поздней обедне пошел к патриаршему служению: начало литургии в 6 часов; после службы был торжественный крестный ход с массою священнослужителей, и все несли маленькие кресты и свечи; патриарх же шел в конце процессии, неся на голове весь осыпанный драгоценными камнями довольно большой Животворящий Крест Господень. Во время крестного хода хорошо пели клиросные попеременно со священнослужителями следующим напевом³²: жаль, что пели не по-русски, что было бы гораздо приятнее.

14 марта. Утром беседовал с Афонским иеромонахом Пантелеймонова монастыря о. Варахией, узнал, что у них настоятель каждого поступившего в обитель послушника вначале, в течение трех годов, сам исповедует, а потом, когда пострижет в монашество, тогда говорит: «ну теперь исповедывайся у кого хочешь». Служащие позднюю литургию (у них каждый день две поздние литургии — греческая и русская и 2 ранние) если случится искушение, исповедуются у игумена, а кто раннюю служит, тот может и не служить, сказавшись больным.

15 [марта]. Ходил на Елеон, слушал вечерню и служил литию, обедал и пил чай у добрейшего иеромонаха о. Алипия³³; советовал мне кушать маслины, как и он сам ест — с косточками; так его научил покойный старец Парфений, который по его словам, 40 лет так ел. Я долго не решался, боясь подавиться, а потом привык и не стал сомневаться. На обратном пути зашел к архимандриту Антонину, пил у него чай; не понравилось мне его помещение: сырое и невеселое.

17 [марта]. Ходили с братьями и отцами, живущими в миссии, в Эммаус; верст 12 будет от Иерусалима; место принадлежит католикам, прекрасные сады, цветники, чудный храм и на восточной стене, вверху, дивная картина, изображающая преломление хлеба Господом и изумление Св. Апостолов Луки и Клеопы; очень художественное изображение. Католики нас приняли и напоили чаем с хлебом. На обратном пути беседовал с о. Геронтием; рассказывал о сновидениях и ясновидениях своей сестры Феодосии, гостящей тоже в Иерусалиме; рассказывал, как она убежала от тирана-мужа, который ее ужасно терзал и мучил; ее приход к брату в Лавру, вещее сновидение, покров над ней Царицы Небесной, получение чудного, среди зимы никогда не виданного цветка для уверования отца Геронтия, потом опять о получении 4-х крестов чудесным образом; отнятие одного креста от старицы Елизаветы за ее неверие и роптание, а затем, после ее раскаяния, возвращение креста снова очевидно; затем повеление Феодо-

³¹ Монахиня Валентина (в миру Параскева Андреевна Маханова, 1849–?).

³² В машинописном тексте нотная запись отсутствует.

³³ Иеромонах Алипий, член Русской духовной миссии.

сии побывать с братом Геронтием в Иерусалиме; чудесная помощь откуда и не думали на дорогу деньгами, и многое другое рассказывал он еще весьма интересное.

18 [марта]. Приготовляемся ехать в Назарет; решил ехать в фургоне. Паломники разделились на четыре партии: одни думают идти пешком, другие на ослах и мулах, кто в фургоне, другие же через Яффу и Кайфу на пароходе.

19 [марта]. Утром перед собором был молебен, служил о. архимандрит Леонид, после сказал проповедь, в которой преподавал полезные советы, как надо вести себя в таком дальнем, предпринимаемом нами, путешествии, чего остерегаться, чтобы не заболеть; между прочим, говорил: «Я, как ваш временный пастырь, разрешаю вам вкушение рыбы, когда будете на Тивериадском море, только кушайте ее воздержно и хорошо варите, а то многие, вследствие недоварки, страдают желудком». Окропив всех святою водою и приложившись ко кресту, мы тронулись с молитвою в дальний путь. Дорога была довольно хорошая; проехали первое местечко Ромулла, где родители, встревожившись, искали среди сродников 12-летнего отрока Иисуса. Здесь караван обыкновенно ночует, но мы, кряду, поехали дальше и на ночлег приехали в Наплус, или в древний Сихем. Здесь находится колодезь, из которого самарянка почерпала воду и Господь, беседуя с нею, просил у нее воды для утоления жажды. Приехали в Сихем поздно и темно; дали нам помещение. Этим местом управляет Софроний, епископ Газский. Переночевав и отстояв обедню, записали на построение строящегося храма, осмотрели колодезь, который очень глубокий, и, поблагодарив иноков, отправились дальше. Приехали на ночлег в Замарин, населенный евреями колонистами; дорога претовратительная. У нас сломался экипаж, и мы едва починили; ночевать пришлось в порядочной тесноте и в большом неудобстве. Утром поехали дальше; кругом поля, хлеб уже высокий; ехали берегом Средиземного моря; наконец, приехали в Кайфу. Остановились сначала в Палестинском доме, а потом, узнав, что для русской миссии — рядом, перешли в него. Наняв экипажи, поехали на гору Кармил. Чудный вид с горы на море! Служил я литию по консуле³⁴, лежащем около самой русской церкви; недавно, говорят, умер загадочною смертию по зависти немцев, которые не могли снести того, что консулом в Кайфе стал русский, тогда как раньше за русского консула управлял немец; покойный же консул дела стал вести в пользу русских и, вот, после приглашения на один немецкий обед, почувствовав вскоре себя дурно, скончался. Утощала нас живущая здесь братия вином из своих виноградников; на обратном пути побывали у католиков; большой монастырь, населенный кармелитами; показывали нам пещеру, в которой, по преданию, скрывался Илия пророк. Переночевав, утром поехали дальше и приехали в Назарет после обеда; напившись чаю и оставив свои лишние вещи, отправились в Тивериаду, куда и приехали к вечеру.

23 [марта]. Наняв маленький пароходик, в количестве около человек 40, отправились в Капернаум; дорогою любовались дивными картинами; показывали нам место, где была Вифсаида — родина апостолов Петра и Андрея; вдали виднелась Гадаринская страна; наконец, приехали в Капернаум, где нашли одни только лежащие развалины и камни, так что буквально исполнилось слово Спасителя: «И ты, Каперна-

³⁴ Русский вице-консул в Хайфе Николай Владимирович Агапитов скончался 5 марта 1911 г. и погребен при храме св. пророка Илии.

уме, иже до небес вознесыйся, до ада низведетесь». Местом этим владеют католики; на обратном пути заехали в местечко, купленное русской миссией, Магдала, т. е. родина Марии Магдалины. Место красивое, на самом берегу Тивериадского моря, чудная растительность, место ровное; спускается в море быстрый, теплый целительный источник. Мы стали купаться, и в море вода теплая, но в источнике еще теплее, и чистая, как хрусталь — не ушел бы, кажется, из воды; кто-то поймал черепаху, хотели взять ее и увезти на память на родину, но потом, сжалившись, отпустили ее снова на свободу; после купания, здесь же, под деревьями напились чаю и любовались на ловлю рыбы одним местным рыбаком. Рыбы масса, ходит стадами и, вот, он, раздетый, только при опоясании, тихонько подкрадываясь или подплывая к стае, моментально бросает держимую в руках сеть, которая, ложась на воду довольно большим кругом, покрывает рыбу, прижимая ее к земле, и он, вытащив ее из-под сети, кладет в привязанный сзади сеточный мешок. Приехали обратно в Тивериаду, где приготовили для паломников обед из Тивериадской рыбы; после ходили к горячим ключам; вода настолько горяча, что рука не терпит; некоторые купались в устроенных для этого ваннах, но мы не захотели париться после прекрасного морского купания, к тому же купальню содержит какой-то турок, и очень нечистоплотный; кто страдает ревматизмом, тому, говорят, купанье в этих горячих источниках очень помогает; вечером читали канон Андрея Критского, так как сегодня стояние, или четверг пятой недели.

24 марта. Выхав из Тивериады, заехали на место насыщения Спасителем пятью хлебами 5 000 человек; мы тоже, по принятому среди паломников обычаю, положили на большом камне хлебы, пшеницу, рыбы Тивериадской и, прочитав молитву, вспоминали здесь предивное чудо Господа нашего Иисуса Христа, и поехали далее, и, прибыв в Назарет, с прискорбием узнали, что все места заняты, т. к. из Иерусалима приехал громадный караван и места брались нарасхват. Пришлось нам кое-как достать место при аптеке и больнице; пошли к вечерне в греческий монастырь; пришел архиерей, служба смешанная — греческая и арабская; служение жалкое и вовсе не торжественное. После вечерни я прочитал акафист на месте, где, по преданию, было Благовещение; тут же находится и колодезь с чистою водою; всеобщую служили мы, русские, все вкуче под открытым небом на дворе среди здания.

25 [марта,] Благовещение. Утром пошли для служения литургии опять к грекам. Очень долго звонили, и народ собрался, но службу почему-то все не начинали. Священник из арабов распорядился открыть царские двери и в них помазывать народ елеем и приказал мне каждому помазанному говорить, чтобы клал за это на блюдо паричку, но у меня не хватило духу это делать, и он тогда меня уволил, попросив другого иеромонаха делать то же самое, но и тот не согласился, тогда он третьего уговорил. Нас всех возмущало это вымогательство, но, видно, это у них так принято. Наконец, пришел Назаретский Владыка Феофан и, прочитав входные молитвы, вошел в алтарь. Когда сняли с него мантию, то он сам, стоя перед престолом, завернув поаккуратнее свою мантию и рясу и сложив, отдал их келейнику, а сам начал облачаться в священные одежды. Служба во многом расходится с нашей, т. [ак] ч. [то] видишь многое как бы в первый раз. Просфоры низенькие, как лепешки, полдюйма вышины и мука темная; после обедни был крестный ход вокруг церкви. Народ густой лентой окружал церковь, и арабская молодежь, разря-

женная, ликующая, шумящая, приветливо глядела на церковную церемонию, шедшую во главе с архиереем Феофаном; потом пошли в другую церковь и там разоблачились, но так как наши рясы остались в храме, где служили литургию, то нам пришлось, всем священнослужителям, в одних подрясниках идти по улице до церкви за верхней одеждой. После обеда ходили по Назарету и осматривали его святыни и достопримечательности, которые больше находятся в католических руках; видели синагогу, откуда евреи вывели Господа, чтобы сбросить с вершины горы, были на месте, где, по преданию, было жилище праведного Иосифа и где Господь наш помогал в тектонстве своему мнимому отцу, что и изображено на прекрасной картине, висящей на том месте, где, по преданию, была древодельная мастерская; ходили на место, где, по утверждению католиков, было Благовещение Пресвятыя Богородицы и многое другое видели, о чем теперь трудно в подробности вспомнить. Вечером пошли за город на гору Свержения — версты две будет от Назарета; гора очень высокая, я едва поднялся, к тому же сильнейший ветер затруднял наше движение, зато сверху любовались прекраснейшим видом: виден хорошо Фавор, видна вся окрестность на многие версты; отсюда, с горы, действительно, если сбросить человека, как евреи хотели Господа, то он, кажется, еще не долетев до земли, умрет.

26 [марта]. Утром, наняв осликов, отправились небольшим караваном, человек около 20 на Фавор; часа через два показалась и Святая гора. Издали казалась как будто невысокая, но, как я после узнал, высота ее равняется 250 сажням. Подъезжая, я думал: как же будем взбираться на такую кручу, да и поднимет ли меня этот маленький ослик на такую гору? Но вот начали подниматься; дорога устроена очень хорошо и удобно: вьется, как змейка, и крутых подъемов очень мало, все больше ровный и отлогий подъем, и вот, полегоньку да потихоньку, мы, наконец, взобрались на самую вершину, ослик хотя и вспотел, но прекрасно исполнил свою обязанность. По приезде в монастырь пошли в церковь, где я, облачившись, отслужил молебен Преображению Господню, а прочие священнослужители пели; потом дали нам подкрепится чаю с маслинами, только последние не черные, а желтые, или оливы, как их здесь называют; записали своих сродников, пошли осматривать монастырь. Монастырек маленький, бедный, братии несколько человек; были в пещере, по преданию, царя Мельхисидека, и отправились в обратный путь; спускались сами по себе, без осликов, которые дожидались нас под горою. По приезде в Назарет и переночевавши, рано утром отправились в обратный путь и, приехав еще рано в Кайфу, маленько отдохнувши, поехали дальше и к ночи приехали опять в Замарин, опять ночевали у еврея в ужасно неудобной обстановке; утром опять поехали дальше и к ночи опять добрались в Наплус к самарянке; очень жалели, что кучера нас не предупредили, что по дороге немного в стороне находится знаменитая Севастия, где показывают темницу, в которой томился Иоанн Предтеча и где ему отсекли главу.

29 марта. Переночевав, поехали дальше по направлению к Иерусалиму; дорогой на горах был сильный ветер, так что если бы не было под руками теплой одежды, то легко можно бы было простудиться. А когда спустились с горы, то на солнышке опять, при отсутствии ветра, делается жарко, и лишнюю одежду поневоле снимаешь. К вечеру, усталые, запыленные, утомленные, но в общем довольные своей поездкой, приехали во Святой Град, пробыв в этом путешествии 10 дней.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

30 марта. Сегодня в Горнем праздник, здесь местно установленный и празднуемый — встреча Богоматери с праведною Елизаветою. Бывает торжественный Крестный ход во главе с архимандритом, начальником миссии; у католиков сегодня тоже крестный ход, т. к. у них сегодня великая среда и открывают колонну, к которой прикладывали и бичевали Спасителя нашего. Мы ходили с другими поклонниками прикладываться к ней; от множества народа ужасная теснота и давка. Колонну только однажды в год открывают и дают к ней прикладываться, а в остальное время целуют только палку, приложив ее к колонне, тогда как последняя скрыта бывает и есть только небольшое отверстие, через которое палка и прикасается к ней, и эту палку целуют; теперь же вся колонна на виду и вот, многие богомольцы, купивши шелковые пояски, продаваемые на паперти, прикладывали и обматывали ими Святую колонну и уносили с собой на память.

Апрель 1, пятница. У турок сегодня какой-то праздник, и масса народу стоит у городских ворот по направлению Гефсимании: играет хор военной музыки, ходят со знаменами, ездят на богато украшенных конях, стучат в барабаны, и вся эта процессия пойдет по дороге к Иордану. Мы не стали ждать, а пошли на Елеон. Завтра Лазарево Воскресение; ходили в пещеру, где, по преданию, четверодневный мертвец Лазарь Божиим всемогущим словом восстал из мертвых. Пещера находится на глубине, надо спускаться по узенькой каменной лестнице в 30 ступеней, очень неудобной; служили там краткий молебен, пели тропарь праздника: «Общее воскресение», и выбравшись наверх, пошли обратно на Елеон, где вечером служили большим собором торжественную всенощную, после которой вокруг церкви был крестный ход; затем у настоятельницы пили чай и закусывали, а затем, придя на ночлег, прочитали все вместе вечернее и причастное правило и стали размещаться, кто где мог, на краткий отдых, т. к. время было уже позднее, а завтра надо было вставать рано. Выйдя в коридор, я увидел лестницу, ведущую наверх дома и, быстро поднявшись, очутился на плоской крыше монастырского здания; стояла чудная, лунная, тихая ночь, все кругом как будто бы замерло и безмолвовало; с высоты Елеонской горы видна была вся окрестность на многие версты: вот серебрится при лунном свете Мертвое море, за ним возвышаются величественные Моавитские горы, налево виден безмолвный священный Иерусалим, сильно выделяется темный силуэт (sic!) Омаровой мечети, внизу, под самой горой — Кедрский поток, Гефсимания. Сколько священных воспоминаний навеивает на душу вся эта библейская местность, и как все это дорого и мило сердцу верующего христианина!

2 [апреля], Лазарева суббота. Служили соборне литургию; после ходили осматривать достопримечательности: были в пещере, где спасалась святая Пелагея, ходили к месту Вознесения Господня, где на камне видна стопа Спасителя; здесь сегодня служил литургию греческий архиерей, и всю ночь молились, и был крестный ход. Я служил на этом месте краткий молебен и приложил купленный для нашего отца Игумена³⁵ камень с Елеонской горы к стопе Спасителя; ходили в пещеру, где, по преданию, сидели в заключении святые апостолы; место принадлежит, кажется, католикам; водили нас в католический храм, где на многих языках написана молитва Господня: «Отче наш»; затем пошли в Малую Галилею, где Господь наш являлся ученикам Своим по Воскре-

³⁵ Игуменом Валаамского монастыря был в то время архимандрит Маврикий (Баранов, 1839–1918).

сени. Стоят два столпа, как говорят, «нерушимые»; храм большой, пятипрестольный, вечерню стояли в патриаршей церкви, большое было торжество, а всенощную в миссийском соборе, и я очень устал.

3 [апреля], Вербное воскресенье. Служил обедню на раскопках; пошли на торжественное богослужение ко Святому Гробу. Служил патриарх, семь архиереев и множество духовенства; после литургии был величественный крестный ход, в котором и я принимал участие; все шли с большими пальмовыми ветвями, было очень торжественно и умирительно; после со славою ходили к патриарху на обычное угощение, т. е. кофе и проч. [ее], а вечером в миссийском соборе с архимандритом служили вечерню.

Страстная неделя

5 [апреля], вторник. Сегодня причащался на Голгофе с приезжим иеромонахом Нестором, служили литургию соборно; после обедни был у казначея Св. Гроба Господня, архимандрита Герасима и получил три бесценных крестика с частицами Животворящего древа Господня.

6 [апреля], Великая Среда. Опять ночь провел у Гроба Господня; народу в Иерусалиме наехало со всех стран великое множество; повсюду шум и суeta и стеснение. В храме Воскресения навешено множество лампад, кувуклия тоже вся украшена свечами и лампадами; по улицам везде шум, как на базаре, и идет бойкая торговля разными товарами.

7 [апреля], Великий Четверг. Ночь провел у Гроба Господня и служил на Голгофе вдвоем с архимандритом Серафимом, много было причастников. Одновременно шла и обедня и у Гроба Господня — там тоже было много причастников. Вечером 12 Евангелий с большою торжественностью читали в Троицком соборе вместе с о. Архимандритом.

8 [апреля], Великая Пятница. Утром ходил приложиться ко Гробу Господню и слушал часы Царские на Святой Голгофе; служба шла на греческом языке. Трогательно было стоять в Великую Пятницу на Св. Голгофе и сознавать, в какое время и где я нахожусь. Плащаницу выносили в миссийском соборе с великим сонмом священнослужителей и обносили вокруг церкви. Вечером в том же соборе служили утреню.

9 [апреля], Великая Суббота. Обедню служил на раскопках и, придя в миссию, после краткого отдыха, собравшись все вкупе приезжие и местные духовные лица, под предводительством каваса пошли ко Гробу Господню; прошли не обычным путем, а через патриархию, во избежание тесноты от множества народа и, спустившись вниз, прошли через арабский храм св. Апостола Иакова и очутились у самых дверей Воскресенского храма. Народу было великое множество всех наций, начиная с вооруженных турок, которые в красных фесках и с ружьями стояли шпалерами и водворяли порядок. Кавас нас повел через Голгофу прямо в алтарь Воскресенского храма, и, кое-как протискавшись через густую массу народа, мы, наконец, очутились в сравнительно свободном алтаре. Народ в храме гудел и шумел от великой тесноты: арабы что-то кричали и пели что-то, вроде песни и потом хлопали в ладоши, ходили по церкви,нося некоторых смельчаков на своих плечах, которые стояли в рост на их плечах. Я спросил одного араба, по-видимому какого-то распорядителя, который стоял со мною в самых

царских вратах: «Что это они поют?» «А вот они хвалят Бога и просят благодатного огня». Наконец пришел патриарх. Стали звонить и стучать в чугунные и деревянные доски и звонили минут пятнадцать, начиная с медленного стучания и кончая самым быстрым темпом; но вот облачившийся патриарх и человек 12 старших священнослужителей, выйдя с крестным ходом из алтаря, трижды прошли вокруг кувуклии. Я смотрел в царские двери; народ стоял, как мухи; где только можно поставить ногу и уцепиться, там и держались. Устроены были подмости и лучшие места, как слышно, продавали за деньги. Крестный ход, пройдя трижды вокруг кувуклии, вернулся в алтарь, а патриарх, разоблачившись и оставшись в одном подризнике, взошел ко Гробу Господню. Наступила сразу какая-то тишина и все замерли, с трепетом ожидая чего-то. Прошло несколько томительных минут и вот, сразу раздался над алтарем колокольный звон и после этого около кувуклии блеснул огонь. Через минуту в алтарь буквально влетел арабский священник в одном подризнике с пучком горящих свечей, заключенных в какой-то фонарь с большими скважинами и, подбежав к настоятелю Св. Гроба архимандриту Евфимию, дал ему зажечь от святого огня. Что тут после происходило, не поддается описанию. Все рвались и стремились, желая скорее зажечь свои свечи. Огонь быстро наполнил весь храм и алтарь; некоторые в суматохе падали на землю; одному арабу повредили руку. Я с первого раза не мог зажечь, так как опасался, что меня с ног свалят, но второй раз зажег два пука, в каждом по 33 свечи по числу лет жизни Спасителя на земле. От многого огня сделалось в храме ужасно душно и невыносимо жарко, и гарь, вследствие дурного качества воска, наполнила весь храм; нельзя было разобрать, что тут происходило: кто ликовал, кто изумленно смотрел на все происходившее, другие, в том числе греки, настаивали и просили, чтобы скорее гасили огни, так как очень стало душно, и некоторые опалились, потому что если, может быть, как говорят, поначалу святой огонь и не жжет, то, вероятно, в первую минуту и из первых рук надо зажечь, а после он уже делается обыкновенным и многие обжигались и у них было кое-что обожжено, ну а воском-то мы все были закапаны с ног до головы; хорошо, что нас раньше предупредили и мы одели одежду похуже. После получения святого огня народ сейчас же хлынул к выходу из храма, расходясь во все стороны. Я тоже, три раза зажегши свечи и три раза погасивши, по принятому здесь обычаю, приготовленным для этого бархатным колпачком и лежащим в нем куском ваты, направился по примеру всех к выходу. Выйдя из церкви и поворотив направо, старым же путем через церковь Св. Иакова, брата Господня, направился мимо патриархии, и вот, слышу, за мною идут по лестнице люди и торопят меня скорей-скорей подниматься вверх; оглянулся назад, вижу — патриарх идет, и только что вышел на двор, как дожидавшаяся его толпа каких-то здоровенных арабов начала по-своему кричать и приветствовать его и, при этом хлопая в ладоши, с пением проводили его до самой патриархии. Я только мог разобрать: «Демьяну́, Демьяну́». Очевидно, много лет ему желали. Дойдя до дверей патриарх, их слегка благословив, скрылся в подьезде, и немного погодя им сверху с окна бросили в свертке несколько денег. Арабы с криком бросились к свертку, и вот тут-то и пошла у них потерябка³⁶: каждому захотелось завладеть брошенным, и они с яростию налетали со свойственной им горячностью друг

³⁶ Т. е. потасовка.

на друга, желая быть обладателем патриаршего дара. Я ушел; не знаю, как они после поделили сей дар блаженнейшего. Впечатление мною от всего происшедшего получилось какое-то смутное, неопределенное и непередаваемое.

10 [апреля], Пасха. Светлую утреню и обедню служил опять на раскопках соборне за старшего. Служащие были: иеромонах Николай — Задонский, иеромонах Дамиан — Свирский и мирской диакон о. Филипп. После службы были в гостях у отца архимандрита и вместе с приезжими гостями разговлялись, а после с братией в трапезе.

11 [апреля]. Служил в соборе с о. Архимандритом; богомольцы некоторые уже собираются к отъезду.

12 [апреля]. Обедню стоял в Гефсимании, а после с о. Анфилогием (иеромонахом Тверской епархии) зашли к архимандриту о. Антонину и пили у него чай.

13 [апреля]. Служил в Претории у архимандрита Серафима; служение во многом отличается от нашего. Облачение лежит на престоле, так и облачался, беря одежду с престола; на престол кладутся и свечи, и служебник; литургия совершается на одной просфоре. Интересно показывал, как надо вынуть девятичинную просфору. Разрезал девять частей и все сразу и положил; уж чересчур у них упрощена служба. Главное, ради чего я служил, то сподобился получить — животворящий крест с частицею Древа Господня и Голгофы.

14 [апреля]. Надумал ехать обратно домой. Иеромонахи Николай и Дамиан уговаривают меня ехать и ждут. Наскоро собираюсь, в субботу, если Господь благословит, поеду; жить бесцельно наскучило, лучше на Афоне погощу.

15 [апреля]. Вчера был для прощания у архимандрита о. Леонида; благословил меня иконой Спасителя в терновом венце; прощался со святынями, ходил ко Гробу Господню, в Гефсиманию, был у архимандрита о. Антонина.

16 [апреля], суббота. Простившись с дорогими отцами и братьями русской миссии, провожавшими нас, покинули мы незабвенный и священный Иерусалим. В вагоне было тесно, так как отъезжающих было очень много; приехав в Яффу, уложили свой багаж на подводы и отправились к пристани. Народу на пристани находилось очень много в ожидании отправления на пароход, но распорядившись этим сначала отправили наш багаж, а потом постепенно и пассажиров перевезли на пароход под названием «Цесаревич-Одесса». К вечеру, когда все переехали с берега, пароход тронулся, покидая Святую Землю, и мы долго глядели, провожая глазами Священные Библейские берега.

17 [апреля]. Пришли в Кайфу. Паломников на пароходе около тысячи человек, и все больше мужчины, едущие на Афон. Погода стоит жаркая, на пароходе тесно и неудобно.

18 [апреля]. Стоим и томимся в Бейруте. Паломники ропщут на капитана и на начальство — тесно, душно, неудобно; скорей бы добраться до Афона.

19 [апреля]. Пришли в Триполь. Пассажиры просили капитана ускорить путь, так как истомились от жары и тесноты. Капитан обещался к понедельнику доставить на Афон.

20 [апреля], среда. Приехали в Александретту. Погода ясная, жаркая; солнце печет немилосердно, хотя на горах на вершинах лежит снег.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

21 [апреля]. В пять часов утра приехали в Мерсину; съезжали на берег; жара ужасная; на пароходе находиться — чистое мучение: тесно, духота, нельзя пройти, а капитан и его помощники не обращают внимания на нечистоту и загрязнение.

22 [апреля]. Едем открытым морем; берегов уже давно не видать. Ночью приедем в Родос; ветерок чуть-чуть пошевеливает; пароход, по просьбе какого-то важного лица заехал в город Кастелóризо, бросил якорь, страшная глубина; и при поднятии якоря что-то испортилось, долго бились, но, наконец, поправили. Я не мог налюбоваться на цвет воды; что за прелесть, какой-то дивный изумрудно-голубой цвет!

23 [апреля]. Ночью заходили в Родос, где еще прибавилось пассажиров, не понять — не то турки, не то греки; пароход буквально переполнен людьми

24 [апреля], воскресенье. Пришли в Смирну, но, ради боязни занесения на корабль заразы, не выходили на берег никто, только сдали груз и поехали далее на желанный Афон. Пассажиры III класса сидят и очищают свои костюмы от паразитов, не стесняясь друг друга; народ все больше деревенский, преимущественно малороссы.

25 [апреля]. Рано утром приехали на дорогой Афон. Пароход остановился у самого Пантелеймоновского монастыря; и как мы рады были, когда вступил на Святую Гору. Дождавшись своего багажа и разобравши его, а сами зайдя ненадолго в монастырь и побывавши со братией в большой трапезе, отправились в Дафну, пешком по горам, а багаж наш повезли на барке. Устроив багаж на хранение в кладовой Андреевского монастыря, товарищи мои ушли пешие в Андреевский скит, а я остался ночевать на подворье. Вечером собралась братия, живущая при подворьи, и стали служить вечерню; обратил внимание на кадильницу, еще не виданную мною, с ручкой, называемой, кажется, кация. После службы был ужин, как я заметил, отношения братии друг к другу были дружественные и держат себя просто и общительно.

26 [апреля]. Утром читали утренние молитвы, после акафист Божией Матери, а затем третий и шестой час и изобразительные, на коих пели ектению великую, пели Единородный Сыне, читали блаженны, Апостол, Евангелие, посем пили святую воду и кушали антидор. Мне это очень понравилось: вот как держат себя в стороне от монастыря, хорошо бы, если бы у нас так было. Пили чай, вспоминали покойного Иннокентия Сибирякова³⁷, так много сделавшего для Андреевского скита; после дали мне лошадь и мальчика-болгарина в проводники, и поехал я по горам и долинам. Сначала боялся, что упаду, а потом привык и стал крепче сидеть в седле. Наконец, перевалились через главный хребет и увидели Карею и Андреевский скит, красующийся своим величественным собором. По приезде в скит меня любезно приняли и отвели личную келью. Представлялся добрейшему отцу архимандриту Иерониму³⁸. Он еще не старый, но своею любовью всех привлекает к себе; на Валааме у нас он не бывал никогда, но имел желание побывать; я просил благословения погостить у них, и он мне решил жить сколько я хочу: месяц, год, или хоть навсегда. Пообедавши и отдохнувши,

³⁷ Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901) — иркутский купец и благотворитель. В 1896 г. пострижен в иночество и уехал на Афон, с 1899 г. — схимонах Иннокентий. В 1900 г. был освящен афонский Андреевский собор — самый большой храм Святой Горы, сооруженный, в значительной степени, на средства И. М. Сибирякова.

³⁸ Архимандрит Иероним (в миру Иван Васильевич Силин, 1866–1920) в Андреевском скиту с 1888 г., управлял скитом с 1908 г. до своей кончины. Известный противник имяславия.

пошел погулять в сад, где встретился с больным монахом Николаем; просил указать мудрых старцев, живущих на Афоне, и он назвал мне несколько знаменитых афонских отцов и советовал мне непременно у них побывать и путешествовать по горам советовал мне не с паломниками, а малым обществом, состоящим из трех-четырёх человек и пешими. Любуюсь на чудную природу, и очень мне здесь все нравится; из кельи моей открывается чудный вид на горы и кельи пустынные. Осматривал скит. Сколько чудных храмов с изящными иконостасами и примерной чистотой. Видели усыпальницу, смотрели черепа знаменитых и святых старцев и простых людей; одни из них желтые, а другие белые, иные темные. Какое умиленное и поучительное зрелище! Были в библиотеке, смотрели старинные дорогие книги: Евангелие VIII века и другое X века с интересными рисунками и фигурами; были в ризничной мастерской; заходили в больницу, богадельню для старичков-монахов, посетили просфорную; как все удобно и хорошо устроено. Потом зашли в переплетную; в заключение пришли в гостинный парадный зал, называемый по-афонски Фондарик; сплошь весь обвешан картинами и видами, в числе которых есть виды и нашего родного Валаама; множество знаменитых людей, изображенных на портретах, глядят со стены: есть тут и цари, патриархи, архиереи и многие афонские знаменитые деятели; на окнах масса цветов; вообще вид фондарики очень веселый и уютный. После вечерни ходили с иеромонахом о. Флорентием и монахом о. Антонием в сад; меня спрашивали про Валаам, потому что о. Антоний когда-то жил у нас на Валааме и с любовью вспоминал о гранитном Валааме.

27 [апреля]. Раннюю обедню стоял в параклисе Покрова Божией Матери; здешние церкви мне очень нравятся: светлые, уютные и с деревянными полами. После ходил в Благовещенскую келью, но, по незнанию, пришел вместо одной в другую — Благовещенских келий на Афоне не одна, а несколько; мне надо было к настоятелю о. Парфению³⁹, а я пришел к настоятелю о. Иоанникию; приняли меня тоже любезно, как и вообще все афонские отцы; открыли мне церковь, принесли мне святые мощи и, осмотрев все более или менее замечательное, я приглашен был ими в трапезу разделить с ними скромное их монашеское угощение. Распростившись с ними и придя в Андреевский скит, я, уже взяв проводника — иеродиакона о. Мартиниана — и в сопровождении его, отправился в Благовещенскую келью к отцу Парфению; он наш Кронштадтский и живет на Афоне годов 40; хороший, добрый старец — седой как лунь; от многого стояния ноги у него опухли, как бревна. Отец Парфений принял нас радушно, угостил чем Бог послал; я передал ему посланные письма и деньги. Старец показал нам свое хозяйство; у него довольно большая живописная мастерская, оставлял нас подольше у него погостить, но мы торопились; все же он взял с меня слово непременно побывать у него еще раз и, если возможно, даже послужить у него Божественную литургию. На обратном пути зашли в келью Игнатия Богоносца, в Зографский кунак, или по-нашему подворье, и Белозерскую келью к настоятелю о. Петру⁴⁰; келья Святителя

³⁹ Схимонах Парфений (в миру Петр Константинович Гвоздев, 1840–1917) управлял Благовещенской келией с 1886 г.

⁴⁰ Иеросхимонах Петр (в миру Георгий Кондратьевич Крутьков, ?–1925) управлял келией святителя Николая с момента смерти о. Анатолия (между 1882 и 1889 гг.). При о. Петре построены храмы Николая Чудотворца и Покрова Божией Матери, подворье в Константинополе и гостиница для паломников в Дафни.

Николая, или называемая прямо Белозерка, довольно большая и благоустроенная, на-поминает хороший монастырь в России; потом взошли в Златоустовскую келью; настоятель бывший казак, старичок схимонах о. Константин⁴¹; военный человек, с любовью и одушевлением рассказывал нам, как он трудился и подвизался со своими братьями на театре военных действий во время последней Русско-Японской войны, передавал, как он представлялся Государю Императору⁴²; вообще схима нисколько его не пере-менила, и он по-прежнему остался добрым казаком и горячим патриотом своего от-ечества. Взял по благословению о. Архимандрита в рухольной камилавку с афонскою наметкою и другую войлочную камилавку, с целью не выделяться от афонской братии.

28 [апреля]. Сговорившись четвером, поехали по монастырям на мулах с про-водником монахом Геронтием. Сначала приехали в Ильинский скит, прикладывались к св. мощам и чудотворным иконам, осматривали скит; строится хороший новый со-бор; настоятель о. Максим⁴³ любезно нас принял; вообще малороссы отличаются сво-им хлебосольством. Поехали дальше по крутым тропинкам Афонским; приехали в греческий монастырь Пантократор; взошли в монастырь — нигде ни души, все как будто вымерло — время было послеобеденное, и братия вся отдыхала. У греков насчет этого строго; после ночной службы братия пользуется ненарушимым спокойствием; походили мы по монастырю, постояли в притворе церковном, но, так никого и не уви-дав и ничего не добившись, поехали дальше. Через несколько часов приехали в Фило-феевский монастырь; древнейший храм, весь сплошь расписанный; на Афоне большей частью храмы все расписные, даже в притворе церковном и на паперти — все везде расписано; иконостас украшен чудными иконами древнейшей византийской работы; вынесли нам святые мощи в серебряных ковчегах: десная рука Иоанна Златоуста и дру-гие многие; записав своих родных и знакомых о здравии и упокоении, поехали дальше. Скоро приехали в богатый монастырь Ивер; прикладывались к знаменитой иконе Бо-жией Матери Иверской; дивный лик святой иконы; помазывались елеем из лампы, взяли елея с собою и, записав своих родных и благодетелей, тронулись в дальнейший путь. Ночевать приехали в келью Преображения Господня; келия русская, настоятель старец о. Софоний, а помощник у него иеромонах Спиридон; приняли нас любезно и радушно; показали свое хозяйство и устройство их обители, свой небольшой садик, огород, наконец, угостил нас своею пустынною трапезой, отвели нам келью для ноч-ного отдыха.

29 апреля. Рано утром, прослушавши литургию, поехали в дальнейший путь; пришлось ехать не обычной дорогой, а какой-то другой, которая все время шла по хребту Афона, то поднимаясь на гору, то опускаясь; также ехали большим густым ле-сом; наконец, приехали в монастырь Петра и Павла. Взошли в храм, приложились к святым иконам, попросили вынести святые мощи. У греков мощи сохраняются или под престолом в алтаре, или же где-нибудь около горнего места, или вообще где-нибудь в алтаре. В этом монастыре вынесли нам между прочими мощами и Григория

⁴¹ Схимонах Константин (в миру Конон Вуколович Семерников, 1842–1913).

⁴² О. Константин представлялся императору и императрице в Царском Селе в апреле 1906 г.

⁴³ Архимандрит Максим († 1919) состоял настоятелем Ильинского скита с 1901 г. При нем завершена по-стройка главного собора скита — одного из крупнейших на Афоне, освященного 20 июня 1914 г.

Богослова — часть ноги, и многие другие. Попросили мы у них для утоления своей жажды чаю; у греков же чай не принято пить, пьют больше кофе. Желая исполнить нашу просьбу, они приготовили чай, налили нам по чашке и мы, выпив, попросили еще, но у них больше, верно, не полагается, или же они столько приготовили, и поэтому нам больше не дали. Поблагодарив их, мы поехали дальше. Дорога пошла все затруднительнее и неудобнее; в иных местах приходилось ехать по обрывам и под ногами зияла глубочайшая пропасть; часто приходилось слезать с мулов, чтобы идти пешком, так как, во-первых, ехать было очень опасно, того и гляди, что где-нибудь оборвешься и полетишь, а, во-вторых, и мулам трудно поднимать нас на крутые подъемы и кручи. Кое-как к вечеру добрались до русской келии св. великомученика Георгия на Керашах; настоятель о. Георгий⁴⁴, славный и добрый старичок, принял нас радушно и, успокоив с дороги, отвел помещение для ночлега.

30 [апреля]. Рано утром отправились на верх Афонской горы; дорога все время постепенно поднималась, шла то густым лесом, то извивалась между большими дикими камнями. Нам приходилось где пешком идти, а на более ровных местах опять ехали на мулах и, наконец, добрались до церкви Пресвятыя Богородицы. По преданию, Мать Божия во время Своего посещения горы Афонской дошла до этого места и здесь имела отдых. Далее дорога уже идет совершенно крутая и весьма трудная; непременно надо идти пешком, потихоньку карабкаясь; растительность почти прекратилась, а вскоре и совершенно пропала; видны были только камни да мох; наконец, стали нам попадаться сугробы снега; идти было очень опасно и неудобно, малейшее неосторожное движение — и полетишь вниз. С великим трудом подвигались мы вперед, поминутно отдыхая и отирая с лица пот, и, маленько отдохнувши, снова карабкались вверх, но вот, наконец, совершенно уже близко видна вершина горы, и еще несколько трудных минут, и мы вступили на ее белое мраморное темя. «Слава Богу! — говорили мы, — добрались с Божиею помощью». Одев сухую теплую рубашку, так нам советовали опытные Афонские старцы, мы взошли в небольшую мраморную церковь; очень убогая обстановка; и мы, помолившись здесь и прослушав акафист, попили из находящегося здесь колодца воды; вода прозрачная и холодная; после этого, выйдя из церкви, мы целый час любовались на бесподобный вид, открывающийся с вершины Афона — окрестность видна на многие десятки верст. К сожалению, с одной стороны под нашими ногами стояли облака и закрывали собою часть Афона; наконец, насмотревшись досыта и еще раз помолившись в церкви, мы стали потихоньку спускаться вниз. Ноги от усталости дрожали, легко можно было полететь и расшибиться; наконец, добравшись до кельи Богородицы и подкрепившись взятою с собою пищей, сели на мулов и поехали опять на Керашах в келью св. великомученика Георгия. Приехав туда и отдохнувши несколько с пути, узнали, что недалеко отсюда, около моря, живет пустынный святой жизни старец-молдаванин схимонах о. Иаков. Нам захотелось его повидать, чтобы услышать от него что-нибудь на пользу; настоятель о. Георгий дал нам проводника, и мы отправились к старцу. Живет он недалеко от моря, в убогой келийке; с ним вместе, в отдельном домике, живет другой монах. Дорóгой наш проводник послушник из мол-

⁴⁴ Иеромонах Георгий (в миру Гурий Платонович Стеблев, 1856(?)–1915). После кончины в 1896 г. старца Вениамина (Плетнева) сам стал старцем келии святого великомученика Георгия.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

даван рассказывал нам кое-что про старца Иакова; оказалось, что живет он здесь уже около 40 лет, из них 20 лет жили прямо под скалой, а теперь ему устроили келийку и он живет в глубоком покое. Раньше, как рассказывал проводник, его сильно искушали и мучали бесы и многие творили ему пакости и озлобления, но теперь зато он наслаждается велией тишиною и преисполнен внутренним благодатным миром. Пришли мы к старцу. Переводчик сначала один пошел и сказал ему о нашем прибытии, а потом и нам велел заходить поодиночке в келью к старцу. Сначала я первый взшел с переводчиком в келью; вижу, в маленькой келье сидит на своем жестком ложе седой старец и, хотя имеет вид очень древний, но все же какой-то бодрый, и глаза, замечательно живые. Как было мне прискорбно, что говорить с ним нужно через переводчика. Я предложил ему некоторые вопросы, и он разумные и мудрые давал ответы. Потом я спросил его: «где мне лучше жить и удобнее спастись, в России или на Афоне?» Старец на это спросил меня: «Давно ли я живу в монастыре?» Я сказал: «22 года». «Не было ли в это время искушения от жен или падения плотского?» Я ответил: «Слава Богу! Господь сохранил и кроме мысленной брани, с помощью Божию, в остальном прожил благополучно и целомудренно». Тогда старец сказал: «Если столько времени прожил в монастыре и Господь сохранил от греха плотского, то значит, можно и там спастись; а Афон хорош для того, кто немощен и не может противостоять плотской брани; конечно, на Афоне хорошо и удобно спастись, но и там можно, тем более уже и привычка есть к своему монастырю, порядку и уставу». Вообще, беседовать со старцем Иаковым было приятно, но я боялся удлинять разговор, зная, что меня дожидаются другие, и поспешил с ним проститься. После и другие вышли, очень довольные рассуждением старца и его мудрыми советами. Пошли опять в гору в келью св. великомученика Георгия; служили вечерню и повечерие; настоятель о. Георгий, любезный и разговорчивый старец, поведал нам о трудностях их жизни на Афоне, и как надо уметь жить с греками, ублажать, угощать и дарить их, тогда еще можно кое-как ладить с ними, а то беда, с ума сведут; говорил, что если бы позволили ему греки-лавриоты, то он со своею братиею устроил бы хороший путь на верх Афона, но так как самая вершина принадлежит Лавре, то они не хотят разрешить и боятся, что если русские это сделают, то могут чего-нибудь через это достигнуть, и даже когда Святейший патриарх Иоаким⁴⁵, ныне Константинопольский, взбираясь с трудом наверх Афона, сказал окружающим его монахам такие слова: «Если бы кто потрудился и устроил дорогу на вершину Св. Горы, чтобы можно было подниматься на ослике, то он верно бы получил Царствие Небесное», то я, рассказывал о. Георгий, чуть-чуть удержался, чтобы не сказать: «Благословите, Святейший Владыко! Мы устроим дорогу на вершину», — только побоялся лаврских отцев, опасаясь приобрести себе сильных врагов. Еще говорил о. Георгий о ловле рыбы на море, — как трудно ловить здесь ее, надо очень много искусства и сноровки, чтобы рыбы наловить и сетей не погубить. Рыба здесь ловится разнообразная, иной раз сразу попадется до 40 сортов разной рыбы, а то бывает, попадется акула или дельфин и все сети перервет и перепутает. Относительно акулы рассказывал он следующий случай. Однажды она чуть-чуть мальчика-рыбака не утащила; мальчуган стоял у моря на камнях и собирал

⁴⁵ Патриарх Иоаким III (в миру Христос Деведзис, 1834–1912) занимал патриарший престол в 1878–1884 и в 1901–1912 гг.

раковинки, или как здесь называют, петалитки, их на Афоне едят; «а я, — говорит о. Георгий, — стоял тут же на горке и глядел на море. И вдруг вижу, что-то черное в воде стремительно несется на берег; я не сразу сообразил, что это такое, и когда уже совсем близко подплыла она, я только тогда, догадавшись, успел мальчугану закричать: «Берегись, акула, акула!» Мальчик, взглянув на воду и уже увидев ее глазами, от ужаса успел сделать только один шаг назад, как упал на песок, а акула, быстро повернувшись, стремительно махнула своим гигантским хвостом у самых его ног и сильною волною чуть-чуть не увлекла его за собою в воду, и не сделай он шаг назад и не упади спиной на берег, непременно был бы у нее в зубах. Мальчуган так сильно испугался, что, страшно побледнев, долго не мог от испуга произнести ни одного слова». «Еще я видел однажды сам, — продолжал старец, — плывущую громадную рыбу. Я сначала подумал, что это плывет судно, но вот она скрылась под водою, а потом опять показалась на поверхности; прямо-таки какое-то ужасное чудовище, никогда не виданное мною. Вообще в море «гади, ихже несть числа, и животная малая с великими», как говорит царь Давид, так и есть на самом деле».

1 мая, воскресенье. Утром служили воскресную полунощницу и утреню, и, кряду же после утрени, поблагодарив хозяина, поехали дальше, надеясь к обедне попасть в другое место. И действительно, успели к литургии приехать в Молдавский скит Иоанна Предтечи; стояли литургию; видно, что строгий устав и братия ведет аскетическую жизнь. Замечательная и предивная у них икона Матери Божией — Продромская, или Самонаписанная. Чудный лик! Рассказывают, что живописец долгое время не мог изобразить его, много скорбел и сетовал и вот, однажды, придя в свою мастерскую, с ужасом увидал, что священный лик Богоматери сам изобразился и как живой глядит на него с иконы; после этого икона прославилась многими чудесами. После обедни старцы-молдаване, узнав, что я с Валаама, окружили меня вниманием ради покойного нашего старца о. Антипы⁴⁶, который так много сделал для их скита; вспоминали его много раз с благодарностью. Скит обязан существованием трем старцам: Нифонту, Леонтию и нашему Антипе. Расспрашивали много меня про Валаам, потом повели меня в трапезу, посадили меня в числе первых, после обеда угощали меня на фондари-ке кофе, вином и дали в благословение своих картин, показали помянник, в котором записаны о упокоении наш игумен Дамаскин, Пимен, Антипа; к сожалению, настоятеля их о. Антипы дома не застали, уехал в Солунь. Старец Нифонт, бывший на Валааме, уже умер, а другой старец, бывший тоже в нашей обители, еще жив. Впечатление от обозрения обители вынесли мы хорошее. Поехали дальше и скоро приехали в Лавру св. Афанасия; богатеишие храмы, и во всем видно богатство. Перед входом в церковь стоят гигантские кипарисы: стройные и красивые; вынесли нам мощи; прикладывались мы к главе Василия Великого, к главе Иоанна Кокузеля [sic!], к ноге Апостола Андрея и другие многие мощи лобызали. Поехали дальше и прибыли на источник св. Афанасия; вода широкою струею вытекает из скалы, и мы долго не решались подойти под холодные ее струи; но после, когда решились, и омывшись в этом источнике, почувствовали себя очень хорошо и с бодростию продолжали дальнейший путь. На ноч-

⁴⁶ Преподобный Антипа Валаамский (в миру Александр Георгиевич Лукиан, 1816–1882), молдавский монах, афонский и валаамский (с 1865 г.) подвижник, причислен к лику святых в 2000 г.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

лег приехали в келью св. великомученика Артемия; большая и самая богатая келья на Афоне; чудный сад и много земли, красивый вид на море и окрестности. Любовались на большое чучело акулы, висящее под крышей.

2 мая. Переночевали; утром, отстояв обедню, которую пели братия очень усердно; пение партесное, громогласное. Среди братии есть и схимники; вообще схимников на Афоне трудно отличить от простых монахов, они, как и прочая братия, ходят в обыкновенных клобуках и рясах, и только под рясой, на подряснике носят аналав, а параман греки носят на спине, как и мы, или же на голове, пришив его в камилавке к донышку. Распростившись, поехали дальше и прибыли в русскую Вознесенскую келью; настоятель-старичок жаловался на притеснения греков; не дают строиться, во всем притесняют; вообще положение у них с греками очень натянутое и тяжелое. С монахом этой кельи о. Пахомием⁴⁷ мы были вместе в Иерусалиме; он составляет акафисты, и из них есть уже напечатанные некоторые, разрешенные Святейшим Синодом, так, например, акафист Всем Святым, преп. Афанасию Афонскому и другие. Из этой кельи прошли пешком в келью великомученика Георгия. Настоятель о. Пахомий 49 лет живет уже на Афоне; осмотрев келью, поехали дальше и прибыли в келью Покровскую, где настоятель серьезный и большой пессимист; очень скорбно смотрит на монашество и, между прочим, говорил нам, что мы, монахи, потеряли высоту своей жизни и теперь как бы предворяем свое благочестие и делаем все напоказ и лицемерно и поэтому, хотя и долго живем в монастыре, но духовных плодов мало приобретаем и немногим отличаемся от мирян; вообще, грустное впечатление навеял он нам своими рассуждениями. Распростившись с отцом Пахомием, мы поехали дальше. Зашли по дороге к пустынноку — старцу схимонаху Феодосию; встретил нас маленького роста, старичок, лицо доброе и приятное. Мы попросились взойти в его келью для беседы; он сначала уклонялся, ссылаясь на приближающееся время для отправления вечерни, но потом, склонившись на наши просьбы, повел нас в свое убогое помещение, которое занимает угол какого-то здания, вроде сарая, и завешено чем-то вроде дерюги, также и вместо двери висело что-то вроде рогожи или мешка. Когда мы стали входить в его келью, то он, слегка толкнув идущего с нами мужичка из Астрахани, сказал ему: «Ну, иди и ты, лепило». После нам этот мужичок говорил: «ведь поразил меня о. Феодосий-то; никогда не видя меня, сразу же узнал кто я; ведь я печник, и он когда назвал меня лепилой, то я был поражен и много дивился этому». Пришедши в келью, мы сели — кто на скудном жестком его ложе, а кто на лавку; старец перед нами стоял и любезно на нас глядел: «Ну, что вы, миленькие, от меня грешного хотите услышать» — спросил он. Мы стали его кое-что спрашивать, и он просто, с любовью на все отвечал; видно, что старец хотя и простец, но духовная жизнь его умудрила и он имеет о всем правильное понятие. Советовал нам между прочим как можно правильнее ограждать себя крестным знаменем, которого бесы трепещут; а когда в церкви рассеяние, то советовал смотреть на Св. Крест и творить поклоны Иисусовой молитвы учил с личного опыта; сначала, говорил, надо заниматься устной молитвой, а потом она сама перейдет в умную; только не надо творить одной головой, это не хорошо, а требуется, по его словам, молитву постепенно углублять в сердце; рассказывал про себя, как он живя в миру, имея

⁴⁷ Иеросхимонах Пахомий (Буберенко).

достаток, много земли и скота (его родина на Алтае) и вырастив детей, вознамерился побывать в Иерусалиме. Побывав там и поклонившись всем святыням, на обратном пути к родине заехал на Афон. «Я и не думал, — говорил старец, — здесь оставаться; захотелось только маленько потрудиться, так как я хорошо знал колесное ремесло, а в русском Пантелеймоновском монастыре требовался этот мастер, то меня и попросили, хотя временно, у них потрудиться и помочь им в этом деле; и когда я справил их требование, то после перешел пожить еще в одну келью и там один старец советовал принять мне монашество. Вот, — продолжал о. Феодосий, — у меня явилась такая мысль: вот приму я монашество, никто этого не будет знать, поеду в Россию, приеду опять на свою родину, построю на своей земле, где-нибудь на задворках себе келью, хозяйство все передам своим детям и буду сам пустынноиком и тайным монахом, и никто не узнает, что я уже монах. Так я и решился сделать; сказал духовнику, что согласен принять монашество. Духовник обрадовался, позвал еще некоторых духовных старцев и в назначенный день меня стали постригать. Только вот во время пострижения слышу я, читают надо мной: “Облекается брат наш в великий ангельский образ”. Я сначала не догадался, а когда постригли и стали поздравлять меня с принятием великого ангельского образа, я спросил: “как! да разве вы меня не в мантию постригли?” “Нет, — отвечают, — ты теперь схимонах, потому что ты уже старичок, ну вот тебе и дали сразу схиму”. “Да как же, — чуть не с плачем спросил я, — мне уж теперь домой в Россию-то нельзя и ехать?” “Ну куда же ты, будучи схимником, поедешь, — отвечают старцы, — теперь тебе на Афоне уже безысходно до смерти надо пребывать”. “Так-то, — заключил с улыбкой старец, — меня и посадила, видно, Матерь Божия на Святой Горе. Сначала было поскучал, а теперь, успокоившись, день и ночь благодарю Господа и Госпожу Владычицу нашу, что так меня грешного устроила и успокоила. И вот уже 25 лет прошло, как я нахожусь на Святой Горе”».

Побеседовав с добрым старцем о разных духовных предметах, мы распростились с ним; он проводил нас, и мы пошли в Андреевский скит, унося приятные воспоминания о любвеобильном старце Феодосии. Я решил в себе еще раз побывать у него, так как он недалеко живет от Андреевского скита. По дороге зашли еще в келью Святителю Николаю или в Белозерку, как ее здесь называют. Настоятель о. Петр принял нас радушно и побеседовал с нами кое о чем. Поздно вечером пришли, наконец, в Андреевский скит, где и отдохнули после трудного пятидневного путешествия.

4 [мая], среда, Преполование. Служил Литургию в церкви Святителю Иннокентия Иркутского с диаконом Рафаилом. Правило вечернее ко причащению читали в церкви кряду после повечерия — остались одни священнослужители вместе с о. Архимандритом, а утренняя [sic!], т. е. молитвы ко св. Причащению, читали во время шестопсалмия, после светильничных молитв, каждый для себя; на литургии пошли все сразу после великого славословия и разошлись по всем церквам. Облачившись, начали сначала читать первый час и без отпуска третий, шестой и часть изобразительных. Служат литургию на двух просфорах: одна для Агнца, а другая с четырьмя печатями: богородичная, девятичинная, о здравии и о упокоении; после вынужения частиц — разрезается на четыре части, и вот тогда уже поминают и здравии и о упокоении всех, с боковых сторон просфор. После обедни позвал пить чай еkkлeсиарх, по-нашему поно-

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

мать, о. Самон. После поздней обедни был водосвятный молебен, ходили с крестным ходом во главе с о. Архимандритом к бассейну, устроенному посреди двора, с фонтаном; по окончании водосвятия о. Архимандрит позвал чай пить на фондарики, вместе со служащими; расспрашивал меня про Валаам, про наш устав, вообще о. Иероним привлекает к себе своею простотою и любовью. После обеда, взяв благословение у о. Архимандрита, пошли на новое путешествие с приезжими: Яковом Андреевичем и Иваном Порфирьевичем, и направились через гору в русский Пантелеймонов монастырь. Перевалив через хребет, пошли по местности, принадлежащей Руссику; по пути заходили в старый Руссик, были в церкви; видели пирг, или башню, откуда царевич св. Савва Сербский бросил свою мирскую одежду посланным за ним боярам от царя и объявил, что он уже постригся в монахи. Здесь живет довольно много братии и строится довольно большой каменный собор. Наконец, пришли в Пантелеймонов монастырь; поместили нас в дворянском фондарики. Маленько отдохнувши, пошли осматривать обитель, осмотрели церковь соборную, прошли в трапезу и вззошли в громадную кухню; огромные котлы стоят на плите — их снимают и поднимают на кранах; дальше прошли в хлебную, показали нам печь, в которую помещается сразу сто хлебов; огромная квашня — в нее всыпают сразу 50 мешков муки и месят не люди, а лошадь, которая внизу под хлебной ходит вокруг и вертит месилки. Прошли в фотографию, полюбовались на всевозможные виды афонские и на изображения знаменитых старцев; вззошли к архимандриту о. Мисаилу, почтенный старец, но весьма бодрый и легкий, кое-что меня спросил про Валаам. Я взял у него благословение побывать в Фиваиде, на отправляющемся завтра туда монастырском пароходике. Он с любовью благословил и, давая спутникам моим в благословение по иконе св. великомученика Пантелеимона, мне же сказал: «Вам теперь не дам, а то вы, пожалуй, больше ко мне и не зайдете, а вот по приезде из Фиваиды милости прошу ко мне», и мы, поблагодарив его, ушли. К вечеру пошли в собор; церковь как бы домовая и не особенно великая, тем более для такого огромного монастыря, как Руссик. Вечером позвали на фондарики на ужин и угощали очень хлебосольно; тут же сидел иеромонах о. Илиан; он когда-то жил в Москве у благодетеля нашего Е. И. Курникова⁴⁸ и вспоминал про прошлую жизнь; также рассказывал он про свою обитель, что у них ежедневно служат около 25 обеден, всех престолов в обители 73, кроме Одессы и Солуни. О. Архимандрит служит ежедневно литургию, также и о. наместник и другие почтенные старцы; прочие же иеромонахи в неделю два-три раза литургисают; монахи причащаются раз в неделю, а схимники два раза в седмицу. Я дивился на о. Архимандрита, как он при таком громадном братстве и будучи обременен такими заботами и делами ежедневно служит литургию? И, заинтересовавшись, спросил, можно ли же побывать при служении им литургии. «Очень просто; вот завтрашний день после утрени пожалуйста в такой-то параклис», — назвал мне имя, и я решился непременно побывать.

5 [мая], четверг. Утрению стоял в соборе и по окончании ее я пошел в малый параклис, указанный мне; пришел о. Архимандрит Мисаил, служил один без диакона; прочитав входные молитвы, стал облачаться. Служил просто, без всех отличий,

⁴⁸ Георгий Иванович Курников частично финансировал строительство московского подворья Валаамского монастыря.

не надел ни набедренника, ни палицы, ни крестов, и без митры. Обедню пели два-три монаха, было несколько предстоящих. Обедня служилась скоро и благоговейно; получив из его рук антидор, мы по окончании службы сошли в нижнюю гостиницу, где, напившись чаю и подкрепившись, отправились на пристань и, сев на маленький монастырский пароходик с бензиновым двигателем, поехали вдоль берега по голубому водному пространству. По дороге заехали в монастырь Дохиар, осмотревши монастырь и, приложившись к его святыням, поехали дальше. Можно бы еще заехать в один монастырь, стоящий на берегу моря — Ксеноф, но спутники мои торопились, и мы проехали мимо его. Пристали к Зографской арсане, по-нашему пристани, и пошли пешие по горам в Зограф, отстоящий в нескольких верстах от берега. Дорога была весьма утомительна, все больше в гору, трудно было подниматься, в особенности на крутые подъемы, но вот наконец вдаль показался монастырь Зограф, что значит по-русски — «живописец». Мы обрадовались и ускорили наши шаги и через несколько времени были уже около самой обители. Придя в монастырь и несколько отдохнувши с дороги в отведенном нам фондарики, на стенах которого висели разные болгарские знаменитые деятели, т. к. монастырь этот болгарский, пошли потом в церковь; древний чудный храм, весь украшенный прекрасною живописью; имеются три большого размера чудотворные иконы великомученика Георгия, на одной видна часть перста неверующего епископа; другая — самонаписавшаяся и третья, по морю приплывшая и чудесно в монастырь прибывшая; еще прикладывались к иконе Божией Матери Скоропослушницы, также к чудотворной иконе Божией Матери Услышательницы, находящейся в алтаре, пред которой молился преподобный Косьма, умоляя Матерь Божию направить его на путь истинный и услышал от иконы глас: «Сыне и Боже мой! Научи раба Твоего, как ему спастись», и тотчас ему последовал ответ: «Пусть удалится из монастыря на безмолвие», и Косьма, взяв благословение у Игумена, удалился в пустыню и, проведши там всю жизнь, получил от Бога дар чудотворений. Взял святого елея из лампы и, облобызав святые мощи, мы вышли из храма и начали осматривать монастырь. Вид его прекрасный и грандиозный; взошли к старцу 90-летнему иеросхимонаху о. Амвросию; жаль, что по многолюдству и малому времени нельзя было поговорить побольше с ним. Я спросил его: «Что делать мне, если приходится за послушание принимать в своей обители на исповедь братию: уклоняться ли мне от этого или нести эту тяготу?» Он советовал мне не отказываться от послушания и просить помощи и вразумления Божия на это дело. Еще я спросил также у него: «Разрешать ли желающим заниматься Иисусовой молитвою учиться этому великому деланию?» Он тоже советовал благословлять заниматься, кто желает, этим спасительным делом, так как враг удаляется от того человека, который в уме имеет Иисуса. Распростившись и записавши о здравии и упокоении своих сродников, последнее принято делать в каждом монастыре и обители на Афоне, мы отправились в дальнейший путь и к вечеру пришли в богатый греческий монастырь Ватопед. Осматривали эклесию, т. е. церковь, прикладывались к шести чудотворным иконам, из них одна под названием «Закланная», которую пронзил ножом безумный эклесиярх; видны следы запекшейся крови. Попросили мы показать нам нерастленную руку, дерзнувшую нанести этот святотатственный удар; показали нам ящик со стеклянною крышкой и в нем увидели мы темную руку, изсохшую, но

нерастленную. Еще прикладывались к чудотворным иконам Божией Матери: Предвозвестительницы и Кгиторской, стоящей на горем месте; лобызали пояс Божией Матери, части Животворящего древа, трости, губы, хламиды и власяницы Христовы; прикладывались к голове Григория Богослова, к голове Андрея Критского, к ноге апостола Варфоломея, к частям мощей Феодора Стратилата, Пантелеймона, Харлампия, архидиакона Стефана и многих других. Угостили нас ужином; были мы в трапезе и видели мраморные столы, устроенные Святым Саввою Сербским. На другой день утром, простояв утреню, причем полунощницу читали в притворе, а утреню в церкви, по окончании службы отправились по горам дальше. Утомительно странствовать по Афону, ровного места почти нет, то и знай — то поднимайся на гору, то опускайся, так что ходить надо с сильными легкими и хорошим сердцем. Мне приходилось иной раз отставать от своей партии. К обеду пришли в богатый сербский монастырь Хиландарь⁴⁹. Осмотрели храм; на игуменском месте находится чудотворная икона Божией Матери Троеручицы, принадлежащая Св. Иоанну Дамаскину, и носит название Настоятельница; еще есть икона Божией Матери Акафистная или Попская, наказавшая епископа за ропот; видели гроб Симеона, царя Сербского, и лозу виноградную, выросшую из него, целительницу от женского неплодия; лобызали большую часть Животворящего древа Господня. Я такую большую часть еще не видывал; также части тернового венца и трости и Крови из иконы Христовой и еще некоторые величайшие святыни. Здесь много мощей: нога Симеона Столпника, Григория Богослова, частица Иоанна Предтечи, великомученика Прокопия, Екатерины, Варвары и еще разные другие. Здесь нас накормили обедом, и мы кряду же пошли дальше. Опять пошли по горам и холмам и шли до самого вечера; страшно устали и умирали от жары и от сильного зноя, но вот, кое-как к вечеру вместо Фиваиды, сбившись с дороги, попали на Пантелеймоновский виноградник — Крумицу, где нас, странников, иноки с любовью приняли и, отведав приличное помещение, напоили нас чаем. С каким удовольствием мы отдыхали и пили чай! Это может понять всякий, кто испытал сам сильное утомление и жажду. Несколько отдохнувши, пошли осматривать хозяйство; видели вновь строящуюся больницу, братскую гробницу, с хранящимися черепами; братии здесь живет 200 человек с лишком. Есть много и схимников, которые причащаются дважды в неделю, а монахи раз в седмицу. Управляет простой монах Серапион, как видно, толковый и хозяйственный человек, а иеромонахов здесь человек 5 или 6, и все ему подчиняются. Вина добывают и выделяют из своих виноградников шесть потатиров. 4 потатира заключают в себе по 500 товаров, пятый вмещает 400 товаров, шестой 200 товаров. Товар — это две кадушки, каждая по 5 пудов гроздей. Мы спросили: «хватает ли своего вина для монастыря». «Нет, не хватает, — отвечал о. Серапион, — и много прикупаем на островах у греков, как вина, так и маслин». Отдохнувши после дороги на другой день после обеда, поблагодарив хозяина, пошли на пристань и, сев в лодку, поехали в Фиваиду, отстоящую в недалеком расстоянии от Крумицы. По приезде туда и устроившись в отведенном нам помещении, вышли поглядеть на устройство пустынножительной обители, стоящей на склоне горы, так что кельи все помещаются как бы одна над другой; поднимались на гору, путь очень труден. Встретился и беседовал я с монахом Натиром; он

⁴⁹ В ркп. Хиландарь.

живет в келье, которую предполагал занять наш архимандрит Антонин. Побеседовав с ним и осмотрев его келью, я вернулся на гостиницу. Завтра день Иоанна Богослова — здесь будет бдение. Вечерня началась часов около пяти, а всенощная спустя час по захождении солнца, т. е. в 9 часов, и продолжалась часов 8. Мне благословили читать на кафизмах житие Св. Иоанна Богослова и Арсения Великого.

8 [мая], воскресенье. Литургию служили соборне с первенствующим иеросхимонахом Авраамием; он же и духовник здесь. Нас сослужащих с ним было человек 8. После обедни был продолжительный молебен и затем, выпив по чашке чаю, пошли в трапезу. Подавали две перемены: борщ и рыба разварная и по кубышке вина. После обеда зашли в церковь, служили краткий молебен, причем на ектении о здравии и нас поминали. В трапезе чин о панагии совершенно не по нашему порядку: берут кусочек просфоры, отламывают и держат над фимиамом из кадии, а потом уже кладут в рот. После обеда ходили к духовнику о. Авраамию и много хорошего у него услышали. Сведущий старец и опытный, надо еще раз у него побывать. Мои спутники торопились отправиться в Пантелеймонов монастырь, дабы не опоздать на пароход, отходящий на этих днях в Россию, но я, как раньше задумав пожить на Афоне подольше, то и теперь не стал торопиться, а пожелал остаться здесь еще денька на два для духовной беседы со старцами. Познакомился с иеромонахом Алексеем, здесь живущим; ученый муж, кончил Московский университет и сколько-то учился в духовной академии; на Афоне, по-видимому, он ужился и ему здесь нравится. После вечерни собором читали акафист Святителю Николаю; неожиданно мои спутники, уехавшие, вернулись снова, т. к. разыгравшееся волнение на море не дало им возможности добраться до обители. После вечерни я ходил в пустыньку к духовнику о. Авраамию и просидел у него за полночь. Очень много хорошего и полезного я от него услышал.

9 мая, Николин день. Утреню стоял, хотя с большим трудом, т. к. спать пришлось очень мало, по причине затянувшейся беседы с о. Авраамием. После ранней обедни говорил с пустынником Климентом, строгого аскетического вида; говорили о молитве Иисусовой, советовал медленно творить ее. «Я сам, — говорил он, — говорю в час молитв 300, можно и 400 и в крайнем случае 500, а больше не стоит, не полезно». И многое кое-что другое говорил он. В заключение беседы просил поминать его на молитве; распростившись со старцами: с духовником Авраамием и с управляющим Фиваидою иеромонахом Митрофаном⁵⁰, мы направились к пристани. По дороге разговаривал с пустынником Венедиктом. «Как трудно стяжать молитву, — говорил он, — непременно надо плоть свою утеснить и как бы распять, но зато и в духе подается такая радость и утешение от Бога, что нельзя никакими словами и выразить; конечно, и вражеские нападения бывают очень сильны, и мне много пришлось от них потерпеть, даже очевидно является враг и силится отвести от молитвы; хорошо мне здесь жить, но одно не нравится: во-первых, надо заботиться о пище и обо всем житейском, а, во-вторых, благословлено ходить в Крумицу на послушание в виноградники». Скоро нас пароходик доставил в Пантелеймонов монастырь. По приезде туда мы узнали, что пароход, отходящий в Россию не сегодня, так завтра должен прийти на Афон и

⁵⁰ Иеросхимонах Митрофан наследовал в этой должности схимонаху Кириллу. Уволился от должности по болезни 1 декабря 1911 г.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

мои спутники заторопились, укладывая свои вещи и собираясь в путь. Простившись с ними, я пошел осматривать монастырские постройки; был в братской усыпальнице; какая масса черепов. Старичок-монах, заведующий этой усыпальницей, так привык к своему послушанию, что и боится подумать, что его переведут на другое послушание, и живя среди черепов чувствует себя весьма хорошо.

10 мая. Раннюю обедню стоял в малом параклисе; почти рядом другой параклис и в обоих одновременно шла литургия; и везде здесь, во всех углах обители, по всем параклисам отправляются божественные литургии, и братия, кому где удобнее, там и молятся. Мне это очень нравится — маленькие церкви, уютные, тихие, чистенькие, с деревянными полами и стасидиями, или монашескими местами для стояния, и вот братия повсюду славят Бога. Причащаются здесь таким образом: камилавку снимают, а наметку накидывают за спину, вроде башлыка и концами завязывают за шею; во время причастного вычитывают изобразительные и псалом «Благословлю Господа», так что в свое время этот псалом уже не читается. Видел похороны одного поклонника; лицо зашито, оказывается, здесь лица у всех закрывают и идут хоронить со свечами и, придя на могилу, после исполнения всех положенных песнопений, начали зарывать все присутствующие, причем ладан и уголья из кадила то же высыпаются в могилу и так скоро, сравнив место, с тем, чтобы по обычаю, через три года снова откопать, все разошлись восвояси. Меня пригласил к себе чайку попить больничный иеромонах старичок о. Васой. Любезный старец, рассказывал мне: «Жил я на послушании в Одессе на нашем подворье; не понравилось мне тамошнее житье, а главным образом потому, что надо быть духовником мирских людей и выслушивать всякие нелепости, а здесь у нас такал тишина и душевное спокойствие». Побеседовав с ним, я пошел к поздней обедне в собор; пение партесное, и первые тенора берут настолько высокие ноты, что вполне заменяют собою мальчиков-альтов. После трапезы ходили с о. Иллионом в храм при усыпальнице, устроенный иеромонахом Аристоклием⁵¹, которого так любят москвичи, и всюду украшенный чудесными образами; показывали мне священнослужительские ризы и объясняли, которые из них мученические, т. е. подаются на память мучеников, иные преподобнические или святительские, или апостольские, или Богородичные. За обедом подавали вместо кутьи вареную пшеницу с грецкими орехами, очень вкусно; раскладывали каждому по ложке. Пароход еще не пришел, и поклонники, уехав в Дафну, томятся там в ожидании; повезли им отсюда пищу: хлеб и рыбу; народу ведь больше 800 человек.

11 мая, среда. Вчера вечером о. Иллион и фондаричный о. Лев рассказывали о богатстве их метохов: Кассандры и Каломарии; много земли и масса скота, одних овец 1 500 штук, из их молока выдывается сыр под названием брынза и подается братии в трапезе; разведено множество кур; есть буйволы, молоко которых, по их словам, очень питательно. Раннюю обедню стоял в новом параклисе, кажется 3-х Святителей; пели монахи, почтенные, пожилые; церковь маленькая, но приятная. Я много раз думал:

⁵¹ Иеромонах Аристоклий (в миру Алексей Алексеевич Амвросиев, 1848–1918) принял монашеский постриг в 1880 г. в Пантелеимоновском монастыре, с 1887 г. жил при часовне св. Пантелеимона в Москве, где построил трехэтажное подворье, в 1891–1894 гг. был настоятелем афонской часовни в Москве, в 1895–1909 гг. жил на Афоне, в 1909–1918 гг. вновь настоятель афонской часовни в Москве. С 2004 г. почитается как местночтимый святой старец московский.

«Вот если бы у нас на Валааме устроить несколько таких церквей». Символ веры меня заставили прочесть; на Афоне вообще «Верую» читается, а не поется; Евангелие малого формата иеромонах читал, обратись лицом к предстоящим. После литургии служили молебн. Не знаю, удастся ли мне исполнить свое желание — посетить береговые монастыри: Григориат, Дионисиат, Симонопетр, Св. Анны и Каруль. Что-то много неудобств и не с кем ехать, одному идти по Афону не советуют, так как часто бывают случаи грабежей и убийств; к тому же и дороги не знаешь. После трапезы сговорились с о. Варахией вместе путешествовать, и узнали, что из Дионисиатского монастыря приехала лодка; мы, обрадовавшись, поспешили их увидеть и попроситься ехать с ними до их обители. Они⁵² дохнувши, думали ждать лодки, которую проэстос Деметий, приехавший вчера с нами, нам обещал, но я, не дождавшись, уговорил спутника идти пешком, за что на меня дорогой о. Варахий немало и поворчал. Действительно, дорога была преутомительная, да и небезопасно, особенно у Павловской арсаны. Спросил я дорогу к св. Анны [sic!] у какого-то не то турка, не то албанца, он молча показал на гору; отойдя от него, о. Варахий начал мне выговаривать: «Зачем ты его спросил, этим ты доказал, что ты приезжий и нас теперь могут ограбить и убить, здесь место очень опасное, и для этих людей убить человека ничего не стоит; пойдём, пожалуйста, поскорее», и мы поспешно стали подниматься на гору, но я, при всем желании не мог взбираться быстро, благодаря слабости своего здоровья. Местность же была действительно дикая и покрыта сплошным частым кустарником, так что если здесь убить человека и бросить в кусты, то его никто никогда не найдет; но вот, слава Богу, прошедши гору, пошли более ровным местом и дошли до скита малой Анны, или, как здесь называют, Новый скит. Побывавши в малом храме, зашли к живописцу, монаху-греку и, напившись чаю, пошли дальше, направляя путь к знакомым о. Варахии живописцам-грекам, уже много лет пишущим заказные иконы на Пантелеймонов монастырь. Расспрашивая у встречных дорогу, мы наконец пришли к большой каменной келье. Приняли нас любезно; живут 4 брата: один из них иеромонах, а другие монахи; всех здесь живущих братьев человек 10 и занимаются они иконописанием для Пантелеймоновского монастыря. Угостили нас обычным афонским угощением, и мы кое-как объяснили им, так как они по-русски мало понимают, что намереваемся у них ночевать, а теперь, пока не поздно, сходить вблизи находящийся скит Большой или Старой Анны. Пришли в скит; храм, кажется, самый древнейший на всем Афоне, церковь вся расписанная; шла вечерня, после которой мы прикладывались к чудотворной иконе св. праведной Анны, матери Богородицы; дивный образ и замечательно выражение лица; потом вынесли нам мощи, принесли стопу праведной Анны, вериги апостола Петра и другие. Пригласили отцы нас чай пить на фондарики. Побеседовав с ними, мы пошли к Анании и живущим с ним живописцам. Из кельи о. Анании открывается чудный вид на море; келья находится на высочайшем месте; под окнами разбит сад, цветут розы, растут персики, апельсины, абрикосы и прочие южные плодовые растения. При келье находится маленькая церковь; пошли мы на вечерню, меня поставили на настоятельское место и, ради чести, предлагали мне читать «Свете тихий», «Сподоби, Господи»; служба шла вся, конечно, на греческом языке. Интересно здесь устройство в древних малых

⁵² Один лист машинописного текста отсутствует.

пαραклинах престола — он помещается не среди алтаря, а прислонившись к восточной стене. После службы трапезовали с братией; к сожалению, собеседование наше с ними было очень затруднительно, так как они по-русски почти ничего не понимали, но зато своим обращением и выражением лиц доказывали нам свою любовь.

13 мая. Утром, простояв утреню и поблагодарив добрых хозяев, пошли на арсану к варке, т. е. к пристани и лодке. Поехали обратно к монастырю; утром ехать довольно было холодно; приехали в монастырь Григориат; взошли в эклесию, или церковь; здесь, говорят, не особенно давно был пожар, причинивший большие убытки, но теперь при помощи России поправили церковь и прочее погоревшее. Приложились мы к святыням; из них лобызали мощи Григория Назианзена, голову св. Фотинии, Анастасии Римляныни, великомученика Пантелеймона, св. Косьмы и Дамиана и прочие святые мощи. Пригласив нас в трапезу, угостили нас маслинами и луком и, поблагодарив их, мы поехали дальше. Я, хотя уже отложил намерение побывать в Симонопетрском монастыре, т. к. гора, на которую над взбираться, очень уж высока, однако Господь расположил ехавших с нами монахов-греков, наших соплавателей, а также и нанятых лодочников, которые согласились нас подождать, и мы, пристав у пристани и оставив лишнее платье в лодке, перекрестясь, стали взбираться на высокую гору. Кое-как с большим трудом, наконец, добрались; монастырь предивно расположен на отвесной высокой скале. Пришли в церковь, осмотрели ее; видна глубокая древность, вынес нам молодой иеросхимонах Каллиник святые мощи, и сам он похож на святого: худой, благообразный и в схиме, но еще не старый, не более как лет 30. Здесь есть большая часть Животворящего древа Господня и части мощей Марии Магдалины, рука великомученицы Варвары, Симеона Столпника, Иоанна Предтечи, голова мученика Кирика, Сергия, Трифона, Модеста и другие. Осмотрев монастырь и выпив по крошечной чашечке кофе, мы любовались с балкона на открывающийся вид; у кого голова слабая, лучше не смотреть — висит эта галлерейка прямо над бездной, а под ногами согнивающиеся балки. Сколько над было усилий и какой требовался колоссальный труд, чтобы устроить на такой горе монастырь. Устраивал преп. Симон, и поэтому-то монастырь называется Симонопетр, т. е. Симон на камне. Заходили к игумену о. Иоанникию, который хорошо говорит по-русски; распроставшись наконец со старцами, стали спускаться к лодке и поехали дальше, не доезжая до Руссика слезли с лодки и пошли к почтенному и маститому старцу иеросхидиакону о. Лукиану⁵³, живущему в Руссике более 60 лет. Поступил он в монастырь в 50-ом году и теперь он живет как бы на покое, невдалеке от монастыря. Келья у него прекрасная и довольно большая, вся в зелени и цветах, а перед глазами голубое море; живут с ним два-три послушника для наблюдения за чистотою и порядком в келье. Принял нас старец весьма любезно; он еще довольно бодрый; по стенам везде у него живописные изображения, т. к. он сам довольно искусный художник. Угостил нас чаем и, узнав, что я с Валаама, с любовью расспрашивал про нашу обитель и вспоминал про нашего игумена Дамаскина⁵⁴, о котором он много

⁵³ Схиархидиакон Лукиан (в миру Лев Григорьевич Роев, 1834–1916) жил на Святой Горе с 1851 года в им самим выстроенной т. н. Лукиановской каливе.

⁵⁴ Игумен Дамаскин (в миру Дамиан Кононов, 1795–1881) настоятельствова в Валаамском монастыре в 1839–1881 г. (фактически — до 1874 г., когда его постиг тяжелый недуг).

слышал хорошего. Я в свою очередь стал его расспрашивать о их мудрых старцах: Иерониме, Макарии, игумене Герасиме. Он с любовью о них рассказывал; хорошо он также помнит Святогорца Сергия. «Я, — говорит о. Лукиан, — был у него переписчиком и с его черновиков писал начисто». Вообще, он отзывается об этих старцах с величайшим уважением и признает их святыми и мудрыми людьми; говорит о столетнем игумене Герасиме, как он, когда уже ослабел и стал довольно дряхлый, то монастырские старцы решили спросить у него благословения, чтобы он избрал из числа братии себе наместника или будущего себе преемника; пришли они к своему маститому игумену и боятся завести разговор; игумен тоже сидит как бы не замечая их присутствия; наконец, подняв голову, спрашивает: «Вы зачем пришли?» Старцы стали объяснять, что они пришли просить его об избрании наместника: «так как Вы, батюшка, стали стары и немощны». Тогда столетний игумен, обедев всех серьезным взором, с твердостью произнес апостольское слова: «Егда немоществую, тогда силен бываю», и, указав на пришедшего в это время молодого иеромонаха Макария, принесшего подписать какую-то бумагу, сказал, обращаясь к нему: «Вот мой наместник». Тогда, конечно, все старцы не придали этому слову никакого значения, но через два года, после смерти игумена Герасима, преемником ему сделался Макарий. О пении скорбел о. Лукиан, что раньше, по его словам, у них в обители лучше пели, т. к. о. Иероним — духовник — был знаток пения и хороший певец и мы пели подобны, которые нынче уже не поют. Я спросил его: «Не помните ли, батюшка, вы Тихона⁵⁵, нашего валаамского молчальника?» «Как же, как же, хорошо помню, — отвечал он, — его келья была там-то, в таком-то месте, — указал он, — святой он был старец», — заключил о. Лукиан; потом повел он нас в свою мастерскую, большое и светлое помещение и все уставлено картинами. Между ними красуется картина под названием «Литургия и таинство ее» и слова «да молчит всякая плоть человека». Изображение на этой картине очень назидательное: на престоле предлежит страшная жертва, вокруг священнодействующие, а наверху — горний мир: херувимы, серафимы, лица закрывающие и с ужасом вззирающие на совершающееся таинство. Мысль хорошая и можно попользоваться. Еще понравилось мне одно изображение, это — кончина св. князя Александра Невского; лежит он, умирающий, уже постриженный в великую схиму, окружают его иноки и схимники, плачут о нем бояре и его дружина; прекрасный сюжет, написан хорошо. Старец выражал сожаление, что вообще монастырь на процветание живописи мало обращает внимания. Есть у него портреты покойных старцев Иеронима и Макария, написанные с натуры. Спросил я его о Иисусовой молитве, и он советовал непременно заниматься ею, и Господь, хотя и перед смертью, — утешит и даст духовную молитву. Поблагодарив его за добрую и приятную беседу, мы с ним простились, унося светлое воспоминание о старце Лукиане. Пришли в монастырь, и я стал торопиться идти в Андреевский скит на свое настоящее место; простился с иеромонахами Иллионом, Владимиром; последний дал книги и камушки для передачи в Воскресенский монастырь в С[анкт-]П[етер]бурге. Зашел проститься и к о. Архимандриту, и он меня утешил — дал мне довольно большой образ великомученика Пантелеймона, 2 большие книги в переплетах, альбом

⁵⁵ О. Тихон (в миру Тимофей Николаевич, фамилия не установлена, † 1848) подвизался на о. Валаам и на Св. Горе, где пострижен в схиму с именем Тимофей.

афонских видов, двое четок — все это на память об Афоне, и я ушел согретый его любовью. Поблагодарив старшего фондаричного о. Нифонта, пошли пешие через гору с о. Варахием. Дорогою он мне рассказывал о своей перемене в его жизни и обращении со светской жизни на духовную. Виновник этой перемены был о. Иоанн Кронштадтский⁵⁶. «Я жил в Петербурге, и дела мои шли исправно, но о Боге и о исправлении своей жизни я никогда не думал, и жизнь моя проходила во всевозможных утешениях и забавах. Вот как-то, наслышавшись про отца Иоанна Кронштадтского, я вздумал побывать в Кронштадте и когда пришел в собор, где после обедни услышал общую исповедь, то со мною произошло что-то особенное, чего я не могу понять до сих пор. Мне представилось, что в соборе происходит страшный суд и все мы как бы готовимся к ужасному определению на вечную участь. Я почувствовал, что я уже осужденный и погибший; я стал, как только мог, молиться Богу, умоляя Его о помиловании; душевное состояние мое было ужасное и, вот, после многих моих слез и прошений, мне показалось, что меня как бы перевели за какую-то ограду и я почувствовал, что я нахожусь уже теперь в числе помилованных и спасенных и, успокоившись, стал веселиться. О внешнем мире я как бы забыл, он для меня больше не существовал и я, выйдя из церкви, как бы с удивлением увидал, что люди по-прежнему суетятся и хлопочут, но для меня уже все это потеряло всякое значение, и я с этой минуты стал к миру относиться с равнодушием и не прельщался уже его приманками; прежде для меня было большим удовольствием играть на биллиарде или зайти куда в гостиницу, а теперь я почувствовал ко всему этому страшное отвращение. По приезде в Петербург поспешил свое хозяйство прекратить: что продал за бесценок, что так раздал; дом был у меня в окрестности Петербурга, и тот продал за дешевую цену, так что знакомые жалели меня и говорили, что я сошел с ума. Прикончив все свои дела, я отправился странствовать и добравшись до Афона, навсегда остался здесь». Незаметно в этой беседе мы дошли до Андреевского скита; пришли уже вечером довольно поздно и поспешили дать покой своему утомленному телу.

14 мая. Коронация. Здесь очень скромно, незаметно справляют царские дни, служба вся обычная, только один молебен соборный во главе с о. Архимандритом. Ходил к о. иеромонаху Валерию, пил у него чай; он 20 лет жил в Одессе на подворье, и он мне понравился своею откровенностью. Через него я познакомился со схимонахом о. Михаилом; красивый, седой старец и говорит очень увлекательно и поучительно. Между прочим, рассказал такой случай: «Было у нас на родине в мою бытность, — начал о. Михаил, — такое событие. Появилась в одном месте саранча; сначала она была еще маленькая и в небольшом количестве, а потом, когда выросла и умножилась, то в бесчисленном множестве стала наступать на наши поля и шла общей массой, как бы какое воинство, наступающее на неприятеля, и нельзя было ничем ее ни остановить, ни истребить; она грозила все пожрать и уничтожить. Вот мужички наши заскорбели и упали духом и в горести сердца пошли к своему сельскому старичку священнику, который был ими любим за свою примерно-строгую жизнь и за истовое церковное богослужение; пришли к нему и заплакали: “Что нам, батюшка, делать, вот пришла

⁵⁶ Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (1829–1908), настоятель Андреевского собора в г. Кронштадте. Проповедник и церковный писатель. В 1964 г. причислен к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей.

беда-то на нас, видно, прогневали мы, грешные, Господа, и вот теперь грозит нам полный голод и обнищание”. Батюшка стал их утешать и просил не падать духом, а лучше поусерднее помолиться Богу и завтра, подняв иконы и хоругви, всем старым и малым собраться и идти на поля к наступающему врагу и там отслужить водосвятный молебен. Мужички с радостью на это согласились, и вот утром все селение — и старый, и малый — собрались в церковь и, подняв хоругви и образа, с пением тронулись за село на поля. Священник их предупредил, чтобы в то время, когда будем служить молебен, никто не смел ни одну саранчу тронуть или раздавить; вот пришли; видна черная, неисчислимая масса насекомых, которая ползла на зеленеющие поля и, на своем пути пожирая все, оставляла за собою объеденные и истребленные места. Подошедши, остановились, поставили иконы и хоругви; священник исполненным веры и упования голосом во всеуслышание начал говорить, обращаясь к саранче, как бы к разумным тварям: “Слушай меня, тварь Божия! Куда ты идешь? Я знаю, что тебе Господь повелел за наши грехи наказать нас, но вот, мы будем просить и умолять Господа, чтобы он отвратил Свой праведный гнев, на нас движимый, а ты не смей дальше двигаться”. И сказав это, начал умиленно служить водосвятный молебен о избавлении от саранчи. Народ весь плакал и рыдал, и дети, и жены, и старцы — все молились как могли и умоляли Владыку всякой твари, да избавит их от сей горестной напасти. И что же? О, чудо! Во все время пока шел молебен, саранча стояла как вкопанная и не подвинулась ни на полвершка вперед, как бы кем сдерживаемая. Но вот кончился молебен; священник стал на все стороны окроплять святой водой; вдруг саранча всей своей необъятной массой быстро стала подниматься и, поднявшись, стремительно полетела, как большое темное облако, и вскоре скрылась за горизонтом. Боже мой! что тут происходило! Какая была всеобщая радость и ликование; все в чувстве благодарности взывали ко Всеблагому Богу: “Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!”» И еще многое другое услышал я от доброго схимонаха Михаила. Узнал, что в Пантелеймоновом монастыре, а также и в Андреевском, на одной неделе не бывает два всеобщих бдения: так, например, в четверг на этой неделе будет у нас Вознесение, то в предшествующее воскресение перед Вознесением, или же в последующее, должна быть утренняя вместо бдения. У Андреевских дается перед бдением клиросным братьям по куску жареной рыбы или сдобного пшеничника и по скольку-то вина для укрепления. Ходили на Карею с Андреевскими братьями в Пантелеймоновский кунак или подворье; хотелось увидеть Пантелеймоновского епископа Пимена, он наш Валаамец, но, к сожалению, не застали его дома.

15 [мая], воскресенье. Служил позднюю литургию с архимандритом Иеронимом. Вчера служба была такого рода: малая вечерня началась в 4 часа и кряду же акафист Спасителю; читал один иеромонах просто, поскорю, все прошло с час, кряду же ужин. Я сидел рядом с архимандритом; подавали, по их обычаю, кутью на большом блюде, убранном грецкими орехами, и во время пения «Вечной памяти» отец архимандрит и с ним рядом сидящие, подняв это блюдо, потихоньку его качают. Я после спросил о. Архимандрита, «почему это, батюшка, у вас подают кутью иной раз пшеничную, а иной раз рисовую, и есть ли в этом какое-нибудь значение?» Он мне ответил: «рисовая у нас очень часто бывает; умрет ли у кого сродник, или придет кто, прося

кого-либо помянуть, то мы готовим рисовую кутью и поминаем, а пшеничная кутья бывает только о ктиторах сей святой обители и при поминовении великих людей, много сделавших добра для нашего скита». Всенощная началась около 8 часов; пели старательно, больше партесное, но не совсем исполнительно и стройно; очень трудно клиросным, т. к. пения весьма много. Интересно смотреть кажение двух диаконов с блестящими пеленами на плечах и с ручными серебряными кациями; также странно для нас было видеть дьякона с наметкой или куколем висящим у него на плече или прямо в стихаре и клобуке. На «Господи, воззвах» на выход облачался архимандрит и много иеромонахов, как у них принято, и пели конец «Свете тихий» в алтаре, что выходило очень торжественно, а на литию у них постоянно выходит только один иеромонах. Перед началом всенощного бдения вся братия без исключения берет благословение у о. Архимандрита, подходя к его форме. Меня спросил о. Архимандрит: «у вас тоже так же принято?» Я ответил, что у нас этого обычая нет. Кончилась всенощная в два часа ночи. Ранняя литургия началась кряду же, а поздняя в 6 часов утра; встречи о. Архимандриту перед обедней не было. Служило 14 иеромонахов, и это в простое воскресение; у них вообще любят служить большими соборами и некоторые, бывшие у нас на Валааме, выражали мне свое удивление: «Почему это у вас на Валааме служат в праздники такими малыми соборами: в 4 или 6 иеромонахов?» Для них это удивительно и чересчур смиренно и простовато. После литургии пригласили на чашку чаю на фондарики, и потом кряду же пошли в трапезу. После вечерни читали соборне акафист Божией Матери, висящей над царскими воротами, именуемой «Утешение в скорбех и печалех». Сама чудотворная икона находится в Петербурге, на подворье, а это только копия; в числе прочих и я читал акафист. Узнал, что о. Архимандрит имеет обыкновение каждое воскресенье или раз в неделю ходить в больницу для посещения больных и страждущих. Весьма добрый пример. Еще рассказывала мне братия: «Несколько лет тому назад наш скит очень нуждался в воде, а греки не давали провести сверху, как мы их ни просили. Тогда стали молиться и просить Господа, Божию Матерь, и вот, однажды ночью, спустя немного времени, во время грозы молния ударила в скалу около скита и показалось немного воды. После мы разрыли это место и обрели неоскудевающий источник очень приятной и полезной для желудка воды».

16 [мая], понедельник. Был у полунощницы, стоял позднюю литургию, после которой пили чай на фондарики и беседовали с о. Геронтием Киевским и Почаевским Аптелием; последний, между прочим, рассказывал про такой случай, бывший в их обители. «Одного брата, живущего и поныне в их обители, кто-то по ночам рано будил на молитву. Он сначала думал, что это, верно, ангел-хранитель, но потом, сказавши про это духовнику, получил от него запрещение без благословения самочинно рано утром не вставать на молитву. Тогда он перестал слушать того, кто его поднимал по ночам, и за это в скором времени враг ему отомстил таким образом: проснувшись однажды, видит свои сапоги, стоящие около кровати, до краев наполненными какою-то отвратительной, зловонною жидкостью. Удивился брат этому событию, келья была заперта изнутри и никто не мог из людей этого сделать. Потихоньку он вылил содержимое в сапогах в клозет, но сапоги не мог сам носить, такой от них шел нестерпимый смрад, что после отдал их какому-то бедняку страннику, а сам про это никому не гово-

рил, опасаясь насмешек». После обеда пошел к келье «Достойно есть» прикладываться к святой иконе; самая икона «Достойно есть» находится в Карейском соборе, а здесь, вероятно, копия ее; помазался елеем от лампы, лобызал святые мощи. Келья эта принадлежит болгарам; жалуются они на притеснения греков. Осмотревши эту келью, пошел дальше в гору и зашел в келью Саввы Освященного; настоятель — маститый старец о. Савва; разговорились с ним, он, по-видимому, давно живет на Афоне, весь седой, но довольно еще бодрый старец. По его мнению, у нас в России потому и падает монашество, что настоятелей ставят, во-первых, неопытных в монашеской жизни, а во-вторых, потому, что они не исповедуют всю братию и поэтому не знают их устройства и братских скорбей и всего прочего, касающегося внутренней жизни монастыря; а еще также весьма жаль, что они в трапезу не ходят с братиею кушать, но едят особо в своих покоях, а это, по его словам, есть уклонение или отчуждение от братии. Настоятель должен быть везде с братиею и во всем подавать им добрый пример, тогда и настоятелю легче управлять братиею, и братии удобно соделывать свое спасение. Поблагодарив о. Савву за приятную беседу, я с ним распростился. Идя дальше, дорогою встретил еще одного старца — отца Иннокентия, имущего свою келью с церковью на Керашах; узнав, что я приезжий, он стал меня приглашать к себе на жительство, в свою келью, и хвалил ее и, убеждая меня, говорил: «Тебе хорошо, батюшка, будет у меня; будешь жить у меня и часто служить литургию, и если останешься совсем жить, то по моей смерти и келья твоя будет, я на тебя ее перепису. У меня земли довольно, есть также 20 масличных деревьев». Но я сказал ему на это: «Как же я могу оставить свою родную обитель, если на это не получу извещения Божия; ведь я там призван и должен там пребывать». Тогда он не стал уже больше меня звать и мы завели беседу о другом. Между прочим, он рассказывал такой случай, бывший у них на этих днях с ученым иеромонахом академиком Феофаном, живущим на Каруле. Во время совершения им литургии как-то по неосторожности от свечки, стоящей на жертвеннике, загорелись воздухи, покрывающие потир и дискос. О. Феофан сам не видал, так как читал в это время Евангелие, а послушник, пономарь, заметив огонь, схватил горящие воздухи и стащил их с жертвенника на пол, рясою заглушил огонь. И вот за такое искушение духовник его болгарин, строгий и взыскательный старец, сказал ему: «Что это попущено тебе и случилось за какой-нибудь твой грех». И запретил ему 4 месяца литургисать. Вот как здесь строго судят. Распростившись с о. Иннокентием, пошел далее. Пришел наконец, расспрашивая кое у кого дорогу, к старцу иеросхидиакону Макарию. Количка у него стоит в пустынном месте, живет он с тремя учениками, занимается и живописью; пребывает здесь на горе уже 40 лет, а раньше жил в России в Бузулукском монастыре. Сотворив молитву, я попросил разрешения взойти в его келью и, получив разрешение, я вошел в убогую пустынную келью старца Макария. Пригласив меня сесть на свое жесткое убогое ложе, сам старец продолжал заниматься прерванной моим приходом работою — живописью; он изображал на доске несение Креста Спасителем. Я стал предлагать ему вопросы, и он на них давал мне разумные духовные ответы. Советовал не отказываться от послушания и принимать посылаемых игуменом учеников и учить их по совести и страху Божию, заниматься также непременно Иисусовою молитвою, это, по его словам, самое главное; и молитва умная или сердечная, все еще есть де-

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

ятельная и творимая человеческими усилиями или привычкой, а вот духовная, или зрительная, та уже благодатная и дается по многим трудам, а иному же по смерти. Советовал также читать мне Добротолюбие, наипаче славянское; от чрезмерного любопытства и многого чтения — отвыкать, это по его словам, искушение, и очень вредит молитве и от этого может также голова болеть. Я спросил: «можно ли читать книги духовнические, которые дают полезные сведения для прохождения духовнического послушания». «Если это требуется, то можно читать полезные для старчества книги». Засыпать обязательно советовал учиться с молитвою Иисусовой. «Надо, — говорил старец, — стараться привить молитву сердечную, и тогда она сама покажет, что надо делать и чего избегать». Я спросил у него: «Сколько надо денег, чтобы устроиться на Афоне, купив свою коливку — жить безмолвно» Он ответил: «Колива стоит 1 000 р., да еще будут кое-какие расходы, кроме того, надо иметь сколько-нибудь при себе денег на расходы, чтобы не побираться по кельям, как делают бедняки-сиромахи — ходят за милостыней в монастыри; надо иметь не менее как тысячи три или четыре». Говорил старец очень осторожно, о чем только я его спрашивал, а о постороннем ни слова; попросил его св. молитв и, поблагодарив его за беседу и распроставшись с ним, я тронулся в обратный путь.

17 [мая], вторник. Утром после ранней литургии пошел в Сретенскую келью и, расспрашивая встречных, едва-едва обрел ее. Старец кельи молодой иеромонах Афанасий принял меня любезно, и я передал ему письма из Иерусалима. Осмотрев их небольшую келью, всех братий, живущих здесь, человек 5, и пообедав с братией в убогой трапезе, пошли с о. Афанасием к живущему с ним по соседству архимандриту Виталию⁵⁷. Он раньше управлял монастырем в России Артемия Веркольского, а теперь здесь давненько уже живет на покое. Принял старец нас с любовью, он еще довольно бодрый, и рассказывал, как на него однажды напали разбойники и он только чудом спасся жив, все же они у него сколько-то денег похитили. Вообще здесь на Афоне жить людям, имеющим деньги, очень опасно — неоднократно бывали случаи грабежа и убийства. Потом пошли мы с о. Афанасием в Златоустовскую келью, к которой принадлежит Дечанская лавра, находящаяся в Сербии, и на Богословскую келью прошли тоже; там строят новый храм. Эти кельи очень большие — целые монастыри. Осмотрев их, пошли дальше и пришли в Благовещенскую келью к о. Парфению, где я раньше уже был.

18 [мая], среда, отдание Пасхи. Служил литургию с о. Архимандритом; вчера вечером долго сидел у о. Архимандрита и беседовал с ним о разных духовных событиях. Между прочим, он рассказывал о своем неожиданном избрании в настоятели; рассказывал свой пророческий сон, бывший ему за два месяца до избрания его в архимандриты, как приснился ему его предшественник арх.[имандрит] Иосиф⁵⁸ и, показывая в окне светлый луч, сказал ему: «готовься в четверг», и когда он, испугавшись, подумал: «видно, я умру», то ему о. Иосиф успокоительно прибавил: «Не бойся, тебе

⁵⁷ Архимандрит Виталий возглавлял обитель прп. Артемия Веркольского в течение 12 лет. При нем были воздвигнуты в 1891–1897 гг. главный собор монастыря и двухэтажный каменный игуменский корпус.

⁵⁸ Архимандрит Иосиф (в миру Иван Иванович Беляев, 1845–1908) управлял Андреевским скитом с 1892 г. до своей кончины.

хорошо будет». Говорил еще о. Иероним, как он однажды сильно колебался в раздаче милостыни, и вот ему во время этого искушения сказал один здешний приходящий юродивый монах: «Давай, давай; знаешь, кто подает, у того руки золотые». «Этим сразу отогнал всякое мое смущение и я успокоился. Еще передавал мне, — продолжал о. Архимандрит, — один старейший монах, живущий на Святой Горе более 50 лет, как однажды в то время, когда наш скит только еще созидался, один старец, живущий на Карее, увидел Андреевский скит весь в огне. Старец испугавшись побежал к скиту, чтобы узнать причину и прибежав, стал стучаться в ворота обители; когда на его стук отперли двери и спросили его: “Зачем ты стучишь?”, то старец в испуге стал говорить: “Ведь вы, отцы, горите, смотрите — везде и всюду огонь, и все кругом в пламени”, и только что он это проговорил, вдруг огонь пропал и всюду стало темно». Немало старец этому дивился. И это знамение объяснял и приписывал к будущему процветанию и возвышению Андреевского скита.

19 [мая], Вознесение Господне. Служил в соборе с о. Архимандритом; всенощная кончилась в 2 часа ночи. Поздняя литургия началась в 6 час. утра. После обеда беседовал с фондаричным о. Парфением. Он говорил, что на Валааме у вас жить веселее, чем на Афоне. Здесь жизнь однообразная и грустная, вдали от родины и дорогого отечества, под гнетом турок и греков. Только духовное и может утешить. Вечером с отцом Мартинианом ходили в монастырь Котлomuшь⁵⁹, находящийся невдалеке от Карей. Церковь небольшая, но вся расписанная; в алтаре чудотворная икона Божией Матери, не помню какая. Любовались на роскошную розу, растущую перед храмом, всю осыпанную прекрасными бутонами. Взошли в трапезу, которая весьма скромная и запущенная. За вечерней в Андреевском скиту на входе т. к. был великий прокимен, двое дьяконов шли с кадилами, а другие дьякона с престольными крестами; здесь так, видно, принято. Также за обедней на великом входе некоторые иеромонахи несли серебряные ковчеги со святыми мощами.

20 [мая], пятница. Утром после обедни пошел к схимонаху-пустыннику Феодосию и присидел у него часа три. Говорили о многом; интересен его рассказ о некоем монахе из кельи Белозерки, который, будучи способен к пению и чтению, имел слабость иной раз лишнее выпить, и вот, однажды, будучи в состоянии опьянения, он с кем-то поспорил, пошумел, и его по благословению настоятеля посадили в карцер для вытрезвления. Кто-то из братии, придя к о. Феодосию, рассказал ему про этот случай. «Пожалел я его, — говорил о. Феодосий, — и вот, в полночь, встав на обычное свое ночное правило, я вспомнил про несчастного брата, одержимого бесовским пристрастием к вину, и подумал сам в себе: “Такое у него дарование к пению и чтению, видно, врагу это несносно, и он мучает его сей страстью”. Жаль мне стало его и, преклонив колена, я помолился за него Богу и Царице Небесной, чтобы помогла ему и отогнала от него сие вражие искушение. Утром, только что рассвело, гляжу — ко мне бежит сей брат и благодарит меня за молитвы и, в знак благодарности, принес рубашку и штаны. “Куда же мне это, — говорю я, — ведь я с головой уйду в твою одежду-то”. “Нет уж, отче, возьми, как хочешь, — говорит брат, — ведь если бы не ты, я погиб бы сегодняшней ночью. В самую полночь, когда я сидел в карцере, напал на меня враг в виде многочисленных

⁵⁹ Правильно: Кутлумуш.

псов и хотел меня разорвать на клочки, подходя с яростью ко мне все ближе и ближе; я сильно испугался и подумал: “Ну, теперь пропал”; Вдруг, откуда ни возьмись, явился ты, батюшка, да как начал палкой-то по носам их колотить, так и хлещешь, так и бьешь их, и всех от меня отогнал”. С того времени этот брат стал воздержнее, — сказал о. Феодосий. Рассказывал еще мне, как однажды видел он беса в человеческом образе, но черного видом, который влагал помыслы молящимся братьям. «Стоит, — говорит о. Феодосий, — пред молящимся и смотрит на него, а у самого висит сбоку сумка и там разные какие-то бумажки. Бот он возьмет одну, свернет ее в трубочку и вложит в ухо молящемуся, а потом и глядит, а то подует в ухо ему; если это не подействовало, он другую также свертывает и вкладывает и таким образом и смущает помыслы братии». Еще говорил, что молитвой Иисусовой надо заниматься всем, но в монастыре трудно достигнуть сердечной молитвы, которая любит мирное и постное житие; надо плоть поработить духу, не любит молитва питательной пищи, например, рыбы, рису, маслин, вина и т. п., потому что от обилия пищи бывают ночные искушения, а если есть легкую пищу, то тело как бы смиряется, а душа делается сильною. «Я, — говорит, — три года кушал одно пшено, по горсточке клал и варил». В разговоре помянул также, как он однажды видел пономаря, ходящего по церкви, и из уст у него пламя исходило. После службы я его расспросил, чем он занимается умственно, когда ходит по церкви, и тот признался мне чистосердечно, что беспрестанно занимается Иисусовой молитвой. А кто только еще обучается молитве Иисусовой, у этих только как бы маленьких два огонька горят, эти только еще начинают преуспевать в молитве». Про сиромасов афонских отзывался так, что хотя некоторые из них есть высокой жизни, но большинство из них расстраиваются в духовной жизни по причине хождения по монастырям ради насыщения и за милостыней. Про себя говорил так: «Когда я только еще стал учиться Иисусовой молитве, то, благословившись у своего духовника, начал языком творить молитву, принуждая себя, хотя было весьма мне трудно; стал сначала помаленьку 10 четок или 20 в день, а потом стал 30, 50, 70 и дошел до 100; вот она у меня и наладилась, так язык сам и выговаривает молитву. Но вот однажды в легком сне слышу, кто-то мне говорит на ухо: “Ты закрыл бы лучше двери-то и творил бы молитву”. Проснувшись я стал размышлять, что это такое, как это так, закрыть двери и молиться, видно, надо губы сжать и творить молитву молчком. Дай-ка попробую с завтрашнего дня в уме творить молитву, буду немовать и с закрытыми устами произносить молитву. Господи, благослови! Вот и начал учиться. Трудна что-то и неудобна показалась мне эта молитва, прямо-таки хоть брось, не идет, не то что 100 четок в день, но и половины не могу проговорить. Вот таким образом промучился я два дня, и, видя, что молитва не идет, решил оставить ее, что-то не идет, да и трудно. Только ночью опять вижу сон: подходит ко мне какая-то благолепная жена и говорит мне: “Вот прими плату за ту молитву, которую ты творил языком, — и подала мне паричку (почти две копейки), — а это тебе вот плата за молитву, которую ты творил в течение двух дней в уме”, — и подала мне меджид⁶⁰ (1 р. 80 коп.). Проснувшись, я с изумлением размышлял: за первую молитву, которую столько времени творил я, всего заработал паричку, а тут за два дня меджид; ну так буду же я, хотя и с трудом, а творить умную молитву; и вот стал помаленьку,

⁶⁰ Т. е. монету, выпущенную в период правления (1839–1861) султана Абдул Меджида I.

принуждая себя, привыкать к ней; стал замечать, что вредит для молитвы и что пользует, и так с Божией помощью по некотором времени у меня молитва привилась и к сердцу; ровно какие двери открылись, и молитва пошла, самодвижно, беструдно, и мне так приятно стало; чувствую я, что она как бы сама творится и не дает мне спать, ни увлекаться чем-либо, и когда со мною сделалась такая перемена, то я радовался и духовно утешался; но вот, проходят вторые сутки, а я спать не могу, молитва не дает мне погрузиться в сон; проходят третьи сутки, я опять без сна, вот тут я по своему малому и неопытности заскорбел, да как бы с ропотом и сказал: “Господи! да что же это такое, вот молитва мне и спать-то не дает”. Только что это я сказал, и молитва как бы отошла от меня, прилег на постель, сейчас же и заснул. Проснувшись, стал по обычаю творить молитву, а она что-то не идет, бьюсь по-старому, а толку мало; сердце холодное, и надо принуждать себя, чтобы произносить слова молитвенные. Вот тут-то я и понял свою ошибку, приуныл и стал себя укорять за свой ропот, вполне сознавая свою вину; этак бился я весь день, тосковал, и вот к ночи в горести так и задремал, и вижу опять во сне, будто я нахожусь на каком-то острове. Я будто пошел по этому острову; иду и вижу некий колодезь, остановился я и гляжу на него; только вдруг слышу какой-то голос: “Знаешь ли ты! Ведь этот колодезь-то Божией Матери; ты бы попил из него, ведь водица-то эта всем помогает”. Проснувшись, я стал размышлять о виденном во сне и надумал просить Матерь Божию к себе на помощь и стал опять творить молитву Иисусову, говоря так: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, Богородицею помилуй мя”, и вот за молитвы Матери Божией, видно, дорога-то в сердце была уже раньше налажена, опять молитва скоро привилась у меня к сердцу и забила, как ручеек; я снова веселился и утешился, и с тех пор она уже никогда от меня больше не отходит, и сплю я сидя не больше как час в сутки, даже говорить-то с людьми мне трудно. Я хотел было ни с кем не разговаривать, да мне духовник благословил приходящих ко мне не отгонять». Поблагодарив доброго старца за полезную беседу и попросив его св. молитв, что он и обещал мне, я пошел на Карею, где купил себе лампаду, по-гречески фанос, с целью привезти в свою обитель и устроить эту лампаду по-афонски.

21 [мая], суббота. В самую полночь пошел к утрени, которую стоял при церкви на братской гробнице; в конце утрени пошли с иеросхимонахом о. Николаем в церковь св. Николая, где он живет, занимая небольшое помещение при церкви. Я совершал проскомидию, а он доканчивал утреню, и показывал мне, что надо исполнять у них по их уставу. На литургии было много поминовения, на проскомидии читал помянник митрополита Филарета, пред обедней дал читать молитву ко причащению Св. Амвросия Медиоланского. После обедни позвал к себе на чай; я узнал, что старец живет в монастыре более 50 лет; поступил он сюда еще при основателе скита Виссарионе; их теперь только трое осталось в обители, живущих с самого почти начала скита. С террасы о. Николая открывается прекрасный вид на море и соседние горы, внизу, под террасой растет виноград, орехи; вообще келья его стоит на хорошем месте. Говорил старец про устав их обители. Утреня у них для всех обязательна, также и ранняя обедня, которая кончается часа в 4 или несколько позже, после братия отдыхает, пьют чай и в 7 час. идут на послушания, на которых и трудятся до 10 часов, затем обед, отдых; в 12 ½ идут паки на послушания, потом в третьем часу чай, после него снова на послу-

шания. На многих послушаниях, даже и в канцелярии, вечерню читают сами у себя и кончают послушания к 6 часам, отправляясь затем на ужин; вот и день рабочий у них проходит таким порядком. Подарил мне книгу о. Николай «Летопись Андреевского скита»⁶¹, и, поблагодарив доброго старца, мы расстались. После обеда сидели в саду с иеромонахом о. Валерием. Рассказывал он мне интересный случай, как однажды к нему обратился, когда он жил в Одессе, один молодой человек, который состоял жокеем при скачках, как постепенно он стал приучаться к хождению в церковь и навязать молитве; наконец познакомился с о. Иоанном Кронштадтским, по молитве его переменил свою греховную жизнь, стал подвизаться и ревновать, и наконец, оставив мир, уехал на Афон, где несколько лет жил доброю, святою жизнью и умер схимником и какие ему перед смертью были дивные явления.

22 [мая], воскресенье. Служил; бдения не было ради бывшего на этой неделе Вознесенского бдения. Служба была такая: с вечера великая вечерня, а утром воскресная полунощница и утреня. О. архимандрит окружает меня вниманием и лаской и сегодня угощал меня свежими ягодами — черешней, которая уже здесь поспела; я дивился его кроткому и ласковому обращению со всеми, для всех он как мать. Был у архимандрита о. Д. и много беседовали о духовной жизни; вспоминал он нашего покойного о. Агапия⁶² доброй памятью. Никуда не выходит он и дожидается смерти. Вечером сидели у схимонаха о. Михаила. Много полезного и хорошего старец говорил. Между прочим, рассказывал такое событие. «Однажды я получил из России с родины письмо, в котором извещали меня о смерти одного знакомого и близкого мне человека, причем писали, что он умер от холеры, которая похитила много жертв в их местности, и просили меня помолиться за новопреставленного. Пожалел я сердечно своего отшедшего в вечность друга и стал по обычаю поминать его в келье и в церкви на проскомидии, вынимая о его упокоении части из просфоры. Так прошло немного времени и вот однажды я вижу замечательный сон: будто я очутился в некоем замечательно дивном, неизреченной красоты месте: громадный луг, украшенный зеленью и цветами расстился предо мною, вдали виднелись роскошные сады, чудный аромат наполнял воздух и все было неопишимо прекрасно. Я, не помня себя от восторга, пошел по этому дивному полю и вот вижу небольшие прекрасные домики, стоящие недалеко друг от друга. При моем приближении к ним, из одного вышел какой-то человек и, когда ж мы с ним сошлись, то я узнал своего покойного друга. «В. В.! ты ли это» — удивленно воскликнул я, изумленно впиваясь в него глазами. «Да, это я» — с улыбкой отвечал он. «Каким же образом ты здесь очутился», — снова спросил я. «Да это мое место, мне Господь даровал его, а также и другим умершим от холеры, живущим здесь по соседству со мною». «Вот что, значит здесь ты живешь. Как тебе здесь жить-то, хорошо ли, доволен ли ты», — спросил я. «А вот, как видишь, чего же еще лучше? Я очень доволен, благодарю Господа за Его великие милости». «А знаешь ли, ведь я тебя поминую и молюсь за тебя», — сказал я. «Знаю, знаю, нам все известно что

⁶¹ По-видимому, речь идет о книге: «Летопись Русского Свято-Андреевского скита на Афоне (1841–1863)». Т. I. СПб., 1911.

⁶² Схимонах Агапий (в миру Александр Молодяшин, 1838–1905) в 1860 г. жил в Валаамском монастыре. Потерял зрение, приобрел известность как молитвенник и прозорливец.

делается на земле; спасибо тебе за это, весьма большая нам бывает помощь и веселит нас, когда кто за нас милостыню подает, на проскомидии нас поминает или Псалтирь по нас читает”. “Как, неужели и Псалтирь вам помогает?” — удивленно спросил я. “А то как же, очень даже помогает. Ведь в Псалтири, знаешь, заключается небо и земля”. “Вот как, — в раздумьи произнес я, — значит вам помогают три вещи: милостыня, проскомидия и Псалтирь?” “Да, все это приносит нам большую пользу и отраду”. “Ну а скажи, пожалуйста, любезнейший В. В., из этих трех-то, что для вас всего дороже и полезнее?” “О, конечно, несравненно выше всего и полезнее проскомидия, только знаешь, она у вас на земле так называется, проскомидия, а у нас ее здесь по-другому называют”. “Как же, как вы ее здесь называете”, — удивленно воскликнул я. “А вот, — назначал благоговейно и протяжно говорить мой друг, — мы ее здесь называем Голгофская Жертва”. При последних словах у меня как бы огонь упал в сердце и оно как воск от огня растаяло. Неизреченное умиление и любовь наполнили мою душу и я, обливаясь слезами, проснулся. Слезы ручьем лились у меня из глаз, неизъяснимые чувства переливались в моем сердце, и я долго-долго находился под впечатлением этого дивного видения. Другой случай был уже не во сне, а наяву, такого рода: тоже узнал я из письма о смерти одной благочестивой девицы, которую когда-то лично знал, и вот на первой же литургии пошел в алтарь, чтобы помянуть сию новопреставленную рабу Божию. Подхожу к очередному иеромонаху, стоящему около жертвенника и говорю ему, “Помяни, отче, новопреставленную девицу (имя рек)”. Иеромонах берет просфору, копие и начинает вынимать частичку. Я в это время как-то невольно посмотрел направо в сторону и вот ясно увидел, стоит покойная девица в белом одеянии и с величайшим вниманием глядит на иеромонаха и на вынимаемую им из просфоры часть, внимательно и напряженно наблюдая, как он вынул и положил на Св. Дискос часть, впиваясь как бы глазами в это священнодействие. Я от удивления воскликнул: “Господи! что же это такое?” И вот образ девицы стал как бы бледнеть и рассеялся. “Что с тобой, чего ты испугался?” — спросил меня иеромонах, заметив испуг на моем лице и слыша мое восклицание. “После, после скажу, отче”, — с волнением ответил я и отошел в сторону, с умилением размышляя: “Как это дивно, насколько душа быстродвижна и как для нее дорого поминовение, если она так скоро ощутила, что ее будут помянуть и с каким страшным вниманием глядела на это священнодействие”». И еще много интересного рассказывал маститый старец о. Михаил.

23 [мая]. После ранней обедни старичок схимонах Фотий повел чай пить к о. Архимандриту, который, любезно приняв нас в свои внутренние кельи, угощал чаем. Он любезно с нами беседовал, между прочим рассказывал об одном афонском монахе, ныне живущем недалеко от скита Василия Великого. 3 года он ужасно боролся с бесами и чего только он от них не потерпел, всякие козни и разные страхования перенес он, и по прошествии трех лет они от него с шумом удалились под гору к морю, как бы какой ураган. С тех пор он получил душевный мир и полную сердечную радость. Рассказывал еще одну полезную и поучительную повесть другой старец. Один ученый священник, магистр богословия, будучи вдовцом, на старости лет, ревнуя о строгой подвижнической жизни, решил оставить всю сего мира прелесть и суету и удалиться для спасения в пустыню. Приехав на Афонскую гору, поступил в одну пустынную обитель и,

приняв монашество, стал ревновать и подвизаться в иноческих подвигах. По прошествии небольшого времени вздумалось ему отделиться от жизни монастырского общежития и пожить одному в пустыне, в полном уединении и безмолвии. Усиленно стал он просить об этом Игумена, умоляя отпустить его на пустынножителство. Игумен долго убеждал его повременить и пожить еще в обители среди братии, представляя ему всю опасность жизни в пустыне от тонких козней врага. «Ты еще не знаешь, — говорил ему Игумен, — насколько трудна жизнь одному в пустыне; ведь враг на одиноко живущего нападает с силой и колеблет и смущает пустынника то страхованиями, а то разными привидениями или тонким тщеславием, и тебе, как еще только что вступившему на иноческий путь, гораздо полезнее жить среди братии и, постепенно умерщвляя через послушание свою греховную волю и мятежные страсти, восходить на верх иноческих добродетелей. А пустыня хороша уже преуспевшим в иноческих подвигах и приобретшим духовное мудрование». «Нет, святой отче, мне среди братии жить не нравится, — говорил ученый инок, — ведь я всю жизнь прожил в миру среди народа и мне теперь хочется пожить совершенно одному в полной тишине и, забыв все мирское и суетное, думать только о Боге и о духовных предметах, а что касается вражиих козней, то я ведь уже не ребенок. Я много читал, изучал разные науки, также богословие, психологию, я думаю, что сумею разобраться, чтобы не впасть в разные прелести и сети бесовские. Нет уж, отче святой, умоляю вас, отпустите меня на безмолвие и благословите». «Ну, уж если такое непреодолимое желание, то, боясь огорчить тебя, не буду удерживать; только прошу и благословляю избрать себе из монастырской братии старца и духовника и почаще ходить к нему на откровение и исповедь». «Вот, спаси Господи, — воскликнул просиявший инок, — непременно буду ходить каждую неделю, чтоб поверять свою жизнь и все делать с благословения старца». Избрав себе по духу старца, хотя и простеца во внешних науках, но богатого опытами в духовной внутренней жизни, и условившись еженедельно приходить к нему на откровение и для проверки своей жизни, ученый монах перешел в пустынную келью и духовно радовался тихой, безмолвной жизни в безмятежной тишине афонской пустыни. Так прошло несколько времени. Еженедельно он, по принятому обычаю, ходил к старцу и, открывая ему свою жизнь, получал добрые и полезные советы. И вот, однажды, только что собрался идти в монастырь к духовнику, вдруг видит — сам старец к нему плетется в его пустынную келью. Удивился инок и с удивлением воскликнул: «Отче, вы ли это ко мне грешному идете; зачем утруждаете себя, ведь я сам к вам только что собирался идти». «Ничего, чадо, не смущайся моим приходом, — отвечал старец, — мне очень полезно прогуливаться, т. к. дома все сидеть вредно влияет на мое здоровье; вот я и надумал сам к тебе ходить, это мне принесет большую пользу для здоровья». «В таком случае я очень рад, что вы будете меня навещать». «Как ты поживаешь?» — спросил старец своего ученика. Тот стал отвечать и вот, незаметно, слово за слово у них завязалась преинтересная беседа; говорили о многом, говорили об Афоне, о разных мировых событиях, даже коснулись и политики. Старец своему ученому духовному сыну задавал столь глубокомысленные вопросы, на которые тот сразу не мог давать определенные ответы и обещался подумать. Наконец, после долгой беседы старец, распроставшись с учеником, ушел с тем, чтобы завтра снова придти для собеседования. На другой день такая же затянулась беседа, опять обсужде-

ние всевозможных важных событий и новые сложные вопросы старца, на которые ученик опять затруднялся отвечать. И так пошло изо дня в день и, вот, ученый пустынный начал чувствовать, что эти продолжительные беседы и тонкие вопросы совершенно отвлекли его ум от Бога и от всего духовного и заставляют думать и обсуждать дела мира сего. Кроме того, он почувствовал какую-то пустоту в душе, тоску и тайную грусть, и вот однажды после такой беседы решился непременно побывать в монастыре и повидаться с игуменом и братией и, хотя помыслы его в этом сильно препятствовали ему, но он твердо решился побывать в монастыре. По приходе в обитель пошел сначала к отцу игумену и на вопрос настоятеля, почему столь долгое время не был в обители и не приходил в старцу, ученый инок ответил, что не имел нужды ходить к нему, т. к. старец сам почти ежедневно его навещал. «Как так?» — воскликнул изумленный игумен. — «Да, так, отче; он сам пожелал ко мне ходить для укрепления своего здоровья и ходил почти ежедневно». «О, несчастный и обманутый сын мой! — воскликнул игумен, — Знаешь ли что? К тебе ходил сам враг в образе старца, стараясь тебя погубить или запутать в свои сети, а старец твой вот уже больше месяца лежит в больнице и не встает со своего одра». «Может ли это быть?» — изумленно спросил монах. «Пойди и посмотри», — отвечал игумен. Увидав своего старца, прикованного болезнью к одру и, узнав от него, сколько времени он недугует, ученый инок сильно испугался и смутился духом. Придя к игумену, он упал ему в ноги и смиренно просил прощения, что, не послушав его, чуть-чуть не погиб от злодейства вселукавого врага и умолял игумена, чтобы больше ему уже не видеть пустыни, а жить в монастыре среди братии. Игумен с радостью благословил ему остаться в обители, и с тех пор ученый инок, поселившись среди братии, всю жизнь вспоминал про свое искушение, благодарил Бога за избавление от погибели и уже больше не помышлял про пустынножителство.

Завтра день моего отъезда с Афона. Прощался с о. Архимандритом, дал он мне довольно большой образ в благословение от их обители, св. апостола Андрея Первозванного, альбом, книг много надавал. Спаси его, Господи! Отечески утешил. Не забыть мне Афона; много я здесь полезного увидел и услышал и выношу самое лучшее впечатление.

24 [мая]. После ранней литургии, напившись чаю и распростившись с радушными отцами и братьями, вышедшими провожать нас за ворота обители, и севши на сытых монастырских мулов, мы отправились на Дафну, провожаемые добрыми пожеланиями братии. По дороге заехали в Ксиропотамский монастырь, где приложились к большой части Животворящего Древа Господня с пробитым отверстием от гвоздя. Эта величайшая святыня не всем показывается, и нам говорили, что мы напрасно заедем, все равно эту святыню нам не покажут; но мы, однако, не послушались этого предупреждения и заехали, и вот, слава Богу, наша вера не посрамилась. Иеромонах, открывший нам сии святыни, показал нам Животворящий Крест с обеих сторон и мы долго его рассматривали и неоднократно лобызали. Сей Св. Крест подарен монастырю одним греческим царем, на что имеется грамота, хранящаяся в монастыре с царской печатью. Прикладывались также к крупным частям Св. мощей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Феодора Стратилата и др. Слава Богу! На дороге мы приложились к Св. Кресту и к мощам.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

25 мая. Ночью покинул таинственно-безмерный Афон. Много было скорбей и неприятной суеты при отправке багажа и размещении на пароходе; кое-как с помощью добрых людей устроился. Пароход довольно большой, под названием «Царь», был переполнен пассажирами. Ехать было хорошо, погода благоприятствовала нам — ни малейшей качки. Любовались на игру дельфинов, как они перегоняли пароход, то подплывали под него, и вообще любовались быстротою их плавания и легкими движениями в воде. Спутники мои: о. Тихон, монах Ново-Нямецкого монастыря, и другие, приглашают меня заехать в их монастыри, восхваляя каждый свои порядки и уставы; помысл мой склоняется на их просьбы. Буди воля Божия!

26 [мая]. Рано утром приехали в Константинополь, съехали на берег и, придя в Андреевское подворье, которое оказалось почти все занятым приехавшими московскими экскурсантами, едущими в Афины и далее, напившись чаю, пошли с провожатым осматривать город. Сначала зашли в Софию; я, хотя уже один раз был, но и вторично с восхищением любовался на величественнейший, изящнейший и древнейший сей храм; потом пошли к храму, где явилась икона Божией Матери Скоропослушницы, явившейся на древе. Мы брали на память кусочки сего древа; затем пошли к месту, где раньше стоял монастырь преп. Феодора Студита, а теперь там турецкая мечеть; тут же много превосходной мозаичной работы; дивные лики Спасителя, Божией Матери и др. святых. Турки за деньги показывают этот бывший христианский храм. Затем зашли в Болуклию, к Живоносному источнику, пили чудную святую воду, прикладывались к чудотворной иконе Божией Матери; видны в прозрачной воде маленькие плавающие рыбки. Идя дальше, зашли во Влахерну, где св. Андрей, Христа ради юродивый, видел Божию Матерь, покрывающую омофором молящийся народ; там же прикладывались к св. мощам, лобызали череп св. Григория Акрагантского и челюсть с зубами Великого Феодосия Киновиярха и др. святые мощи. Здесь тоже есть источник; наверху храма, или как бы на хорах, прикладывались к св. иконе и пили святую воду трижды — помогает, как нам говорили, страдающим сердечною болезнью. Наконец пришли в патриархию, осмотрели древний храм, видели хранящуюся кафедру Св. Иоанна Златоуста, прикладывались к св. мощам: мч. Евфимии, царицы Феофании и Соломии, хотели увидеть патриарха, но, к сожалению, не пришлось его увидеть, т. к. в это время он не принимал, а дожидаться нам было некогда. Вернулись, переехав на пароходике Босфор, и пришли, усталые и утомленные, на подворье.

27 [мая]. Утреню и раннюю стояли в подворском храме. Тяжела жизнь для братии на подворье: дым кругом и шум и повсюду соблазны, т. к. на Востоке большую часть дня проводят на крыше и отсюда видна вся мирская суетная жизнь.

28 [мая]. Вчера в 5 часов утра уехали из Царьграда и едем по Черному морю. Пароход наш быстро рассекает голубые воды, с каждой минутой приближая нас к берегам дорогого Отечества. Погода стоит прекрасная, бывалые люди стращают нас строгим таможенным осмотром.

29 мая. Приехали в Одессу. Сколько трудов и скорбей было с высадкой и таможенным осмотром! Приехали в самый Троицын день. Я поместился на подворье Андреевского монастыря.

30 [мая], в Духов день служил позднюю литургию. Отдыхаю на подворье после долгого пути.

1 июня. Стоял обедню раннюю на Пантелеймоновом подворье. Узнал, что в Андреевском скиту на Афоне поминают у каждого монаха, пока он жив, 8 имен его родных, а по смерти вечно поминают только его родителей. Как это прекрасно! Поездка в Бизюков монастырь. Не буду в подробностях ее описывать, т. к. особенно интересного ничего нет. Погостил в монастыре 2 дня; монастырь богатый, имеет около 40 000 десятин земли, из них 27 000 отдает в аренду. Настоятель в монастыре архиепископ Херсонский и Одесский преосвященный Димитрий⁶³, наместник архимандрит Вениамин. Совпало с нашим приездом прибытие в монастырь иконы Касперовской Божией Матери, пред которой я служил молебен. Прогостив в монастыре 2 дня, мы уехали обратно в Одессу, хотя наместник долго уговаривал нас еще погостить, обещая свозить в степь и показать свои заводы и табуны диких пасущихся лошадей, стада волов, свиней, гусей и пр. домашнего скота; но мы, поблагодарив его, не захотели дольше гостить; в общем монастырь Бизюков произвел на меня впечатление богатого и хозяйственного заведения, но духовного или монашеского, так сказать, мудрования я не заметил, конечно, может быть, потому, что мало гостил там, но все же я вынес впечатление какое-то смутное, неопределенное.

По дороге заезжали в гор. Херсон и были в Благовещенском женском монастыре, где любовались на новый собор, замечательный по внешней и внутренней красоте. Честь и слава монахиням сей обители, создавшим такой дивный храм! Рассказали монахини нам про свое поминовение. Собрали они капитал, и на проценты с этого капитала священники обители поминают их родных.

6 [июня], понедельник. Приехали в Одессу. Собрав свои вещи и простившись с добрыми афонскими иноками, поехали с о. Тихоном и Иринархом по железной дороге на г. Тирасполь в Ново-Нямецкий монастырь. Переправившись на пароме через реку Днестр, в три часа пополудни прибыли в монастырь. Поместившись на гостиную, пошли представиться к о. архимандриту Герману⁶⁴. Старец почтенный, 46 лет живет уже в сей обители и более 10 лет как состоит настоятелем; был у нас на Валааме, про который и вспоминал с почтением. Основатель Ново-Нямецкого монастыря арх. Феофан⁶⁵ с нашим игуменом Дамаскиным был в большой дружбе и духовном общении, в знак чего они обменялись иконами: Дамаскин прислал в их обитель большую икону Пешехоновской работы, аршина 1,5 длины, преподобных наших Сергия и Германа, которая находится у них и по сие время в иконостасе на правой стороне против клироса и на обратной стороне ее есть надпись: «В знак любви и братского единения» и т. д., а архимандрит Феофан в свою очередь прислал на Валаам икону Нямецкой Божией Матери, «которую, — говорил мне арх. Герман, — я у вас на Валааме не мог нигде, с прискорбием, найти». Побеседовав со старцем и попросив разрешения погостить несколько дней у него, на что он с любовью дал свое благословение, я отправился осматривать мона-

⁶³ В 1905–1913 гг. Одесскую кафедру занимал архиепископ Димитрий (в миру Михаил Георгиевич Ковальницкий, 1839–1913).

⁶⁴ Архимандрит Герман управлял Ново-Нямецкой обителью в 1893–1920 гг. При нем были построены пятикупольный Успенский собор (1902–1905) и пятиярусная колокольня (1913–1914), высотой в 67 м, в то время самая высокая в Молдавии.

⁶⁵ Архимандрит Феофан (Кристя, 1812–1884) был одним из основателей Ново-Нямецкого монастыря.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

стырь. Был за вечерней; на правом клиросе поют по-русски, на левом по-молдавски, также и читают на двух языках; братия большинство молдаване. Ужинал вместе с о. Архимандритом на гостинной; добрый старец угощал хорошим своим монастырским вином; у них имеются большие свои виноградники и виноделие в большом развитии.

7 [июня], вторник. Утром ходили с о. Иринархом по мастерским; понравился мне порядок, как все отлично устроено; замечательные машины, например, сеялка — в день засеивает, кажется, более 5 десятин и разбрасываемые зерна можно урегулировать по усмотрению, т. е. где нужно, можно гуще посев сделать, а где реже; прекрасные ко-силки, паровые локомобили для громадных молотилок; из них одна молотилка вымолачивает в день до 2 000 мешков и сама же засыпает в мешки, только подвози и уноси. Замечательна мельница, очень мудреной конструкции и громадных размеров: мелет и зерно очищает от мусора; к сожалению, я мало понимаю по этому делу и поэтому не могу описать подробностей всего устройства. Мельница работает в неделю раз или два и для окрестных жителей, которые за это платят монастырю. В монастыре имеется 8 артезианских колодцев; были на водокачке, из которой вода бежит по всем зданиям обители; видел небольшую машину, на которой мнут ячмень и овес для корма старых лошадей. Стоял позднюю обедню, пред которой постоянно читают акафист. Братия показала мне службу наших пр. Сергия и Германа и говорили, что «мы ежегодно празднуем память Валаамских чудотворцев, как бы в знак общения с Валаамской обителью». Осматривал монастырь, был в трапезной, монахи работают в клобуках; были в портняжной, сапожной мастерских, ходили в погреб; какая масса вина! громадные бочки наполнены красным и белым вином. Погребной монах, показывая мне, говорил, стуча по бочке: «вот этому вину 3 года, этому 5, тому 2», причем, налив стакан, давал для пробы. Чистое, без всякой примеси, отличное вино! Ходил в библиотеку, показывали альбом с видами Валаама; прошли в просфорную, хлебную; по дороге к гостинной дали мне прекрасный цветок — крин сельный или лилию. В Одессе, говорят, один цветок стоит 50 копеек; приятный запах и чудная красота. Если поставить в келье 3 цветка, то говорят, ударяет в сон. Архимандрит уезжает завтра в Кишинев⁶⁶ и я с ним простился, хотя он меня убеждал еще погостить несколько дней. На прощание дал книгу на память «Описание Ново-Нямецкой обители»⁶⁷. Обедали с казначеем о. Хрисанфом, причем угощали молдавским кушаньем под названием как бы холопцы⁶⁸ — рис, завернутый в виноградном листе и поджаренный с чем-то, очень вкусное блюдо. После обеда был у регента, который просил меня что-нибудь сыграть на их фисгармонии; осматривал архиерейские покои, затем поехали с казначеем на паре вороных лошадей в степь, на монастырские хутора. Приехали на монастырскую пасеку, состоящую из 150 ульев пчел; мы долго любовались на их работу, причем пасечник объяснял нам устройство ульев

⁶⁶ В ркп. Кишинев.

⁶⁷ По-видимому, речь идет о книге: «История Ново-Нямецкого Свято-Вознесенского монастыря. Составленная по молдавской рукописи бывшего настоятеля монастыря архимандрита Андроника, по данным архива Ново-Нямецкого монастыря и указаниям современника событий, нынешнего настоятеля монастыря, архимандрита Германа, признательным сыном монастыря архимандритом Гурием» (Кишинев, 1911 г.). Архим. Гурий (Гроссу, 1877–1943) в 1918 г. возведен в сан епископа, с 1928 г. — митрополит. Возглавлял Бессарабскую митрополию после присоединения Бессарабии к Королевству Румынии.

⁶⁸ Голубцы, долма.

и прочее. Угостившись свежим медом и грушевым квасом, мы с о. Хрисанфом поехали дальше; заезжали в монастырские виноградники, сады; какая масса плодовых деревьев и растущего винограду! Земля здесь тучная и плодоносная; воздух теплый и благотворный. Осмотрев монастырские сенокосы (косят у них машинами на волах), поехали обратно. Дорогою о. казначей беседовал со мною и поведал мне начало и основание их обители. Когда в Молдавии князь Куза решился отобрать от церквей и монастырей их имения, тогда старцы знаменитой Нямецкой лавры писали из Австрии управляющему лаврскими имениями в России (Бессарабии) иеромонаху Феофану, чтобы он похлопотал перед русским правительством и Святейшим Синодом о разрешении выстроить обитель в Бессарабии и ей передать 8 имений лаврских с целью сохранить богатство своей лавры, дабы в случае крайности могли иметь поддержку из России. Как известно из истории, князь Куза все монастырские и церковные имения отобрал в казну, так что лавра обеднела. Иеромонах Феофан после долгих хлопот и усилий успел выхлопотать в 1864 году разрешение основать монастырь в Бессарабии, в местности, называемой Кицканы, причем основанную обитель назвали «Вознесенский Ново-Нямецкий монастырь». Русское правительство отделило небольшую часть из принадлежащих старой лавре имений в пользу новой основанной обители, около 17 000 десятин земли, но потом эту землю почти что всю правительство снова отобрало, а вместо этого назначили монастырю денежную помощь и известное количество леса для топлива и построек, и земли для монастырского хозяйства. Прочие же имения старой лавры, хотя и по сие время числятся лаврскими, но доходы от этой земли русское правительство не отдает протягивающей свои хищные руки Австрии, да и новый монастырь уже не может получить их из банка, т. к. означенные доходы находятся на сбережении в русском банке, но только все же новая обитель кое-когда с разрешения русского правительства испрашивает некоторую сумму на поддержание монастыря. Так, например, недавно Ново-Нямецкая обитель таким образом получила 1 000 000 рублей на устройство церкви и колокольни. Спросил я о. Хрисанфа: «имеете ли вы какое сообщение со старой лаврой в настоящее время?» «Очень малое, т. к. наша обитель вполне самостоятельна и старая лавра находится за границей, в Австрии», — ответил о. казначей. Рассказывал он мне также о предшественнике этого архимандрита, покойном архимандрите Андронике; «духовный и мудрый был муж, — говорил казначей, — а самое главное, смотрел на духовную жизнь более внимательно, чем на внешнюю. Почти никуда не выезжал из монастыря; избрав рассудительного и толкового эконома, дал ему доверенность над хозяйственными делами, а сам наблюдал более духовное, всех учил жить ради Господа и подвизаться ради спасения души. Братия его любила и боялась, и дела монастырские шли отлично и мирно. Дивно умел поучать и утешать в скорбях и разгонять уныние, молитва его была непрестанна». «Бывало, — рассказывает о. Хрисанф, — придешь к нему сильно расстроенный, а когда он примет с любовью и поговорит отечески, то все забудешь, все скорби свои, и выйдешь от него как из бани, легко и отрадно на душе, а скорбей как не бывало; много написал книг полезных на молдавском языке, которые после брал и проглядывал преосвященный Арсений, ныне архиепископ Новгородский⁶⁹; он по-молдавски хорошо умеет говорить». Вообще мне монастырь понра-

⁶⁹ Архиепископ Арсений (в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий, 1862–1936) занял Новгородскую и

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

вился: братия такая любезная, простая, далее, пожалуй, афонцев превосходит своей любовью и простотою; иеромонахи тоже кроткие и не спесивые, старчества у них нет, не знаю почему. Видел перед обедней соборование по их обычаю, принятому в этой местности. 3 иеромонаха соборовали целую толпу мужчин и женщин и даже грудного ребенка: читали все, положенное в требнике, только помазывали один раз в конце соборования у некоторых одно чело, а у других, кроме того, еще руки и грудь. После соборования служили водосвятный молебен; здесь, говорят, так принято совершать. На литургии Евангелие читали посреди церкви и по прочтении некоторые благоговейные богомольцы подходили и целовали аналой и вышитый на нем крест. Аллилуия по Апостоле пели очень долго и протяжно, а диакон в это время кадил иконостас и некоторые иконы. На великом входе иеромонах чашей касался к главам людей преклонившихся. Хотели меня попросить прочитать акафист перед обедней, но меня в это время дома не было, ходил осматривать мастерские; просят прочитать завтра. Были в больнице; хотя небольшая, но довольно хорошая, отдельный дом и чудный виноградный сад при доме; фельдшер нанятой. Пили воду из артезианского колодца, хотя и называют ее здоровой и полезной, но с непривычки трудно ее пить; какой-то от нее исходит газовый серный запах, а когда она маленько постоит, тогда этот газ улетучивается и воду можно пить. Наблюдал как иеромонах читал молитвы Василия Великого и канон и заклинательные молитвы, положенные в требнике над недужными, обычай, к сожалению, оставленный у нас.

8 [июня], среда. Полунощница здесь начинается в 12 часов ночи, по-афонски; стоял я, но ничего не понимал, так как читали все по-молдавски. Утром на прощание ходили на ближний хутор, где растут овощи: фасоль, кукуруза, кавуны, огурцы, картофель; тут же есть и виноградник. Напившись чаю и распростившись с братией, мы с отцом казначеем на тройке сытых монастырских лошадей отправились на вокзал, где я распростился с отцом казначеем и, взяв билет до Рудни Почаевской, отправился в путь. Около большой станции Жмеринки, не доезжая Казатина, впервые увидел родные березки; рад был их видеть, потому что уже более полугода нигде не встречал их. Погода испортилась — дождь, сыро; в вагонах душно и всюду назойливые жиды.

9 [июня], четверг. Приехав на станцию Рудня Почаевская и наняв с некоторыми богомольцами лошадь до Почаевской лавры, до которой считается 25 верст, мы отправились в дорогу и через 3,5 часа приехали в Почаев. Поместившись в гостинице, я пошел к вечерне. Глазам моим представился громадный величественный собор. Стихиры пели под канонарха, последними были мальчики, которые, хотя звенели своими голосами, но слова выговаривали как-то невыразительно и по-детски. Хорош вид с площадки собора. Видна Австрия, т. е. какое-то строение, стоящее уже в Австрии, не так далеко от монастыря. Зашел к престарелому иеромонаху о. Димитриану. Вспоминал он бывшее свое житие на Валааме, мудрого Дамаскина и других старцев. Он пришел на Валаам 20 лет, где и прожил почти 16 лет, с похвалой отзывался о рассудительном игумене Дамаскине.

Старорусскую кафедру в 1910 г. В начале своей карьеры состоял преподавателем и инспектором Кишиневской духовной семинарии и редактором «Кишиневских епархиальных ведомостей». В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию по истории Церкви в Молдавии.

10 [июня], пятница. Стоял утрению. Ирмосы на клиросах пели по крюкам, но не в унисон, а бас аккомпанирует. Иеромонах о. Иоанн показывал мне достопримечательно-сти некоторые; водил на хоры, где устроены две церкви; указывал мне место, где раньше стоял громадный орган, когда этот собор принадлежал еще униатам; спускались в пещерную церковь, где открыто почивают мощи пр. Иова, и показывал мне место, где он спасался; маленькая пещерка. Ежедневно после утрени поют стихиру: «Непроходимая врата, тайно запечатствованная», и в это время спускают чудотворную икону, висящую над царскими вратами, к которой братия и прикладывается. Говорили мне братия о разделении в их лавре на две партии: одни держатся старого порядка, лаврского, другие же, под управлением архимандрита Виталия⁷⁰, живут на правах общежития; вследствие этого получается, что в лавре существует два устава, две трапезы и две церкви с различными постановлениями: киновия и идиоритмия⁷¹. Многие скорбят и хотят уходить из лавры. Ходил в типографию, где печатают журнал «Русский инок» в количестве 2 200 экземпляров. Узнал, что когда служит архиепископ Антоний⁷², то очень часто, чуть не всегда, заставляет петь нашу валаамскую херувимскую. Стоял позднюю литургию; иеромонахи в епитрахиях читают поминания и вынимают частички у жертвенника. Пригласили в трапезу, которая довольно большая, чин о панагии бывает ежедневно; уходил в новоустроенный скит, отстоящий в трех верстах от лавры; каменная 2-этажная церковь; внизу сыро и пахнет подвалом, пол каменный; в иконостасе есть образ наших преп. Сергия и Германа; скитом управляет архимандрит Паисий, он же и старец в скиту, хотя для братии это тяжело, так мне жаловался один брат, живущий в скиту: «Нам бы старца надо, — говорил он, — о. Паисий, если б не архимандрит, то хороший был бы старец, а теперь он наш начальник и мы его стесняемся». Простояв в скиту вечерню, пошел обратно в лавру; зашел к иеромонаху Георгию, бывшему регенту лавры и герою Цусимского сражения, плававшему на крейсере «Аврора» и получившему золотой крест на Георгиевской ленте. Рассказывал он о боевых впечатлениях и о пережитых страданиях.

11 [июня], суббота. После поздней обедни здесь по субботам по обычаю служат торжественный соборный молебен с акафистом перед иконою Божией Матери Почаевской. За старшего выходил наместник о. Тимолай⁷³, и я сподобился быть на этом торже-

⁷⁰ Речь идет о знаменитом Почаевском типографе и редакторе «Русского инока» архимандрите Виталии (в миру Василии Ивановиче Максименко, 1873–1960), в эмиграции возродившем Почаевскую типографию в местечке Ладомирова в Словакии, а после войны, уже в бытность свою архиепископом Восточно-Американский и Нью-Джерсийским Русской Православной Церкви Заграницей, перенесшим эту последнюю типографию в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, где она существует и ныне.

⁷¹ Это чрезвычайно любопытное замечание о. Маркиана — еще одна иллюстрация к тому, что и в самом начале своей деятельности о. Виталий во всем полагался исключительно на собственные разумение и вкус. И в последующей своей деятельности в эмиграции он почти никогда не соотносился с мнением Священноначалия, обычно действуя вопреки ему. Так, несмотря на категорический запрет своего сербского Священноначалия, о. Виталий основал Русское типографское монашеское братство в Ладомировой на Карпатах, которое стало наиболее долговременным и успешным церковным православным русским издательством в XX столетии, как и им же созданная газета «Православная Русь», ставшая единственным после 1917 года общерусским православным периодическим изданием.

⁷² Т. е. архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936), возглавивший в эмиграции Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей.

⁷³ Архимандрит Тимолай (Ерин) состоял в должности наместника в 1905–1912 гг.

стве и почитать акафист; очень умирительно и торжественно. Икона Божией Матери спускается вниз, и после молебна все к ней прикладываются. Три мальчика перед иконой пели: «О, Всепетая Мати». По окончании молебна был приглашен в трапезу, а после пил чай у иеромонаха Ермолая. Жаловался он на раскол в лавре и думает уйти в Рыхловский монастырь, где он полагал начало. В лавре действительно происходит невообразимое разделение: в одной обители два устава, два братства, два хозяина, архимандрит Виталий⁷⁴ постригает и принимает и делает иеромонахами; наместник по обычаю то же делает. В лавре существуют лавки монастырские и кроме того есть еще и лавки Виталия, а также и доход и кружечный сбор делится на два братства; братия в унынии и многие хотят убежать от этих порядков, все ждут какой-нибудь перемены, надеясь на лучшее. Вечерняя малая началась в 4 часа, а в 5 часов всенощная, которая и кончилась почти в 10 часов. Поют хорошо и стройно; пели даже подобен «О преславного чудесе», только мало напоминает этот подобен наш Валаамский.

12 [июня], воскресенье. Служил раннюю обедню в пещерной церкви преп. Иова с архимандритом Митрофаном во главе. После пил чай у иеромонаха Алипия, также зашел проститься к иеромонаху Димитриану и, простившись с прочими добрыми отцами лавры, я выехал из лавры в Рудню. По приезде туда мне пришлось быть свидетелем большого пожара; около самой станции горела какая-то фабрика.

13 [июня]. Ехал всю ночь и утром приехал в Киев. При входе в гостиницу встретился со знакомым иеромонахом лавры Арсением. Оставив вещи, пошли с ним по пещерам; были на колодце пр. Феодосия и другие достопримечательности лавры осматривали; вечером стоял вечерню. Пение лаврское более бравурное, мажорное и громогласное, пианиссимо, кажется, не существует. Осматривали после вечерни братскую читальню, новую трапезную церковь, которая прекрасно и со вкусом вся расписана.

14 [июня], вторник. После утрени обычно бывает молебен пред иконой Божией Матери Успения, висящей над царскими вратами; после прочтения акафиста икона спускается и к ней прикладываются. Напившись чаю, поехал в Михайловский монастырь. Здесь перед обедней постоянно по вторникам служат соборне молебен с канонами и акафистом перед ракой с мощами св. великомученицы Варвары. Молебен продолжается почти 2 часа. Хорошую проповедь сказал архимандрит Адриан на тему: «есть смирение паче гордости». По окончании службы поехал в Троицкий Ионинский монастырь, где разыскал знакомого монаха Иова. Он любезно и радушно принял меня и в беседе говорил о смутах в их монастыре по поводу смены их архимандрита Мельхисидека. По его словам, много было на него клеветы и лжи, и он пострадал отчасти за излишнюю доверчивость, а также за продажу леса и за некую гордость. Из среды братства многие желают его возвращения, а другие против этого. О. Мельхисидек живет теперь в Михайловском монастыре и служит череду; дело его еще не кончено, ведется следствие. Был в домике, где жил покойный старец архимандрит Иона⁷⁵; все его вещи сохраняются; келейник его, монах Виктор, показал мне все: дом, где старец принимал богомольцев, где отдыхал; передавал из жизни его разные случаи, например, как ста-

⁷⁴ Т. е. архимандрит Виталий (Максименко).

⁷⁵ Архимандрит Иона (в миру Иван Мирошниченко, 1802–1902) с 1836 г. был послушником Брянской Белозерской пустыни и в ней принял постриг. В Киеве жил в Выдубецком монастыре.

рец не давал с себя снимать фотографических портретов, избегая тщеславия; осмотрев иконы старца, я заметил на осколке стекла изображение Божией Матери и заинтересовался этим. О. Виктор объяснил мне значение этой иконы. Оказывается, что когда старец о. Иона жил еще в Белобережской пустыни, то однажды с чудотворной иконой Божией Матери поехал куда-то для совершения молебна в карете. Пришлось переезжать какую-то речку по льду, и вот на самой середине реки лед проломился, лошади погрузились в воду, а карета застряла во льду. Старец с усилием пробил стекло в дверце кареты и кое-как с большим трудом вылез из нее вместе с иконой. Набежал народ и кое-как спасли лошадей и карету; придя в себя от испуга и осмотревши, обратили внимание, что все осколки стекла, разбитого в дверце кареты, находились в иконе за стеклом. Как они туда попали? Стекло затворялось очень плотно, так что вода не могла туда проникнуть. Все удивились этому явному чуду, и многие брали эти осколки себе на память о совершившемся чуде. Старец также взял себе осколок от стекла и, написав на нем изображение Божией Матери, вделал в кивот и хранил до смерти. Еще говорил келейник о покойном старце, что очень мало он спал, а все больше сидя молился или что-нибудь делал, а днем много народу принимал; говорил немного, два-три слова, и их не забудешь всю жизнь; летом приходило народу до 4 000 в день; был я также у старца, любимого братией, о. Валентина. Принял он меня любезно и давал полезные советы не быть строгим, а как можно более снисходительным к кающимся, не давать строгие епитимьи и много поклонов, а что-нибудь легкое и посильное; дал в благословение листочков и маленьких просфорочек. Вечером стоял всенощную в лавре в великой церкви, служил митрополит Флавиан⁷⁶ и вся старшая братия. Завтра память свт. Михаила, митрополита Киевского; пели торжественно, громко, во весь голос.

15 [июня]. Утром поехал в Голосеево. Проходил через келарский сад, принадлежащий лавре. Как приятно после пыли очутиться в густом лесу, который занимает 1 246 десятин. У лавры имеется также 17 садов в разных местах. Придя в Голосеево, взшел в церковь; храм трехпрестольный, но строят еще другую, каменную, большую, и в ней нетленно почивает тело иеросхимонаха Парфения⁷⁷. Зашел к уважаемому старцу иеромонаху Алексею⁷⁸; принял он меня, выслушал и смиренно стал давать мудрые советы — предаваться воле Божией, терпеть скорби, которые есть лестница на небо; творить присно немногословную молитву, послушание нести безропотно; рассказал о святых старцах их обители: иеросхимонахе Парфении, у которого он и начало полагал, и о митрополите Филарете⁷⁹, 17 лет носившем тайно схиму; в какой они жили великой любви; митрополит был свят и Парфений тоже; митрополит ради Бога слушался и почитал своего духовного отца и вел простой образ жизни, когда жил в Голосееве, много творил добра и принимал постоянно проходящих к нему; даже, прекращая свое молитвенное правило, выходил и утешал скорбящих. Старец Парфений, также сам

⁷⁶ Митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (в миру Николай Николаевич Городецкий, 1841–1915).

⁷⁷ Преподобный иеросхимонах Парфений Киевский (в миру Петр Иванович Краснопевцев, 1790(?)–1855) с 1834 г. состоял духовником Киево-Печерской лавры.

⁷⁸ Иеромонах Алексей Голосеевский (в миру Владимир Иванович Шепелев; 1840–1917) — духовник Голосеевской пустыни. Местночтимый святой Украинской Православной Церкви Московского Патриархата.

⁷⁹ Митрополит Филарет Киевский (в миру Федор Георгиевич Амфитеатров, 1779–1858).

будучи свят и смиренен, не любил гордых ученых монахов и даже одного профессора назвал в присутствии других дураком, желая смирить его; говорил, как он, будучи послушником, келейничал у старца. Однажды в Пасху за какую-то услугу получил от богатой благодетельницы графини Орловой⁸⁰ золотой, положил его в карман и забыл про него. После обедни старец в присутствии митрополита стал обличать его, что водит дружбу с бесом и, когда келейник не мог понять и просил прощения, совсем забыв о находящемся в кармане золотом, то старец, подойдя к нему, вынув из кармана золотой и показав его митрополиту, выбросил его в форточку на двор, прибавив: «Впредь никогда не води дружбы с бесом». Говорил еще также о. Алексей, что родная сестра его хлопотала пред митрополитом о зачислении его для обучения в семинарию. Митрополит согласился и принял уже бумаги от сестры, но случившийся тут старец иеросхимонах Парфений сказал митрополиту: «Это не твое дело, его Матьер Божия будет учить», и митрополит поспешил обратно отдать бумаги. Один вид старца Парфения внушал к нему особенное чувство уважения. В заключение беседы о. Алексей подарил мне на прощание служебник и, простившись со мною, проводил меня до крыльца. Идя дальше, я встретился с Игуменом, который любезно со мной обошелся и провел в митрополичий сад, благословивши мне погулять в нем и приходив к ним в трапезу на обед. Чудный сад! далее лес, огороженный, дорожки посыпаются песком, длина всех дорожек восемь верст; устроены беседочки, скамеечки; погулявши, я пошел в трапезу. Братия, очевидно, обедает больше по кельям; живущих здесь человек 60, а в трапезе было человек 15. Пища хорошая, четыре перемены; селедка, борщ, каша гречневая и рыба жареная; просил меня столовщик монах Ермолай прислать ему иконку или картиночку наших преподобных, которые ему во сне приснились, и, когда он не знал, кто это, ему было сказано, что это преп. Сергей и Герман Валаамские. Простившись с Голосеевской пустынью, пошел дальше и пришел в Преображенскую пустынь, где хоронят лаврскую братию. Поместившись в гостинице, увидел там знакомую старицу Феодосию. Рассказывала она мне, какие ей были сны о страшном суде и что последнее время уже подходит и скоро будут монахов гнать и притеснять. Пришел о. Геронтий, который был со мной вместе в Иерусалиме; он теперь уже не в гостинице, но занимает послушание в трапезной. Пошли к вечерне; служили скоро, вместе с утреней два часа. Подошел к о. Игумену; добрый старец. Говорил он мне, что здесь живу вот 50 лет и никуда не выезжал и желания не имею; даже в лавре по делам редко бываю. Походили по кладбищу, много там отцов похоронено; есть и знаменитые, святой жизни; встретили иеросхимонаха о. Клеопу, добродушный старец-малоросс и говорит просто, но внушительно; осматривали монастырские хутора; живут братия, а также почтенные старцы, имеется большой пчельник, вообще хозяйство ведется в образцовом порядке.

16 [июня], четверг. Утром с отцом Геронтием пошли в Китаевскую пустынь. Эта обитель еще более и обширнее; братии около 150 человек. Простояв обедню в богадельной церкви, причем здесь много было молящихся старцев, пошли в главную церковь, в которой тоже служилась литургия. Поклонились на кладбище почивающим старцам: юродивому иеросхимонаху Феофилу⁸¹ и о. Дорофею; зашли к умирающему

⁸⁰ Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848).

⁸¹ Святой иеросхимонах Феофил (в миру Фома Андреевич Горенковский, 1788–1853).

иеросхимонаху Сергию; келейник сказал, что он по слабости никого не принимает, но когда доложили ему о нас, то он благословил нас взойти и принял нас. Старец совершенно ослабел; мы приветствовали его; я, взойдя, поцеловал у умирающего старца руку; седой и светолепный старец умильно глядел на нас и просил наших молитв, а также просил у меня поцеловать мой наперсный крест и, когда я сказал ему, что он не раз лежал на Гробе Господнем и на Голгофе, то старец радостно сказал несколько раз: «Слава Тебе, Господи!» Мы поклонились старцу, поспешили уйти, чтобы не утруждать его нашей беседой. Зашли на свечной завод и белильную, где белят воск; затем пошли дальше и зашли к рабе Божией старице Акилине. Живет чудесно с сестрами, живущими ради Бога с ней; дивная икона Божией Матери хранится у них и, по словам старицы, чудотворная — кровь выступала на лице иконы во время Японской войны и также источала каплями росу. И действительно, дивная икона и выражение лица у Божией Матери. Читал я перед нею молитву после долгого беседования с матушкой. Чудный ее был рассказ про свою жизнь. «Жила я в Петербурге, — говорила она, — жить мне было очень хорошо, ни в чем я не терпела недостатка; меня любили, и я утешалась своею жизнью. Но вот вдруг у меня заболели глаза; как я ни лечила, ничего не помогает. Потом мне было указано идти в Киев, также и батюшка о. Иоанн Кронштадтский дважды те настоятельно благословил идти в Киев; “и там тебе, — говорил он, — известно будет, что нужно делать”. Наконец я решилась идти; собралась, распростилась и, сама не зная, зачем еду, отправилась в дальний путь. Приехав в Киев, помолилась, походила по святыням, поговела в лавре, а все ничего не знаю, что дальше будет, куда это я определюсь и пристроюсь и что со мною будет. Наконец я загрустила, упала духом и сильно заскорбела. Стала я просить Царицу Небесную, чтобы Она Сама меня утешила и устроила, и молитвенно так Ей говорила: “Госпоже Владычице Богородице! Не отступлю от Тебя, есть и пить не буду доколе Ты не устроишь меня и не направо вишь на добрый путь!” И что же? Иду это я после службы мимо великой церкви Успения Божией Матери, вижу навстречу мне идет величественная жена, как бы странница, и начала со мною говорить. Я не могла узнать, с кем это я говорю, но только в душе своей чувствовала к ней великое благоговение. Она мне, между прочим, утешительными многими словами говорила: “Теперь ты иди странствуй год, а потом я тебя определю жить около Китаевской пустыни”. “Матушка, — спросила я, — а Вы Сами-то где живете?” “А я вот здесь живу», — ответила Она и показала на великую церковь. “А кто же Вы здесь будете?” — снова спросила я. “А я здесь самая старшая”. “А как Ваше, Матушка, имя?” “Мое имя, — ответила Она, — Я — дар”. “Что-то, матушка, такое имя мне не знакомо. Может быть, Вы называетесь Дарья?” “Ну, Дарья”, — подтвердила Она снова; потом подарила мне поминание и сказала: “На вот тебе и никому его не отдавай”. Взяла его я и вижу, что написано что-то не на русском языке. “Храни его и листочков не отрывай”, — снова сказала Она. Во все время нашей долгой беседы я заметила, что люди, проходя мимо нас, Ее, с Кем я говорила, не замечали, между тем как меня они видели и как бы на меня дивились, что я как бы сама с собой разговариваю, и, когда во время нашей беседы рядом с нами прошел какой-то лаврский послушник, то Матушка, с Которой я говорила, внимательно на него поглядела и, когда он уже прошел, то проводила его глазами и посмотрела вслед ему. Когда же в конце беседы она пошла к входу в

церковь и я с ней тоже шла рядом, и вот, она взошла в церковь, и я за ней хотела взойти, но меня сторожа не пустили. “Поздно, — говорят они, — служба кончилась и никого больше не пускаем”. “Да я не одна, а вот с Госпожей со старшей, которая здесь живет”. “Кто такая? Здесь никакой госпожи нет”, — отвечают мне. “Да вот которая сейчас предо мною прошла в церковь”. “Что это ты говоришь, — не понимали сторожа, — мы же никого не пропускали и никто не проходил”. Но я не унималась: “Да пустите же, вот Она сейчас только прошла; Она тут и живет, Самая Старшая; тут Ее и келья”. “Уходи, уходи, — проговорили сторожа, — ты, кажется, маленько не в уме”. Так я и осталась одна, а после, как бы пришла в себя, поняла и догадалась, с Кем это я, грешная, удостоилась беседовать и от Кого получила наставление и указание; к тому же в руках у меня осталась книжечка — поминание; и вот я обрадовалась и возблагодарила Царицу Небесную; успокоившись и исполняя волю Владычицы, пошла странствовать на год. Поминание же кому ни показывала — никто не мог прочесть и узнать, на каком языке там написано; и так во время странствования я однажды отдала поглядеть его одному священнику; и, видно, так уж греху быть, обратно позабыла у него взять, так и ушла в свой путь; и уже спустя порядочно времени спохватилась, но назад уже не захотелось идти, о чем после долго жалела, что не вернулась. Придя опять в Киев, не знала, как это я буду жить и где устроюсь; но вот неожиданно, так уж видно, промыслием Царицы Небесной, этот дом около Китаевской пустыни как бы случайно достался мне, и я поселилась здесь, да вот и живу уже 15 лет и нас здесь сестер 5 человек живет; жить нам спокойно, и благодарим мы день и ночь Царицу Небесную за Ее великие к нам, грешным, милости». Так закончила свою беседу раба Божия мать А. Записав их имена и дав обещание молиться друг за друга, мы распрощались. Придя снова в Преображенскую пустынь и маленько отдохнувши, отправился обратно в Киев. Меня верст 5 провожал о. Геронтий и, сердечно распрощившись по-братски, мы расстались.

17 [июня]. После утрени, прослушав обычный молебен с акафистом Божией Матери, пошел к обедне в больничную братскую церковь. В эту церковь и больницу женщин никогда не пускают; в лавре имеются две больницы: братская и для мирских, и в обеих есть церкви и идет ежедневная служба. Осматривал библиотеку, находящуюся в громадной колокольне; ученый иеромонах Михаил составляет каталог. Простившись с иеромонахом о. Арсением и прочими знакомыми отцами и поблагодарив гостинника, я нанял извозчика и поехал на пристань, и, сев на пароход, отправился по Днепру, а потом по Десне к Чернигову.

18 [июня], суббота. Утром приехали в Чернигов. Я поспешил в собор, в котором почивают нетленные мощи св. Феодосия; вокруг церкви много народу — богомольцев, ожидающих службы. Зайдя в церковь и приложившись к святым мощам Святителя Божия, спросил: “Можно ли мне теперь отслужить молебен”. Мне ответили, что теперь служить нельзя, т. к. скоро обедня начнется, а после обедни, — тогда можно. Взойдя в алтарь, я осмотрел в нем все; церковь большая, но обыкновенный городской собор; поспешил на пароход и поехал дальше по Десне. Господь послал мне спутников — иеромонаха Спиридона и монаха Осию — садовника; оба они рыхловские.

19 [июня], воскресенье. Пароход после обеда пристал к пристани под названием Оболонья; отсюда верст восемь до Рыхлова, куда мы и приехали перед вечерней. Оста-

новившись в гостиниой и умывшись от дорожной пыли, я пошел к о. архимандриту Евгению⁸², принял он меня очень любезно; пили у него чай, и он много расспрашивал меня про Валаам. О. Евгений заметно постарел, изменился; вскоре пришел его казначей о. Пимен и ризничий и повели общий разговор. Но вот стали звонить к вечерне, и мы отправились в собор. Монахи, как и у нас, ходят в церковь в мантиях, в монастыре много есть мальчиков, на клиросах поют дисканты и альты, все в подрясниках, но стриженные; поют неважно, регент иеромонах Серафим. После вечерни по-афонски прикладываются к образу. В обители самая главная святыня — это чудотворный образ Св. Николая; висит на колонне и образ наших преподобных Сергия и Германа; также есть изображение их же и на монастырских Святых воротах; вообще мне приятно становится, когда я увижу где-нибудь своих преподобных. После вечерни пошли в сад, очень обширный, в котором растут преимущественно яблоки и груши; этот сад отдают в аренду за 2 000 руб.; отсюда прошли на пасеку, где стоит около 600 ульев; вообще место, где стоит монастырь, красивое, хорошее; много есть лесу; громаднейшие дубы распустили свои гигантские ветви; липа цветет, и воздух насыщен чудным ароматом. Дорогой о. Евгений говорил мне, что он много здесь потрудился; почти все пришлось поправить или выстроить снова, а то от ветхости многое разрушалось; прорыл артезианский колодец, и теперь в монастыре чудная вода идет самотеком с горы; выстроил также конюшню, заново переделал гостиницу и т. д.; теперь занят отделкой собора. Иконостас делается новый, также и иконы, к тому же собор весь расписывается, все это дорого стоит, но с помощью добрых людей, петербургских и московских благодетелей, дело быстро идет к концу. Ужинали вместе, также и о. казначей, ризничий и регент.

20 [июня]. Утром осматривали коровник, устроенный по-валаамски, а также конюшню и другие монастырские службы. Показывали большую круподерку, потом с о. Архимандритом ходили по мастерским, где делается иконостас; были в позолотной, резной, живописной и столярной, везде он сам наблюдает и ничто без его глазу не делается. Ходили в пещеры, где раньше жили подвижники. Простояв позднюю обедню, я надумал сегодня отсюда уехать, хотя братии меня уговаривали, но я надумал дальше ехать; был в братской трапезе, довольно просторная, на 7 столов; показал мне о. Архимандрит церковь, где явилась чудотворная икона св. Николая; везде все отремонтировано и содержится в порядке. Видел прекрасную художественной работы серебряную дарохранительницу весом 2 пуда; после прошли в сад, где я любовался плодовыми деревьями; здесь есть яблони, приносящие в год до 70 пудов яблок; в общем, монастырь произвел на меня впечатление хорошей хозяйственной рабочей обители, но духовного и аскетического я, за краткостью своего пребывания в монастыре, не заметил. Подали мне пару монастырских лошадей и я, поблагодарив доброго о. Архимандрита, поехал на станцию Алтыновку, отстоящую от монастыря на 35 верст.

21 [июня], вторник. Ехал всю ночь; были пересадки на станциях Конопот, Ворожба; наконец, сойдя с поезда на Глинской площадке, сели на монастырскую линейку и поехали чудным лесом в Глинскую пустынь, находящуюся в 6 верстах от станции. Приехав в обитель и поместившись на гостиниой, я, услышав звон к вечернему бого-

⁸² Архимандрит Евгений оставался настоятелем Свято-Николаевского Пустынно-Рыхловского монастыря вплоть до закрытия его в 1922 г.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

служению, пошел в собор к вечерне. Потом позвали меня к схиархимандриту о. Иоанникию⁸³. Келья у него вся в портретах; вскоре вышел сам о. схиархимандрит, приятный старец, и начал любезно со мною беседовать. Сначала он расспрашивал о моем путешествии, а потом перешел на постигшие его скорби, как его хотел удалить из обители и от настоятельства один какой-то генерал, живущий недалеко от обители, и грозился его сослать, но его суд оправдал и ложь и клевета посрамились; рассказывал также, как его утешил Оптинский старец Варсонофий⁸⁴; жаль, что нам помешали и не дали старцу кончить свое повествование; пришел благочинный, старец Назарий и еще какой-то иеромонах рыльский, и тут уже разговор пошел общий. Говорили о страсти табакокурения и также пьянства; как Василий Блаженный видел пьяницу в шинке и как бес, яко блоха, сидел в рюмке, и, когда пивший перекрестился, то бес исчез. Говорил также о гипнотизме. По его словам, гипнотизм — бесовское дело, и тысячи людей ради его погибли. Вообще о. Иоанникий умный старец и слушать его можно с удовольствием. Оставляет меня погостить подольше.

22 [июня], среда. Сегодня за ранней обедней видел новопостриженных монахов; по их уставу они 6 дней пребывают в церкви. Чай пил по приглашению о. Архимандрита. Со мной сидел рядом бывший регент Казанского собора в С[анкт-]П[етер]б[урге] Фатеев⁸⁵, ныне монах Феодосий Московского Покровского монастыря. Вчерашний прерванный разговор об Оптинском старце Варсонофии о. Архимандрит докончил, с благодарностью вспоминая, как его в трудную минуту поддержал и утешил о. Варсонофий, написав ему: «Потерпите только две недели, и вам все вернут», — так все и случилось. Через несколько дней он возвратился в свою обитель, и его во всем утешили. Фатеев подарил мне некоторые свои музыкальные сочинения, а о. Архимандрит книгу «О аскетизме», написанную глинским монахом, испорченным гипнотизмом. Ходил к поздней литургии в скит, находящийся в лесу; хорошая церковь и при ней кладбище; был в типографии и в мастерских: палочной и переплетной. Обедал у о. Архимандрита со вчерашними гостями, и еще был гимназист VII класса из Рыльска; говорили о разных событиях и, между прочим, о. Архимандрит передал такой рассказ, слышанный им лично от покойного архимандрита Иувеналия, бывшего впоследствии архиепископом Виленским⁸⁶. «Когда я был наместником в Невской лавре⁸⁷, то там жил в то время один почтеннейший иеромонах-духовник, весьма исправной и воздержной жизни, а потому пользовавшийся немалою известностью среди мирян, так что к нему многие ходили на исповедь, но при всей своей доброй, воздержной жизни у него была некая страсть, впрочем про которую многие знали, а именно: к стяжанию денег, или сребролюбию, благодаря которой он во всем себя ограничивал, денег никому не раздавал,

⁸³ Схиархимандрит Иоанникий (Гомолко; 1842–1912) состоял настоятелем Глинской пустыни с 1888 г. и в 1912 г. все же был удален с этой должности.

⁸⁴ Архимандрит Варсонофий (в миру Павел Иванович Плиханков, 1845–1913).

⁸⁵ По-видимому, речь идет об Александре Семеновиче Фатееве.

⁸⁶ Архиепископ Курский и Белгородский Иувеналий (в миру Иван Андреевич Половцев, 1826–1904) был перемещен на Виленскую кафедру в марте 1898 г. и занимал ее до своей кончины.

⁸⁷ В должности наместника Александро-Невской лавры в Петербурге архимандрит Иувеналий пребывал в 1867–1871 гг.

а все копил и копил, увеличивая свое стяжание. Но вот, как-то заболев, неожиданно скончался. Конечно, в таких случаях следят и не дали возможности никому воспользоваться чем-либо из оставшегося имущества, принадлежащего покойному. Похоронив иеромонаха, начали, по обычаю, осматривать его келью, ища главным образом его денежного стяжания; но вот беда: искали, искали, все перерыли, а денег нет как нет; уж где-где не искали, но ничего не могли найти и, наконец, утомившись, отступились, недоумевая, куда же они могли деваться? Отдать их он никому не успел, также и взять их никто не мог. Итак, закрыв келью, ушли, оставив пока все вещи нетронутыми. Так прошло несколько времени. И вот, в двадцатый день кончины покойного духовника один лаврский старичок-иеромонах видит замечательный сон. Будто очутился он в келье покойного духовника и видит, что келья полна бесов в виде отвратительных черных ефиопов, как бы в детском возрасте, так лет по 15; все одного роста, а впереди их стоял их набольший, как бы их начальник. Видя это ужасное зрелище, иеромонах затрепетал и подумал: “Вот беда-то моя. Если только они меня увидят, сразу же разорвут”. Между тем, старший, важно выступая, остановился перед большим вольтеровским креслом и, показывая на него рукою, как бы продолжая прежде бывшую речь, с ударением сказал: “Я бы его упрятал вместе с миллионерами, да вот только помешают эти кудлатые да лохматые”, а сам все рукою показывает на кресло. Слыша эти слова, старичок-иеромонах, придя в сильнейший ужас, оградил себя крестным знамением, и вот моментально все это скопище с каким-то шумом исчезло и все духи стали невидимыми. Иеромонах, проснувшись, сильно испугался и все размышлял, что бы этот сон значил. Утром, придя в церковь к утрени, встретился с благочинным, который, заметив изменившееся лицо старца, спросил его: “Что с Вами случилось? у Вас какой-то смущенный вид”. Тот откровенно рассказал про смутивший его сон, прибавив, что “не выходит у меня это видение из головы”. Благочинный, подумавши, сказал: “Это, кажется, сон не простой; надо обратить внимание на кресло, на которое демон указывал рукою, и тщательно осмотреть его. Сходимте-ка, отче, да посмотрим, нет ли в кресле, в самом деле, чего-нибудь; ключи-то от кельи у меня, этого никто и не узнает”. Старец согласился. Вот они пошли и, отворив келью, стали осматривать большое кресло. Сняли с него сначала сиденье-подушку, под ней оказалась деревянная на винтах доска. “Надо осмотреть, нет ли чего под доской; видите, она винтами прикреплена к креслу. Может быть, это двойное дно”. Достав отвертку, отвернули винты и, сняв доску, с удивлением увидели как бы ящик, почти до верху наполненный банковскими билетами. “Так вот где его сокровище-то”, — сказал благочинный: “Нам бы никогда его не найти, если бы не ваш, батюшка, сон”. Сосчитали, оказалось, что 57 000 рублей. Завернув деньги в платок и заперев келью, пошли к митрополиту Исидору⁸⁸ и, рассказав ему все подробно, показали эти деньги. Митрополит изумившись промолвил: “Так вот что! Значит для миллионеров-то есть особенное местечко, если враг хвалился засадить туда покойного. Поэтому и мне надо позаботиться о моих деньгах, и, благословив эти деньги, построить для лавры конюшню и еще кое-что”, а сам вскоре начал строить Исидоровское Епархиальное училище». После обеда ходили в скит, отстоящий от монастыря на рас-

⁸⁸ Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (в миру Яков Сергеевич Никольский, 1799–1892).

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

стоянии около трех верст. Видели старичка-монаха о. Льва, с которым гостил вместе в Иерусалиме, пил у него в келье чай. Из монастыря в скит идет чудная лесная дорога; ходили на пасеку и крумицу; расспрашивали про устав скитский. Оказывается, у них обедня бывает дважды в неделю. Полуночница начинается в полночь, часы с обедницей в 6 часов утра, трапеза дважды в день, пища скоромная. О. Лев мне говорил, что их архимандрит, по приезде из ссылки, человек 200 из братии разогнал, и теперь еще все уезжают. Видел я некоторых братий, ходящих со значками союза русского народа.

23 [июня], четверг. Надумал сегодня отсюда уехать. Отстояв раннюю обедню и молебен св. Николаю, зашел проститься к о. Архимандриту; спасибо ему! Принял радушно, угостил чайком, надавал в благословение книжечек и альбом их обители и просил передать поклон нашему о. Игумену и советовал собраться и действовать против финляндцев, чтобы устроить дружину для охраны монастыря. «Вот у нас во время смуты была устроена дружина в монастыре, человек 200 было; были и пики, револьверы, и враги трижды подходили к обители и, испугавшись, уходили прочь; ведь и Сергиевская Лавра защищалась от врагов; вот и преподобный Сергей дал двух иноков на войну: Пересвета и Ослябю; также и Смоленский архимандрит (имя рек) 20 месяцев защищал город, только после уже нашлись изменники и взорвали городские стены; если вы не будете защищаться, вас могут всех перерезать». Простившись с добрым старичком-архимандритом, который на прощание благословил дать мне лошадей до Софрониевской пустыни, находящейся в 35 верстах от Глинской, придя на гостиную и собрав вещи, я стал в ожидании экипажа разговаривать с братьями. Узнал, что в их обители есть такое правило, что архимандрит может за большие проступки снимать с иеромонахов и иеродиаконов все, и одев его в свитку, послать на некоторое время на черные работы, как бы на покаяние; это делается без архиерея, а отечески, а после снова дают все присущее сану и опять он служит, как ни в чем не бывало. Этот архимандрит к этому правилу не прибегает, а его предшественники, случалось, поступали таким образом с виновными. После ужина здесь, по обычаю, читают на повечерии канон Богородице и вычитку; помянник не читают, а после повечерия кряду молитвы на сон грядущим и также прибавляют: «Владыко человеколюбче», «Да воскреснет Бог», «Ненавидящих и обидящих» и «Исповедую Тебе, Господу Богу»; и когда служащий говорит «Благословите мя, отцы святии и братия» и если есть земные поклоны, то все падают ниц. Старчество здесь есть, но как-то в упадке; я спросил у прислуживавшего на гостинице послушника Илариона: «Ходишь ли ты к старцу?» — и он ответил, что очень редко. Поют здесь просто, и напев, очевидно, разнообразный. Игумен Филарет⁸⁹ погребен в главном соборе за правым клиросом, а Иннокентий⁹⁰ — под теплым собором, в усыпальнице. Распростившись с Глинскою пустынею, поехали по пыльной дороге мимо сел и деревень по направлению к Софрониевской пустыни. Ехать было пыльно, и к вечеру приехали в Софрониевскую обитель, и только что я взошел в отведенное помещение, как загудел к Воскресному бдению могучий монастырский колокол 1 030 пудов (в Глинской пустыни — 700 п.[удов]).

⁸⁹ Архимандрит Филарет (в миру Фома Данилевский, 1777–1841) настоятель Глинской пустыни в 1817–1841 гг. Церковный писатель.

⁹⁰ Архимандрит Иннокентий (в миру Яков Фирсович Степанов, † 1888) в Глинской пустыни с 1845 г., настоятель в 1862–1888 гг.

Я поспешил в церковь и пришел еще до начала Богослужения. Чудный собор, красивый золотой иконостас, за правым клиросом чудотворная икона Божией Матери «Молче-Софрониевская», а над царскими воротами другая чудотворная икона «Иверская», или «Вратарница»; есть еще чудотворная икона Св. Николая. Пение хорошее и гораздо лучше, чем в Глинской. Сию обитель, оказывается, когда-то посещал о. Иоанн Кронштадтский. Обитель древняя, существует более 500 лет; посещала эту обитель Императрица Елизавета Петровна и знаменитому архимандриту Феодосию⁹¹ пожертвовала громадный участок земли в Херсонской губернии; но по времени, когда они устроили там скит, то он отделился от монастыря и отобрал всю землю. Это и есть, где я был, знаменитый Бизюков монастырь. Братии в Софрониевской пустыни 300 человек: лишних они не принимают; — «нам, — говорят, — и этого количества довольно. А то вот глинский настоятель набрал много братии, а потом стал стеснять их: то чаю не дает, то булок по праздникам не пекут». Софрониевская пустынь называется по имени строившего ее купца из города Путивля — Софрония, а Молчановская — по имени болота, находящегося рядом с монастырем, зовомого Молча. Есть около монастыря и пещеры, где раньше спасались подвижники, почему полное название обители такое: «Путивльская Молче-Софрониевская Печерская пустынь». Во время всенощной я взшел в алтарь и поздоровался с архимандритом о. Маврикием; почтеннейший, седой старец, переведен сюда из штатного Путивльского монастыря, о чем мне, как бы сетуя, и говорил; расспрашивал меня про Валаам и затем пригласил завтра после обедни к себе на чай.

24 мая, пятница. Всенощная кончилась в 11 часов, был у ранней обедни, а после с иеромонахом о. Иоилем пошли в скит, находящийся недалеко от монастыря. Придя в скит, зашли к начальнику онога, маститому старцу игумену Филарету, живущему в монастыре уже 63 года. Приняв нас любезно и узнав, что я с Валаама, он начал мне говорить: «Я Валаам давно знаю и помню еще, когда был бунт на Валааме и многих монахов разослали по другим монастырям, в том числе и вашего игумена Варлаама; хорошо я также знал и протоиерея Левашева, жившего у вас на Валааме, а после проживавшего в Глинской пустыни. Я вашего игумена Дамаскина, — продолжал старец Филарет, — не одобряю за излишнюю строгость; про него и епископ Феофан Затворник в письмах писал, что слишком вдался в постройки и в работы. Да, с Валаамом я знаком», — заключил о. Филарет. Я сказал ему, что теперь уже на Валааме у нас не так строго и устав стал помягче. «А коровы есть?» — спросил он. «Да, есть» — ответил я. «А вот раньше их на острове не дозволялось иметь», — заметил он. Потом о. Иоиль ушел, оставив нас вдвоем с игуменом, и я стал спрашивать его кое-что о духовной жизни. Во-первых, он советовал ради послушания тянуть иго старчества, только приучать учеников, чтобы они про других не говорили, а только про себя (вчера архимандрит о. Иоанникий Глинский мне говорил, чтобы я советовал ученикам больше читать Авву Дорофея, да и самому его хорошенько изучить). Дальше старец Филарет советовал мне имущих великие и тяжкие грехи отсылать к другим духовникам и многое другое, весьма полезное, касательно

⁹¹ Сохранилась легенда о том, что в 1744 г. императрица Елизавета Петровна посетила Софрониево-Молченскую Печерскую пустынь Рождества Пресвятой Богородицы. Однако о. Феодосий (в миру Федор Маслов, род. в 1720 г.) был назначен настоятелем ее только в 1779 г. Императрица Екатерина II посетила монастырь в 1787 г., после чего о. Феодосий был возведен в сан архимандрита. В 2009 г. архимандрит Феодосий прославлен как местночтимый святой Украинской Православной Церковью Московского Патриархата.

духовного руководства говорил мне; потом пошли в скитскую церковь, маленькую, но весьма уютную и красивую. Осмотревши церковь и простившись со старцем, давшим мне в благословение просфору, зашли в скитскую трапезу, где на стенах висят большие портреты великого старца Паисия Величковского и ученика его здешнего архимандрита Феодосия, жившего еще при Екатерине Великой. О. Феодосий с интересным посохом, сохраняющимся и поныне в ризнице; я его после видел и долго любовался. Он сделан из черного дерева, весьма массивный, а наверху из белой полированной кости прикреплен череп, небольших размеров, и под ним крестообразно две берцовые кости. В общем, изящно и поучительно; мне этот посох весьма понравился — он сделан в монашеском вкусе — смотри, дескать, архимандрит, не забывай своей участи и не увлекайся славой и честью. Еще висит картина, изображающая почтенного монаха-старца, сидящего у дверей кельи и о чем-то глубоко задумавшегося. «Это наш юродивый — монах Сергий, — сказал мне о. Иоиль, — живший в обители 50 лет и многим пророчески предсказывавший их будущее. Например: архимандриту Ювеналию, когда он приехал в Софрониевскую пустынь и случайно увидел старца, сеявшего муку, он сказал: “Помоги мне муку-то сеять, а то когда архиереем будешь, тогда тебя, небось, не заставишь”». И другим многим также он предсказывал. Затем прошли мы на колодезь, откуда машиной воду поднимают в монастырь; топят здесь торфом, который тут же из болота достают. Он, оказывается, весьма хорошо горит, особенно если прессованный машиной. Земли, принадлежащей монастырю, около 5 000 десятин; живут здесь богаче Глинских, и постройки, и пища у них лучше; окрестные жители весьма к ним расположены и относятся к ним с уважением. Пришли в монастырь к поздней литургии; служил о. Архимандрит с духовником и уставщиком; седые высокого роста и представительные старцы. Поучение читал иеромонах Паисий по книге, составленной протоиереем Бондаковым⁹², весьма хорошо. После литургии пошли к о. Архимандриту пить чай; затем, придя в церковь, пошли с пречистой в трапезу. Посадили меня, как я ни упирался, рядом с о. Архимандритом. Пища довольно хорошая: 1-ое большая рыба, которую раскрошили, налили квасу, положили хрену и так кушали; потом по рыбке дали для борща, кое-кто крошил себе в тарелку, но рыбка солена и костиста; на 2-е подали борщ, после чего поставили что-то вроде супа с макаронами; хороший белый хлеб и черный также. После, по афонскому обычаю, побросали куска или укрухи, в кошницу; затем подали на большом блюде коливо, очень красиво обделанное: наверху золотой крест, а по бокам ягоды и еще что-то. Духовник, сидящий по левую сторону архимандрита, разрезал коливо на 4 части и одну часть дал на правый стол, другую на левый, а оставшееся покрошил для среднего стола и все стали брать по кусочку. У них,

⁹² Протоиерей Василий Анастасиевич Бандаков (иногда встречается написание Бондаков, в том числе и в нескольких им оставленных брошюрах, 1808–1890) духовный писатель, настоятель храма св. Архангела Михаила в Таганроге. Автор книги «Царство благодати, или Собрание истин и примеров из жития святых, по Четьи Миней. В помощь проповедникам слова Божия и для назидательного чтения православным христианам. С алфавитным указателем» (Таганрог, 1881; 2-е изд. М., 1901). Им же подготовлено 12 томов проповедей на разные случаи под общим заглавием «Простые и краткие поучения» (печатались в Екатеринославе, Харькове, Таганроге, Иркутске и других городах в 1875–1885 гг.). 26 января 1890 г. в газете «Новое время» А. П. Чехов напоминал в неподписанном некрологе: «За время служения его Церкви им было произнесено несколько десятков тысяч проповедей, из которых самые выдающиеся по своей простоте, силе и прекраснейшему выразительному языку изданы в 12-ти томах под общим заглавием «Простые и краткие поучения». [...] Он не боялся говорить правду и говорил ее открыто, без обиняков».

оказывается, во все праздники бывает коливо, даже и в полиелеи, так что в году около 85 раз подают коливо. Еще позабыл я: перед раздроблением колива архимандрит и мы вчетвером, т. е. 1-ое блюдо, качали его, а духовник говорил какие-то слова, а чтец отвечал: «Бог да спасет и помилует их». После кутьи духовник, взяв пречистую и среднюю часть или треугольник \triangle оставил, а остальные отдал чтецу и сию часть положил на плат с вышитым на нем золотым крестом и еще каким-то изображением, и стали качать его, а певчие пели, кажется, «Достойно есть», и по сем, как у нас, отламывали каждый себе по кусочку, а эклисиарх (sic!) с ручной кадилницей шел сзади и кадил всех, причем каждый, прежде чем положить кусочек просфоры в рот, держал его над курящейся кацией. После трапезы зашли в ризницу, где много есть старинных и дорогих облачений. Есть ризы Императрицы Екатерины из ее Царской порфиры: с вензелями; показывали изящное Евангелие, рукописное, написанное художественно и крупным почерком; трудился, говорят, писарь над ним 25 лет. Видел крест с васильками, которые у них, по обычаю, в Воздвижение воздвигают. Показывали сосуды для соборования всей братии, бывающее у них всегда в Великий Четверток; хорошая ризница, и содержится исправно. Зашли потом в бак, куда вода из-под горы поднимается машиной. Бак вмещает в себя 4 000 ведер; побывали затем в пещерах, которые существовали с давних пор; очень большие они и, видно, много труда доставили они подвижникам, чтобы их устроить. Поднимались на колокольню, откуда любовались окрестными видами. Большой колокол название носит отца Иоанна Кронштадтского; на колоколе вылито изображение упомянутого батюшки. Мне понравился бой часов: бесподобно выстукивают четверти, с удовольствием слушаешь — как-то гармонично и приятно. Пил чай у иеромонаха о. Иоилия; дали обещание друг за друга всегда молиться. Братии клиросные показывали мне их рукописные (sic!) ирмологи, написанные их уставщиком Филаретом, бывшим впоследствии знаменитым Глинским игуменом. Отличаются от Знаменного порядочно, и они только по этим нотам и поют, и держатся своего древнего напева. Честь им за это! Подобны поют такие же, как и у нас. Уговаривают меня они погостить у них до Воскресенья; хотя мне и хотелось бы поскорее уехать, дабы до дома добраться пораньше, но не могу презреть их любви и не уважить просьбы. Вечерню стоял рядом с иеромонахом старцем Полихронием, вспоминал он прежнее дивное пение, хвалил прежде бывших канонархов, называя их ангелами по виду и голосу. О Глинских монахах отзывался не особенно важно.

25 [июня], суббота. Перед ранней литургией читали во главе с о. Архимандритом соборне торжественный акафист Божией Матери и на молебне пели все Благовещенские стихиры. И аз сподобился чести (т. е. читать). После молебна и акафиста вслед за отцом архимандритом меня попросили помазывать елеем всю братию и богомольцев, по окончании чего, оберши полотенцем чудотворный образ Царицы Небесной, снес его в алтарь и положил на престол. После, по приглашению, пошел к отцу архимандриту на чай. Простой и любезный старец о. Маврикий; сели мы вдвоем, подали нам самовар, сам он разливал чай и говорил просто и поучительно о разных предметах. Он родом курянин и вспоминал преподобных Серафима Саровского и Феодосия Печерского. Позвал меня он на обед и пригласил остаться до завтра и с ним послужить. Не знаю, ехать ли мне в Саров, или из Задонска прямо в Оптину. Вразуми и управи, Господи, путь мой, молитвами Богородицы! Обедали у о. Архимандрита, куда

был приглашен еще один господин из города Путивля. В 4 часа пополудни началась вечерня; служба шла как и у нас на Валааме, стихиры под канонарха; после вечерни кряду ужин, на котором братии было немного, человек 20, и все больше молодежь; подавали две перемены: суп с сушеной рыбой, да борщ, но последнего никто что-то не ел, видно, не нравится; читал во время трапезы мальчик и, по окончании ужина, иеромонах говорил ектенью: «Помолимся о Благочестивейшем», и т. д. После ужина в церкви читали малое повечерие, канон Живоначальной Троице, сокращенные каноны Спасителю, Божией Матери, Ангелу Хранителю, а по окончании повечерия прибавили молитвы на сон грядущим и даже «Владыко Человеколюбче», «Да воскреснет Бог», и т. д.; после сего некоторые священнослужители исповедывались у духовника в алтаре перед самым престолом, что и я исполнил, исповедуясь перед престолом и получая пред ним разрешение во грехах. Это мне весьма понравилось. Смотрел, как здесь исповедуют приходящих богомольцев; здесь принято у простолюдинов во время исповеди, положить два пальца на Св. Евангелие, каяться во грехах, о чем дорогою, идя из церкви на гостиницу, спорились между собою две деревенские женщины, и одна доказывала, что у них все так делают, и это непременно нужно, чтобы положить два пальца на Евангелие, а другая, не соглашаясь говорила, что можно и не класть, и так исповедываться; уж не знаю, откуда здесь сей обычай. Всенощная была торжественная. Выходили на литию, как и у нас, в ризах. Крестный ход, предполагавшийся на всенощной, отменили вследствие дождливой погоды, а решили устроить завтра после поздней обедни. Особенности здешнего богослужения, на которые я обратил внимание, следующие: в начале всенощной каждение бывает по-афонски: иеромонах в ризе, а диакон в мантии и поручах; на величании — священнослужители сами, беря свечки от пономаря, зажигают их; стиховна поется на клиросах; антифоны, как и у нас, все поются сполна, по крючкам, но басовая партия подделана так, что пение выходит очень приятно. Ирмосы поют, а припевы чтец читает; на девятой песни «Богородицу и Матерь Света» говорит диакон перед престолом; «Слава Тебе, показавшему нам свет» говорит диакон и тоже в алтаре.

26 [июня], воскресенье. Утром повезли чудотворную икону Иверской Божией Матери в окрестные селения; простился я с дорогим о. Иоилем, и он на прощание, спасибо ему, открыв образ, дал мне возможность облобызать святую икону. Позднюю обедню служил о. Архимандрит соборне; меня принудили стоять с правой стороны первым, аще и не хотел, так как стыдно было стоять мне впереди почтенных старцев. На проскомидии у них существует хороший обычай, понравившийся мне: каждому иеромонаху дают просфору и он, отшед в удобное место, поминает своих сродников и знаемых, кладя частички в маленький ковшичек, из которого после высыпают уже на дискос. Была паки кутья или коливо. В конце обедни пели тропарь и кондак праздника и после настоятель читал положенную в требнике молитву. По окончании обедни вокруг церкви был крестный ход с чудотворной иконой. В трапезе снова я обратил внимание на чин о панагии: части из просфоры не вынимают и просфора небольшая, средину дробят для братии, ☉, а края отдают чтецу; над коливом в трапезе говорят, приблизительно, такие слова, поднимают его, а служащий глаголет: «Во славу Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», чтец отвечает: «Тому подобает честь и держава ныне и присно и во веки веков». Служащий снова говорит: «В честь и память Преподобной Владычицы нашей Бо-

городицы и Приснодевы Марии, Ея же и память совершаем»; теще отвечает: «Тоя молитвами, Боже, помилуй и спаси нас». Пречистая здесь бывает ежедневно, также, как и в Почаеве. Отец архимандрит пригласил меня на прощание к себе на чай; пили вдвоем, без келейников; рассказывал добродушный и простой отец Маврикий о своем житье в Путивльском монастыре, где он жил 15 лет, управляя монастырем, и был очень доволен тамошней жизнью; потом его неожиданно перевели в Софрониеву пустынь и сделали благочинным над всеми монастырями Курской епархии. «В то время в пустыни было неспокойно, — рассказывал о. Маврикий, — некто иеромонах Иосиф смущал всю братию и взошел в доверие Владыки и, как бы обманом получа благословение и поддержку от отца Иоанна Кронштадтского, обещался приобрести для монастыря с помощью благодетелей большой колокол, и заказав на заводе оный, весом в 1 000 пудов, стоящий 20 000 рублей, он при всем старании мог собрать только 5 000 рублей, а остальную сумму просил, чтобы монастырь тайно заплатил, так как, дескать, колокол будет монастырский. И старцы монастырские, не обдумавши хорошенько, негласно послали ему недостающую сумму. Он же, отобрав счета, впоследствии всюду разглашал, даже и Владыке говорил, что деньги за колокол он заплатил свои, собранные от благодетелей, и Владыка был очень доволен им за это. Когда же умер здешний настоятель, то он убеждал и уговаривал братию, чтобы его выбрали в архимандриты, но при выборах за него подали голоса только 18 человек; все же он после этого домогался и силился занять место настоятеля и только уже тогда, когда назначили архимандритом Маврикия, который подробно донес о всем в консисторию, он принужден был совсем удалиться из монастыря и теперь живет у Владыки и грозит паки приехать и быть настоятелем». Простились с добрейшим о. Архимандритом, который дал мне в благословение книгу, описание⁹³ их Софрониевой пустыни и, проводив меня до лестницы, сердечно распрощался со мной. Мне подали пару монастырских лошадей, и мы с вызвавшимся меня проводить монахом Никифором, канцеляристом, поехали через болото Молча на станцию Теткино, находящуюся в 6 верстах от монастыря. Дорогой о. Никифор мне читал составленную им статью, которую он намеревался послать в редакцию «Русский инок» про их монаха Сергия Юродивого. По дороге заехали на монастырскую мельницу, подаренную монастырю императором Петром II. Работа на оной хорошая, а также есть продажа муки, крупы и овса и т. п. В общем, мельница кормит хлебом всю братию, т. к. многие окрестные жители мелют у них и за это дают известный процент монастырю. Простившись с отцом Никифором, я сел в вагон отходящего поезда. Ехал всю ночь; было две пересадки на ст. Ворожба и Курск, и утром приехал в Белгород. Наняв извозчика, при сильном проливном дожде поехал по городу и остановился в гостинице женского Рождества Пресвятыя Богородицы монастыря. Оставив вещи в отведенном мне помещении и, узнав, что по соседству с монастырем служат молебен пред чудотворной иконой Божией Матери Явленной, пошел туда и, прослушав акафист, водосвятие и панихиду и приложившись к иконе, приглашен был матушкой казначеей со священством на чай, во время которого говорили о чудном

⁹³ По-видимому, речь идет о книге: «Описание Софрониевой пустыни и скита при ней», изданной в 1910 г. и составленной на основании исследования архим. Палладия (Батенина) «Историко-статистическое описание Молчанской Рождество-Богородицкой Печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни и состоящего при ней скита со имя Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, находящихся в Курской епархии. (Издание Софрониевой пустыни)». М., 1895. То же: М., 1914.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

пени гостившего у них Леснянского женского хора, вчера уехавшего; батюшки расспрашивали меня про Валаам. После чаю пошел в собор к Святителю Иоасафу. В церкви происходит ремонт; в пещеру, находящуюся под полом собора, где покоятся мощи святителя, надо спускаться по круглой лестнице. У раки почти непрерывно служат панихиды, ставят свечи. Попросил разрешения отслужить панихиду, что мне охотно разрешили. Я поминал Святителя, также его родителей Марию и Андрея и своих родных и близких людей; купил икону, освятил ее на мощах Святителя; осмотрев не особенно большой собор, я встретился с иеромонахом-ризничим и попросил у него разрешения послужить завтра литургию. «А у вас есть разрешение?», — спросил он. Я сказал, что при себе нет, оно осталось в чемодане на гостинице. Велел мне приходиться в 4 часа на панихиду и на вечерню. Я попросил его открыть и показать мне лицо святителя Иоасафа, и ризничий согласился и, спустившись вниз в пещеру, открыл мне лицо Святителя. Я приложился к челу и седым волосам; лицо слегка темноватое, но все черты лица хорошо сохранились, только бороды не заметил; народ бросился к мощам, и ризничий поспешил их снова закрыть. Осмотрев небольшой городок, был снова в соборе и, простившись со Святителем и облобызав его чело и ручки, надумал сегодня же уехать отсюда по направлению к Оптиной пустыни через Горбачево до города Козельска.

28 [июня]. Проехав Орел, к вечеру добрался до Козельска и, наняв лошадь, поехал в Оптину. Переехав на пароме через реку Жиздру и придя в монастырскую гостиницу, где, оставив свои вещи в отведенном мне помещении, сам пошел в монастырь. Зашел к старцу иеромонаху Анатолию⁹⁴. В ожидании с ним беседы много стоят богомольцев; с некоторыми из них он беседует при всех, а некоторые просят у него побеседовать с ним наедине. Увидев меня, он пригласил в свою келью и стал расспрашивать откуда я, и, узнав, что я был в Иерусалиме, спросил кое-что про Святой Град. Зазвонили ко всенощной, и я поспешил с ним проститься. Завтра день первоверховных апостолов Петра и Павла. Церковное богослужение шло чинно, пение было довольно стройное, пели нотное, партесное, стихиры Петру и Павлу пели по нотам довольно хорошо. Взошедши в алтарь, я поздоровался с о. архимандритом Ксенофонтом⁹⁵; на вид он довольно уже старый; кое-что спросил он меня. Седальны поют сидя, как и у нас; последнее величание поют все вместе на середине: Священнослужители и клиросные, что выходит очень торжественно; между кафизмами читали поучение по-русски, кажется из сочинений Дьяченко⁹⁶.

29 [июня]. Петра и Павла. Раннюю стоял в обители и в конце пошел в скит, там еще только читали Евангелие. Служил игумен Варсонофий соборне; церковь уютная, образа почти все в серебряных ризах и вся украшена ими.

Игумен Варсонофий уже весь белый маститый старец; обедню пели на два клироса; после обедни был молебен Св. Апостолам Петру и Павлу. По дороге из скита в мо-

⁹⁴ Оптинский старец Анатолий младший (в миру Александр Алексеевич Потапов; 1855–1922).

⁹⁵ Схиархимандрит Ксенофонт (в миру Василий Иванович Ключин, 1845–1914).

⁹⁶ Протоиерей Григорий Михайлович Дьяченко (1850–1903) магистр богословия, известный проповедник. Опубликовал несколько сборников поучений и проповедей, в том числе: *Дьяченко Г. М., прот. Слова, поучения, беседы и речи пастыря Церкви на разные случаи*. М., 1898; *Он же. Полный годичный круг кратких поучений, составленных на каждый день года*. М., 1901; *Он же. Проповедническая энциклопедия. Спутник пастыря-проповедника*. М., 1903.

настырь разговорился с одним послушником, и он выражал большое сетование и жалел покойного старца Иосифа⁹⁷, а про нынешнего старца о. Варсонофия отзывался не так восторженно, но говорил, что иной раз о. Варсонофий бывает и рассердится, проберет, а о. Иосиф был неизменно кроткий и любовный и умел утешать. Теперь настоящего старца у нас пока еще не выбрали. Снова зашел к старцу иеромонаху о. Анатолию. Совета настоящего он мне не дал, но подарил монастырской работы солонку, подсвечник и схиму, Бог знает, к чему все это; хороший и добрый старец. Был паки в скиту, но старец Варсонофий никого не принимал: видно, отдыхал после служения. Я прошелся вокруг скита, который будет пообширнее нашего Большого скита; показали мне могилку нашего Валаамского игумена Варлаама⁹⁸ и его молитвенную клетушку на пасеке, куда он уединялся для молитвы и созерцания. Рассказывали старцы, что святой был игумен Варлаам, нестяжательный, молитвенный, жалостливый; бывало, говорят, выйдет зимой из кельи, посмотрит на птичек, сидящих на деревьях и со слезами начнет говорить: «Бедные птички, сидят и мерзнут на холоде, а я-то, грешник, в теплой келье сижу и утешаюсь; бедненькие, за меня страдают и мучаются; я согрешил, а они страдают», и при этих словах горько заплачет. Это состояние души, по Святому Исааку Сирину, очень высокое, когда человек жалеет всех и проливает слезы о всей твари. Попросил разрешения осмотреть келью покойного старца Амвросия⁹⁹. В них же жил только что скончавшийся старец иеросхимонах Иосиф. Все кельи украшены картинами и фотографическими снимками, изображающими духовных мужей и священные события, и знаменитые местности, но Валаама, а также и чад его я не заметил. Послушник Стефан показал мне все помещения, сводил меня и в хибарку, где старцы женщин принимали; скучают они все об почившем старце Иосифе. Рассказывал мне брат Стефан, что старец Иосиф принимал больше с 9 часов утра и до 12 дня, а потом обедал, отдыхал; далее принимал с 2-х часов до 5, т. е. до вечерни, и принимал просто, без различия, всех с любовью, но монашествующих принимал лучше и дольше с ними беседовал; когда кто открывался ему, то он больше все молчал, только перебирал четки, что скажут, опять слушает до тех пор, пока человек не выскажет все, что у него на сердце, а сам никогда не заторопит человека и не смутит его. Братия здесь, по древнему обычаю, открывается старцам на коленях. Был в монастырской трапезе за обедом; трапеза прекрасная и вся сплошь расписана чудною живописью; на окнах стоят цветы. Особенно мне понравилась одна великая картина, на которой изображен повар Ефросин, дающий в сонном видении своему игумену 3 яблока. Изображен чудный райский сад, цветы, дивные растения и написано очень хорошо и поучительно. Пища весьма хорошая: 1-ое вроде заливного с разными приправами, и все это с квасом развели и кушали, как холодное, 2-ое борщ, 3-е суп с осетриной, а 4-е пшенная каша. Пречистую не раздробляли, как у нас, а резал ножом сам архимандрит и резал ее на мелкие части, и чин о панагии не наш и не афонский, а какой-то иной. После обеда, наняв извозчика, поехал в Шамордино, в Казанскую Амвросиеву обитель. По приезде в монастырь, остановившись в гостининой, разыскал сестер, которым мне надо было пере-

⁹⁷ Иеромонах Иосиф (в миру Иван Евфимович Литовкин, 1837–1911).

⁹⁸ Игумен Варлаам (в миру Василий Давыдов, 1767–1849) был настоятелем Валаамского монастыря в 1830–1839 гг.

⁹⁹ Иеромонах Амвросий (в миру Александр Михайлович Гренков, 1812–1891).

дать пакет из Киева от о. Геронтия. Приняли как родного; угостив чаем, повели показывать их монастырь; вошли в больницу, занимающую большое помещение, где довольно много недугующих. Побеседовал с 27-летней схимницей Надеждой, находящейся при последних градусах чахотки. Затем прошли в богадельню; какое изобилие старух, калек и слепых! Вот где собрание страдальцев. Все наперерыв просят благословения. Вообще в Шамордино к монашествующим относятся очень внимательно; у них церковные службы справляют оптинские иеромонахи, а причта еще нет. Собор, выстроенный московским купцом Перловым¹⁰⁰, здесь же и погребенным, очень обширный, светлый и приятный. Алтарь находится внутри церкви, а не как везде — занимающий всю восточную часть храма, так что вокруг алтаря все свободно ходят. Были в кельях батюшки о. Амвросия, где он скончался; около кровати висит большой портрет, изображающий полулежащего старца, в каком виде обыкновенно принимал он посетителей; везде сплошь все уставлено иконами и картинами и всюду примерная чистота; все вещи остаются нетронутыми, как были при батюшке. Усердием покойного Перлова вокруг домика устроен каменный дом, так что домик находится как бы в футляре. Прошли в первоначальную церковь, где сестры раньше молились, когда еще не было выстроено собора; были и в типографии; довольно большая; сестры приобрели и подержанную машину по случаю за 1 000 рублей, да двигатель керосиновый за 700 рублей, и вот работают для духовной пользы посетителей их обители. Честь им за это и слава! Рассказывали сестры про выборы своей новой настоятельницы.

Калужский Владыка¹⁰¹, послав архимандрита для выбора настоятельницы в Шамордине, благословил наперед заехать в Оптину к старцу Иосифу и на кого старец укажет, ту и выбрать в настоятельницы. Старец Иосиф указал на простую монахиню Валентину¹⁰², заведующую богадельней, а она к этому не готовилась и никогда в голове не имела, чтобы быть игуменьей. По приезде в монастырь о. Архимандрит стал осматривать помещения и мастерские, пришел и в богадельню, чтобы поглядеть на нее. При прощании она стала просить его святых молитв: «Помяните меня, грешную, батюшка», — сказала она. «Хорошо, помяну, помяну, — ответил архимандрит, — вот сейчас пойдем выбирать новую настоятельницу и помяну». Она и не догадалась, про что это он сказал. «На выборы она и не торопилась идти, думая, что и без нее выберут. Собравши всех сестер архимандрит объявил им, что Владыка благословил выбрать в игуменьи ту монахиню, на которую укажет старец Иосиф; старец же указал выбрать монахиню Валентину. Сестры не сразу догадались, о какой это Валентине говорят, потому что их не одна в обители, а когда узнали, что это управляющая богадельней, то все удивились этой неожиданности; большинство беспрекословно подчинилось воле уважаемого старца, а некоторые, хотя сначала не хотели подписаться, но после, когда их спросили: «Почему вы не хотите подписаться?» — то они, рассудив, против кого они идут, то есть против дорогого старца, тоже согласились. Между тем, сестры побежали за новой игуменьей в богадельню и торопили ее немедленно идти на выборы: «Там тебя все дожи-

¹⁰⁰ Сергей Васильевич Перлов (1836–1910), московский чаеоторговец, благодетель Шамординской обители.

¹⁰¹ Т. е. епископ Александр (в миру Александр Митрофанович Головин, 1844–1916), занимавший Калужскую и Боровскую кафедры в 1910–1912 гг.

¹⁰² Схимигуменья Валентина (Розанцева, 1864–1919), управлявшая обителью в 1911–1919 гг.

даются», — говорили они. Она удивилась, для чего это она так нужна, и, когда пришла и узнала, в чем дело, то залилась слезами и просила и умоляла освободить ее от этого непосильного для нее бремени, но архимандрит, исполняя волю старца, не внял слезам и поздравил ее со званием настоятельницы. Между тем объяснилось дело, почему это старец на Валентине остановил свой выбор; после он некоторым говорил, что дважды слышал какой-то голос: «Валентина игуменья», и принял это за волю Божию; к тому же он знал ее добрую чадолюбивую душу; в богадельне все ее называли «мать наша», и что же, теперь сестры не нарадуются, глядя на смиренную свою игуменью, и бегут к ней, как к родной матери, а она кого приласкает, кого утешит и для всех служит успокоением. Видно, покойный отец Амвросий, заботясь о своей обители, даровал им эту добрую и смиренную игуменью; много есть в обители заслуженных и образованных сестер, но вот выбор старца пал на неученую и простую монахиню. Сожалел я, что не застал ее дома, так как она по монастырским делам уехала в Калугу. Наградили меня сестры книжечками, четками, проводили меня до гостиной, и я отправился обратно в Оптину.

30 [июня], четверг. Утром после ранней обедни пошел в скит к старцу отцу игумену Варсонофию. Придя в переднюю келью и сказав келейнику, чтобы доложили старцу, принимавшему кого-то в другой келье, я, в ожидании беседы со старцем, присел с другими ожидавшими на стоящую здесь лавку; на столе лежали некоторые духовного содержания книги, и братия, ожидая, пока их старец примет, читали эти книги. Наконец вышел старец; поверх подрясника на нем была надета коротенькая полумантия; он начал скоро отпускать послушников; один просил благословения сходить в баню. «А ты давно уже ходил?» — спросил старец. «Да уж давно, батюшка», — отвечал тот. «Что же, год, два или три не был?» — «Уже недели три, как не ходил», — отвечал брат. «Ну, сходи, сходи; ну а ты что скажешь?» — спросил он другого. Тот стал что-то говорить. «Мне теперь некогда», — сказал старец; «вот сейчас приехал к нам архиерей Ярославский» (впоследствии оказалось, приехал Сильвестр, викарий Ярославский¹⁰³). Подойдя еще к одному, желавшему поступить в монастырь, старец благословил ему хорошенько выкупаться в их речке; так как, говорил старец, «от тебя и от одежды дух тяжелый», потом он поздоровался со мною, пригласил меня в другую комнату и, указав мне рукою на стул, стал расспрашивать, откуда я, и, узнав, что я с Валаама, между прочим сказал про нашего о. игумена что он его лично знает, так как виделся с ним на монашеском соборе в Сергиевской Лавре и, хотя о. Маврикий больше молчал на соборе, но все же сказал несколько слов хороших. Я передал ему поклон и благодарность от Глинского схиархимандрита Иоанникия; старец стал говорить: «Великую смуту враг вносит в обители; ведь отец схиархимандрит Глинский — это столп, а вот враг какое гонение на него воздвиг: всю братию смутил и чуть его из обители не изгнал. И у нас было тоже недавно великое смущение, поколебавшее весь скит». Я спросил: «Что же такое у вас было?» «Да вот после смерти иеросхимонаха Иосифа просили его духовные дочери в скиту отслужить панихиду; а у нас вход в скит женщинам воспрещен; они же стали просить, шуметь, жаловаться, и из-за этого произошла большая смута». В конец беседы я спросил у старца: «Как поступать духовнику с послушниками, болеющими душевными и плотскими

¹⁰³ Архимандрит Сильвестр (в миру Александр Алексеевич Братановский, 1871–1932) 4 апреля 1910 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. С 1929 г. архиепископ Калужский и Боровский.

страстями, если они каются и желают отстать от дурных привычек, но не могут долгое время противустоять и отражать плотскую брань; терпеть ли духовнику сии их немощи, или советовать уехать в мир, поступая по слову Апостола: “лучше есть жениться, нежели разжигатися”». Старец советовал терпеть и увещевать, потому что если удалить их из обители, то они впадут во вся злая, а лучше вразумлять, наказывать, даже временно от причастия отлучать, освобождать от вредного послушания или из одной кельи перевести в другую, давать эпитимьи, но не отгонять и даже до смерти терпеть их немощи. Дав в благословение просфору, мы с ним любезно распростились. После поздней обедни я зашел к только что отслужившему литургию благочинному иеромонаху Феодоту. Он меня радушно принял, и мы с ним минут 20, до самой трапезы побеседовали. Он спросил меня: «Были ли вы у наших старцев?» — «Был, — ответил я, — у отца Варсонофия и у отца Анатолия». — «Ну вот и хорошо», — ответил он. «А кто теперь у вас, батюшка, будет за главного старца?», — снова спросил я. «Это пока никак нельзя определить», — ответил он, — «просили мы отца архимандрита Агапита¹⁰⁴, ученика покойного о. Амвросия, живущего у нас в обители на покое, чтобы он принял на себя это великое дело и потрудился на пользу других, но он отказывается, ссылаясь на старость и на свои телесные немощи. К отцу Варсонофию хотя братия наша и ходит, но не так расположена, как к покойному отцу Иосифу; он, знаете ли, человек из военных, и сегодня вас хорошо примет, а завтра накричит или вовсе откажет в приеме; уже и не знаем, кто у нас теперь в обители будет за главного старца», — заключил беседу о. Феодор. Пожелав им выбрать доброго и многоопытного старца для продолжения славы их знаменитой обители и для пользы приходящих богомольцев, я распростился с ним. Побывав еще раз на могилке Оптинских старцев и поблагодарив гостинника о. Михаила, я поехал на станцию, держа путь к Тихоновой пустыни. Не доезжая ее, я сошел с поезда на разъезде, и как меня раньше учили, протелеграфировал в Сергиевский скит, отстоящий от разъезда в 3-х верстах, чтобы мне выслали лошадь; ответили, что вышлют. В ожидании лошади я стал прохаживаться по платформе; время было уже позднее, 11 часов ночи. Погода стояла довольно прохладная; вдруг неожиданно узнаю, что в лесу, через который мне нужно ехать в скит, скрываются 6 человек экспроприаторов, которые ограбили какого-то чиновника, тяжело его ранив; и вот теперь их видели, что они находятся около этого места, и их ловят, делая облаву, присланные солдаты и жандармы; даже сегодня их видели и погнались за ними, но они скрылись в лесу; все они вооруженные, «Вот, — подумал я, — попался как раз на разбойников, время ночное, кругом дремучий лес, и я должен проезжать этим местом, где они скрываются; отказаться и не ехать неловко, так как просил выслать мне лошадь, которая, действительно и приехала скоро за мной». «Ну, — подумал, — без воли Божией ничего не может быть», — и на этом успокоился. Поехали и, хотя жутко было ехать в полунощное время дремучим лесом, но, однако, с молитвою благополучно доехали до скита, где я и поместился в деревянной гостинице.

1 июля. Утром пошел к ранней литургии, утренняя здесь служитя с вечера; скит еще новый, только что создается в память Великого князя Сергея Александровича¹⁰⁵;

¹⁰⁴ Схиархимандрит Агапит (в миру Андрей Иванович Беловидов; 1842–1922), автор жизнеописания старца Амвросия.

¹⁰⁵ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905). Генерал-губернатор Москвы. Убит И. П. Каляевым.

поют просто и неискусно; братия, видно, кто с бору, кто с сосенки; управляет иеромонах Герасим, он же и основатель скита¹⁰⁶. После обедни поздоровался с ним, и он пригласил меня к себе на чай; все еще у них новое и строящееся, и всюду видны рабочие; настоятель мало дома живет, все больше разъезжает по сбору, а управляет скитом казначей, которого братия не особенно долюбивает за его строгость. Мирские чтут настоятеля и ходят к нему во множестве. Узнав во время беседы с о. Герасимом, что один из послушников поедет на почту в Тихонову пустынь, отстоящую от скита в 6 верстах, я попросил разрешения и мне с ним съездить, на что охотно получил от настоятеля благословение. Приехали в Тихонову пустынь; обитель богатая, лесу у них около 5 000 десятин, но только пустыню нельзя назвать, так как около самого монастыря прилепилась деревня и мирские живут рядом с монахами. Обедню мы уже не застали, и я попросил разрешения отслужить молебен преподобному Тихону, на что и получил благословение. После обедни пошел посмотреть новый собор, освященный лет 10 тому назад; хорош собор, но не велик и еще не расписан. Пригласили в братскую трапезу, которая оказалась довольно просторной, светлой, расписанной, с примыкающей к ней церковью. Кушанья три перемены; после обеда благочинный о. Илья позвал к себе в келью пить чай. Он оказался весьма добродушным и весьма любезным батюшкой; приглашал у них подольше погостить, но я торопился обратно в скит, и на прощание он дал мне ввиду довольно холодной погоды, чтобы не простудиться, свой ватный теплый подрясник, доехать до скита, “а после они мне его обратно перешлют”, — сказал он, и мы, простившись с ним, поехали к колодцу преподобного Тихона; по дороге заехали в часовню, где сохраняется большое дерево с дуплом, в котором молился преподобный Тихон; попадалось нам по дороге множество нищих, калек и странников, которые просили милостыню. Приехали к колодцу; с ним рядом церковь, и в ней громадная никелированная ваза с крышкой, вроде самовара; внизу устроено несколько кранов, из которых берут воду, пьют ее и моют лицо; потом пошли в купальню, их оказалось здесь три: одна для мужчин, другая для женщин, а третья — для братии; вода прозрачная, но я не купался, так как погода очень холодная и вода прямо студеная. По приезде обратно в скит зашел к иеромонаху Иринарху, с которым познакомились в Иерусалиме; пришел к нему еще Тихоновский монах о. Симон, и мы пили чай, говорили кое о чем. Между прочим, о. Симон сказал, как у них в обители к одному старцу народ устремляется, а другой старец ужасно этим недоволен и сдается завистью; видно, враг и наши страсти везде нам мешают и не дают спастись. Мы потом с отцом Иринархом ходили осматривать скит, были в доме, устраиваемом для Великой княгини Елизаветы Феодоровны¹⁰⁷, где для нее готовится приличное помещение. Осматривали монастырские службы, встретили казначея Тихоновой пустыни, приехавшего по делу к о. Герасиму, пришлось с ним вместе и ужинать. Отец Герасим, по-видимому, хороший и добрый батюшка, только не хозяйственный и сильно доверяется казначею. Рассказа-

¹⁰⁶ Ныне не существующий скит в память великого князя Сергея Александровича, строителем которого стал иеромонах Герасим, существовал и ранее близ деревни Мстихино, однако в память о скорбном событии в нем началось в 1906 г. сооружение нового храма, освященного уже в 1907 г. в память прп. Сергия Радонежского, сооружен был и дом для призрения десяти военных инвалидов. Домик для вдовы великого князя был построен в скиту к 1913 г.

¹⁰⁷ Великая княгиня Елизавета Феодоровна (1864–1918), вдова великого князя Сергея Александровича.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

звали мне сегодня о недавно приехавшем сюда красавце- послушнике, щеголявшем шелковыми рясами; потом его заподозрили; когда же жандармы его арестовали, то нашли у него наперсные кресты, перстни, архиерейские облачения и камни с митры. Сначала он не сознавался, а потом принужден был сознаться, что он похитил их из ризницы Ново-Спасского Московского монастыря; был он у Владыки келейником и его, арестовав, увезли. Поведал мне послушник, прислуживающий на гостинице, что как прискорбно здесь жить без старца; не с кем здесь по душе поговорить и некому открыться: настоятель мало дома живет, да ему и некогда: «Вот был я в Оптиной пустыни, там меня старец Варсонофий так утешил и даже мне грехи мои прямо сказал, чего я никогда во всю жизнь не забуду». Вообще, юные, имеющие ревность к духовной жизни, везде ищут себе руководителя.

2 июля, суббота. Всю ночь ехал и по приезде в Москву переехал с Калужского вокзала на Ярославский и поехал в Зосимову пустынь, куда через станцию Арсаки, и приехал около 12 часов дня. Остановившись в приличной монастырской гостинице и отдохнувши с пути, взял билет для беседы и исповеди у старца о. Алексея¹⁰⁸. У них такой обычай, что старец принимает по №№ и исповедует в церкви в правом приделе, на клиросе за ширмой. В 4 часа зазвонили к малой вечерне, и я поспешил к богослужению. Церковь, хотя и не велика, но прекрасная и вся расписанная; после вечерни читали богомольцам молитвы перед исповедью, и 2 молитвы читал духовник лицом к народу, причем всем велел преклониться до земли, а после прочтения Символа веры говорил увещание, положенное в требнике, и в конце уже присоединил: «Се, чадо, Христос невидимо стоит», и т. д. Всенощная началась в 6 часов; служили все по уставу, пели скромно по-монастырски, на левом клиросе пели приехавшие ученики пастырской школы с Вольни; младшая братия не была на богослужении, так как трудилась на сенокосе. Выждав время, я пошел на исповедь к старцу иеромонаху о. Алексию. Узнал, что старец ведет такой образ жизни: в пятницу выходит из своего затвора и причащается в алтаре, а после обеда принимает у себя братию; в субботу же с двух часов дня и в воскресенье весь день до ночи принимает в церкви уже мирян и уходит иногда в свой затвор в 11, 12 часов ночи и уже никого больше не принимает до следующей пятницы, за исключением о. игумена, который ходит к нему в четверг для исповеди, так как старец ученик о. игумена; входит также и келейник, который ему прислуживает, принося ему обычную монастырскую пищу, которой он вкушает очень мало; если же на неделе случится двенадесятый праздник, то он выходит в церковь. Исповедует старец в церкви за ширмами на клиросе. Придя к нему, я, по примеру прочих, опустился на колени. Своим старческим видом и ласковым обращением старец меня сразу же влек к себе, и я охотно и усердно стал ему каяться в своих прегрешениях и просить советов; на мои вопросы он быстро давал определенные ответы. После исповеди, поздравив меня с очищением совести и любезно разговорившись про мое путешествие, просил меня написать от его имени письмо лаврскому иеромонаху о. Акакию, живущему в Иерусалиме в русской миссии, и поблагодарить его за присланный им перламутровый крест. Кончилась всенощная в 10 с половиной часов вечера; по окончании службы по их обычаю полагается трезвон. На другой день обедня была только одна — поздняя в 8 с половиной

¹⁰⁸ Иеросхимонах Алексей (в миру Федор Алексеевич Соловьев, 1846–1928) старец Смоленской Зосимовой пустыни. Вынул жребий, определивший избрание Патриархом Московским митрополита Тихона (Беллавина). Причислен к лику святых.

часов. Приехал настоятель о. игумен Герман¹⁰⁹, и служили с ним соборне литургию. Старец седой, представительный. После обедни была панихида соборная по боярам Кольчевым — род святителя Филиппа, его же сегодня память совершаем; также в их пустыни сохраняется икона Смоленской Божией Матери, которая принадлежала роду Кольчевых. После службы пошли с пречистой в трапезу, которая видом простая и весьма смиренная. После обеда о. Игумен позвал к себе на чай вместе с учащимися в пастырской школе. Во время чая расспрашивали о. игумена о начале их пустыни и о других предметах. В заключение, дав нам в благословение по образку и по книжечке, он просил меня поклониться от его имени нашему о. Игумену, и мы с ним расстались. Зашел я к иеродиакону о. Гедеоноу; он когда-то жил у нас на Валааме года два, а потом поселился здесь, и вот уже 13 лет как он пребывает в Зосимовой пустыни. У него же в келье сидел старичок, монастырский сборщик Аким, бывалый и опытный человек, бывший долгое время келейником у покойного старца о. Варнавы и смотрящий на великих людей очень просто и не особенно удивляясь их святости и прозорливости. По его словам, он очень много сделал для этой пустыни вместе с покойным лаврским наместником Павлом¹¹⁰ и теперь его в Москве многие знают и чтут. Знаком он с нашим сборщиком о. Иоанном Собакиным¹¹¹. После чаю пошли с о. Гедеоном осматривать их пустынь и хозяйство; ходили и на огород, и по полям прошлись. Дорогою он мне рассказал о бывшем недавно в их обители волнении и смуте. Игумен о. Герман и казначей долго жили в мире и любви, последний был даже учеником о. игумена. Во время войны с Японией о. казначей Иону послали в действующую армию. «В его отсутствии, — говорил о. Гедеонон, — мне пришлось быть за письмоводителя. По приезде с войны о. Иона опять заступил на свою должность. Вскоре его назначили вести опись в Лаврской ризнице, и он 3 года трудился в Лавре и в то же время оставался казначеем пустыни. В это время у них отношения с о. Игуменом переменились: началось разъединение. Отец Иона перешел уже к другому старцу; наконец отношения окончательно обострились, и казначей донес о имеющихся в обители непорядках, вследствие чего, по расследовании, о. Игумена перевели в Махрищенский монастырь, а в пустыни настоятелем сделали другого; но через два месяца его снова вернули в пустынь, благодаря просьбе старца Алексея, который попросил свою духовную дочь Великую княгиню Елизавету Феодоровну, чтобы та заступилась за безвинно страдающего их игумена. Великая княгиня попросила митрополита, и игумен снова вернулся в свою обитель, а казначей Иону перевели совсем в Лавру, и все приближенные его разошлись. Все успокоилось, но я, как бывший письмоводитель о. Ионы, до сего времени нахожусь как бы в опале и вот уже 8 лет как диаконом, и все не делают еще иеромонахом, видно, надо все мне перетерпеть; братия у нас очень хорошая и большинство ходит на исповедь к о. Алексею, но есть ученики и у отца игумена; сам о. Алексей, как ученик о. игумена, живет с ним в великом согласии. Великая княгиня Елизавета Феодоровна часто приезжает к отцу Алексею и во всем с ним советуется и считается усердною его духовной дочерью и многим через отца

¹⁰⁹ Игумен Герман (в миру Гавриил Гомзин, 1844–1923) настоятель и строитель Зосимовой пустыни с 1897 г. до своей кончины. Причислен к лику святых в 2000 г.

¹¹⁰ Архимандрит Павел (в миру Петр Глебов, 1827–1904) управлял Троице-Сергиевой лаврой в 1891–1904 гг.

¹¹¹ Схимонах Иоанн (в миру Иван Петрович Собакин, 1856–1933) долгие годы прожил в Москве, участвуя в сооружении подворья Валаамского монастыря и сборе средств для этого.

Путешествие в Палестину, на Афон и по России (дорожные заметки)

Алексея помогает!!» Земли у пустыни немного, десятин 200. Зайдя на гостиную и простившись с управляющим ею иеромонахом о. Иннокентием и сев в монастырский тарантас, мы поехали на станцию. Зосимова пустынь мне весьма понравилась, и она произвела доброе впечатление на меня; братия скромная и уважительная, сразу видна опытная правящая рука и во всем познается духовная дисциплина и старческое окормление. Приехал я в Сергиевскую лавру в 6 часов вечера и остановился в монастырской гостинице, после чего пошел приложиться к мощам преподобного Сергия, помолился у мощей св. угодника Божия и, простояв молебен, пошел осматривать Лавру. Зашел на кладбище, находящееся около собора, и полюбовался на старания старичка-иеродиакона о. Иерофея, усердно трудящегося у своей будущей могилы и памятника. В Лавре существует обычай покупать себе еще при жизни заблаговременно место для верного своего упокоения; многие ставят на приготовленном для себя месте монумент или крест с надписью, кто здесь, на этом месте похоронен, только не обозначают еще время смерти и лета умершего. И вот старичок о. Иерофей, трудясь около своей могилки, разговаривал с подошедшей к нему братией, которые добродушно шутили над ним, как он будет здесь лежать, и он на эти шутки также смиренно, с улыбкой, отвечал им. Приехал митрополит Московский, встретили его просто — без шума и церемоний. Зашел в монастырскую трапезу на ужин; кушает только меньшая братия — послушники; подают две перемены: щи и каша; после ужина тут же читали вечерние молитвы и в заключение, пропев величание преподобному, разошлись.

4 июля. Утром пошел пеший в скит Черниговской Божией Матери, где и стоял обедню. Чудный и грандиозный храм, весь сплошь расписанный, как говорят, за 30 000 рублей; иконостас металлический, замечательной работы. Взялся один подрядчик сделать его за 110 000 рублей, как говорили мне, и обанкротился, он стоит около 150 000 рублей; главная ктиторша и благодетельница — княгиня Черкасова, тут же под храмом погребенная. Зашел в алтарь и, осмотрев его, поздоровался со старичком-благочинным о. Досифеем, бывшим у нас на Валааме при игумене Гаврииле¹¹² в качестве богомольца. Здесь он живет уже 54 года; 10 лет жил при митрополите Филарете; помнит старцев: иеросхимонаха о. Александра, который был его старцем; наместника Антония и многих других. После обедни служитя всегда молебен у Черниговской Божией Матери в пещерах, а в понедельник прибавляют Архистратигу Михаилу. Прошелся я по пещерам, где много есть келий: «вот здесь спасался иеросхимонах о. Александр 7 лет, а тут вот жил другой старец 15 лет, там иной столько лет подвизался», — толковал мне о. Досифей. Я дивился жестокому житию сих современных нам подвижников, а про себя думал: «а я что про себя скажу? Увы! и тени монашества не имею!» Были на могилке отца Варнавы; продают его карточки и маслице с его могилки. «Вот здесь лежит, — показал мне о. Досифей, — иеромонах и духовник о. Тихон — нетленный, мы его раза три поднимали, когда строили собор; совершенно нетленный». Затем пригласил меня о. Досифей в свою келью, где мы пили чай; келья двойная и очень опрятная и уютная. Поблагодарив старца и распростившись с ним, пошел далее в Гефсиманский скит; там шла уже поздняя обедня. Напев старинный крюковой и очень сходный с нашим валаамским. После обедни

¹¹² Игумен Гавриил (Гаврилов, † 1910) поступил в Валаамский монастырь в 1866 г., управлял монастырем в 1891–1903 гг., когда был удален с острова и назначен управлять Свято-Троицким монастырем г. Алатырь Симбирской губернии. При нем братство Валаамской обители возросло более чем вдвое, а экономическое благосостояние существенно укрепилось.

иеромонах Маркиан (Попов)

был в древней церкви, выстроенной преподобным Дионисием; при церкви находятся покои митрополита Филарета; осмотрел комнаты покойного митрополита; сколько фарфоровых яиц сохраняются, подаренных ему из Царствующего Дома. Показывали мне чашку чайную, присланную папой на 50-летний юбилей великого иерарха, и вообще много есть интересных вещей, хранящихся в неприкосновенности. Дом деревянный, необшитый и непокрашенный, а прекрасно устроенный чистыми бревнами, как у нас на Предтече в церкви. Пошел обратно в Лавру, поспешая к праздничному богослужению, ведь завтра память преп. Сергия. Отдохнувши, пошел к 3 часам на торжественный молебен, бываемый у мощей преподобного Сергия кряду после малой вечерни. Я попросился быть участником на этом торжественном молебствии; мне сначала отказали в моей просьбе, сказав, что и своих много желающих иеромонахов, но потом, видно, по молитвам преп. Сергия, и мне благословили облачиться и выйти на молебен, и я, духовно ликовствуя, вкупе с митрополитом и освященным собором перед ракой преподобного отправляли молебен с акафистом преп. Сергию. В 6 часов началась торжественная всенощная. Приехала Великая Княгиня Елизавета Феодоровна в своей белой форме; она уже пожилая, и лицо худощавое, и вид ее смиренный; низко поклонилась она митрополиту. Выходил я и на величание; богомольцев было весьма великое множество. Кончилась всенощная в 10 с половиной часов.

5 [июля], вторник. Служил раннюю обедню в церкви, где находятся мощи преп. Никона, и после обедни повидался с иеродиакон о. Потопием, бывшим когда-то нашим канонархом; побеседовали с ним, потом пошли к поздней обедне. Служил митрополит со старшей братией; к обедне приехала еще какая-то Великая Княгиня. В конце литургии Владыка сказал хорошую проповедь. После службы меня пригласили в трапезу; митрополита в трапезе не было, т. к. он в своих покоях угощал высоких гостей, Трапеза была весьма хорошая; по окончании ее я, распростившись с проводившим меня иеродиакон о. Потопием, отправился на вокзал и к вечеру был уже в Москве на своем Валаамском подворье в кругу родной своей братии и отдыхал душою и телом. Так, благодарение Господу, окончилось мое долгое и многотрудное путешествие, во время которого видел я над собой постоянно великую милость и помощь Божию и приписывал это молитвам святых отцев и братьев наших, поминавших меня, странствующего, на своих святых молитвах. Благодарю Господа, сподобившего меня исполнить мое сердечное и заветное желание, еще с юных лет имеющееся в моем сердце: посетить Св. Град Иерусалим и Св. Гору Афонскую. Много я увидел и услышал и молю Бога, чтобы оное послужило на пользу моей души и к стяжанию опытности и доброго рассуждения. Если же кто, читая сии мои записки, найдет что-либо неправильное или вредное, то смиренно прошу простить меня Господа ради; я писал больше для своей памяти и для доброго воспоминания о пережитых впечатлениях.

Многогрешный иеромонах Маркиан.
6 апреля 1912 года.